

Российская Академия Наук
Институт философии
Центр изучения социокультурных изменений

**Социокультурный
портрет региона**

**Типовая программа и методика,
методологические проблемы**

**Материалы конференции
«Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов»
Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г.**

Москва, 2006

Рецензенты:

доктор философских наук *И.Н.Сиземская*
доктор социологических наук *Н.Е.Тихонова*

Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Сборник материалов конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. 27 июня – 1 июля 2005 г. Под редакцией Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., ИФРАН, 2006. - с.

В сборнике представлены материалы первой российской конференции, посвященной реализации программы «Социокультурная эволюция регионов России». В конференции приняли участие специалисты, представлявшие 19 субъектов РФ. В первом разделе сборника впервые публикуется Типовая программа и методика «Социокультурный портрет региона», которую подготовил Центр изучения социокультурных изменений ИФРАН и поддержали участники конференции. Во втором разделе помещены доклады авторов Типовой программы и методики, которые поясняют ключевые аспекты ее использования. Третий и четвертый разделы содержат тексты выступлений участников конференции по общеметодологическим и конкретным вопросам разработки социокультурных портретов российских регионов.

Для научных работников и преподавателей вузов, управленцев и бизнесменов, журналистов и всех интересующихся вопросами социокультурного развития регионов России.

Сборник подготовлен при поддержке РГНФ в рамках проектов: «Разработка и апробация базового инструментария для создания социологических портретов регионов Российской Федерации – Социокультурного атласа России» (проект № 05-03-03075а); проведение конференции «Социокультурный атлас России и перспективы развития российских регионов» (проект № 05-03-14010г).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, приступил к реализации исследовательской программы «*Социокультурная эволюция регионов России*» (первый ее этап рассчитан на 2005-2007 гг.). В марте 2005 г. замысел Программы был обсужден на конференции Сообщества профессиональных социологов и получил одобрение ее участников. В рамках этой программы на базе ЦИСИ ИФРАН с 27 июня по 1 июля 2005 г. состоялась первая российская конференция: «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов (разработка типовой методики социологического портрета региона)».

В конференции приняли участие 36 специалистов. Участники конференции представляли 19 регионов – субъектов Российской Федерации, которые расположены в шести из семи (кроме Сибирского) федеральных округах: *Центральный федеральный округ*: Белгородская, Курская, Московская, Смоленская области, г. Москва; *Северо-Западный федеральный округ*: Республика Карелия, Архангельская область; *Южный федеральный округ*: Республики Ингушетия и Северная Осетия–Алания, Краснодарский и Ставропольский края; *Приволжский федеральный округ*: Республика Башкортостан, Чувашская республика, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Пермская области; *Уральский федеральный округ*: Тюменская область; *Дальневосточный федеральный округ*: Республика Саха (Якутия).

Среди участников конференции были преимущественно социологи, ведущие эмпирические исследования в своих регионах, участвующие во всероссийских и международных исследованиях, имеющие большой опыт изучения региональных социальных проблем. Из 36 участников 1 – член-корреспондент РАН, 16 - доктора наук, 11 - кандидаты наук. В конференции приняли участие представители органов власти: Московской областной думы, Ставропольской краевой думы, Карельской республиканской думы. Персональный список участников приведен в конце сборника.

В центре обсуждения находился проект **Типовой методики «Социологический портрет региона»**, разработанной сотрудниками ЦИСИ при участии специалистов МГУ и ряда других вузов и исследовательских центров. Типовая методика включает: план-проспект Портрета региона; бланк интервью для опроса населения; перечень слабоформализуемых проблем для их анализа в фокус-группах и иными методами; структурированный перечень статистических показателей, используемых при составлении Портрета; методические указания по выборке и технике проведения интервью. Авторы методики: руководитель ЦИСИ, член-корреспондент РАН Н.И.Лапин (руководитель

проекта); доктор социологических наук, вед.н.с. ЦИСИ Л.А.Беляева; доктор философских наук, директор Центра социологических исследований МГУ С.В. Туманов. В подготовке методики приняли участие: кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ЦИСИ ИФРАН В.П.Горяинов; доктор географических наук, доцент кафедры экономической географии МГУ Н.В.Зубаревич; кандидат социологических наук, заведующий отделом Центра социологических исследований МГУ А.А.Ионов; доктор экономических наук, зав. кафедрой Нижегородского ГУ А.А.Иудин.

Использование Типовой методики позволит сопоставлять и обобщать результаты, получаемые в различных регионах. Появится возможность составить социокультурные карты регионов, подготовить на их основе «Социокультурный атлас России», получить регионально дифференцированную картину социокультурного пространства страны и его эволюции. Вместе с тем, типовой характер методики предполагает, что она будет дополнена параметрами, которые учитывают особенности каждого региона, запросы заказчиков и других адресатов. Отметим, что в ходе дискуссии многие участники высказывались в пользу термина «социокультурный» в названии Типовой методики; авторы восприняли это пожелание. Далее преимущественно используется именно этот термин.

Очевидна теоретико-познавательная и прикладная направленность работы по подготовке социокультурных портретов российских регионов. Во-первых, будет глубже выявлена *специфика социокультурных характеристик каждого региона*, что позволит органам управления сформировать более эффективную стратегию и тактику управления регионами, повысить инвестиционную привлекательность этих регионов. Во-вторых, подготовка портретов позволит изучить и представить социокультурный контекст реализации в регионах *приоритетных национальных проектов*: современное здравоохранение; качественное образование; доступное и комфортное жилье; эффективное сельское хозяйство. В-третьих, банки, корпорации, фирмы, малый бизнес получают важную информацию о структуре спроса на товары и услуги в каждом изученном регионе, что будет способствовать *повышению инвестиционного имиджа регионов*.

Все участники конференции заранее получили пакет документов, входящих в состав Типовой методики.

На конференции были заслушаны и обсуждены доклады Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой и С.В.Туманова; затем состоялись заседания трех круглых столов и была принята итоговая резолюция конференции.

В докладе Н.И. Лапина «*Актуальные проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов*» было подчеркнuto, что типовая методика «Социологического

(социокультурного) портрета региона» опирается на богатый опыт разработки проблем социального развития регионов досоветской, советской и современной России. Предварительный анализ показал, что *программа* подготовки социокультурного портрета региона должна иметь особенности, существенно отличающие данный тип исследования от монопроблемного исследования или локализованного рамками отдельных организаций. Исходным в программе служит содержательный *План-перспектива* социокультурного портрета региона. С одной стороны, он включает классическую совокупность программных представлений об объекте и его проблемах, о комплексе его параметров и их взаимосвязях как предмете изучения. С другой стороны, он ориентирует на возможно четкое представление о структуре самого портрета региона как конечного продукта всей исследовательской работы, монографического изложения ее результатов. Совокупности проблем и параметров региона структурируются по четырем сферам его социокультурной жизни: культура, экономика, социальная структура, социальное управление.

Докладчик обосновал целесообразность следующих разделов социокультурного портрета региона:

1. Общая характеристика региона
2. Население, его этнокультурные и социальные особенности
3. Уровень жизни и социальное самочувствие населения
4. Культурный потенциал (капитал) населения и его использование для инновационного развития региона
5. Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность
6. Социальная стратификация и мобильность
7. Государственное регулирование и самоорганизация социальной жизни региона
8. Общие выводы.

В докладе были охарактеризованы две группы проблем социокультурной эволюции российских регионов. Во-первых, это достаточно определенные, четко фиксируемые проблемы уровня жизни, социальной стратификации, этносоциальной дифференциации, культурного потенциала населения и ряд других – они поддаются изучению стандартизованными методами и составляют основу Портрета региона. Во-вторых, в каждом регионе имеется некоторый круг размытых, слабо структурированных, но весьма острых проблем, которые существенно влияют на трудовую и повседневную активность населения, но трудно поддаются эмпирической верификации, – таких как коррупция, теневые практики во взаимоотношениях работодателей и наемных работников, бюрократизация отношений чиновников с населением и другие; их изучение и отражение в Портрете региона требует специфических методов.

В обсуждении доклада приняли участие большинство присутствовавших. При этом все выступавшие подчеркивали актуальность, новизну и комплексный характер предложенного подхода к изучению социологических проблем региона. Участники

обсуждения поддержали проект методики и высказали желание провести по ней исследование. При этом были внесены конкретные предложения по уточнению ряда положений методики с учетом специфики регионов. Подводя итоги обсуждения, докладчик подчеркнул свободу каждого исследовательского коллектива творчески учитывать особенности своего региона и выразил готовность внести в План-проспект и другие части Методики необходимые изменения по результатам работы конференции и в ходе последующего интерактивного общения с ее участниками.

В докладе Л.А. Беляевой *«Социально-экономические проблемы в социокультурном портрете региона»* был предложен концептуальный подход, анализирующий преобразования в России, ее движение к новому социетальному типу с учетом критерия развития в обществе черт современного, модернистского проекта. При этом была подчеркнута необходимость находить социально приемлемые решения многих проблем, возникших в новых условиях, например, традиционализации и даже архаизации некоторых сфер общества, без чего сам модернизационный проект обречен на умирание в российских условиях.

В докладе подчеркивалось, что с учетом социологической направленности проекта, критерием анализа социально-экономических проблем должно служить их воздействие на жизнедеятельность человека или социальной группы, на их интересы и взаимоотношения. Было предложено следовать двум принципам в анализе этих проблем при составлении социокультурного портрета региона: комплексности и оптимальной достаточности показателей. Принцип оптимальной достаточности позволяет сопоставить социальное развитие субъектов Федерации, обеспечить динамичность социологического портрета и провести типологию регионов по результатам составления социологического портрета.

В докладе были выделены ключевые социально-экономические проблемы, которые целесообразно отразить в социокультурном портрете региона: уровень жизни и социальное самочувствие населения; экономическая активность и мотивация трудовой деятельности; влияние плюрализации форм собственности на трудовую занятость; качество трудовых ресурсов региона; изменение социально-профессионального статуса респондентов за годы реформ; социальная стратификация населения, в том числе имущественная стратификация; изменение структуры источников средств существования. Для анализа этих проблем была предложена система статистических показателей и данных опросов населения по единому социологическому инструментарию.

В докладе был обсужден вопрос о типологии регионов с использованием показателей из материалов общероссийской статистики, а также получаемые в опросах

населения. При этом было подчеркнуто, что необходимо дальнейшее обоснование системы критериев типологии социологических портретов регионов и разработка соответствующих индексов.

При обсуждении доклада были высказаны предложения по системе показателей и по выделяемым в анализе временным периодам для получения сравнимых данных относительно динамики социального развития регионов.

В докладе В.С. Туманова *«Опыт методического обеспечения эмпирических исследований в регионах»* были рассмотрены вопросы организации исследований, построения региональной выборки. Все участники конференции получили методические материалы для обеспечения опроса населения и построения выборки. Участники конференции задали большое число вопросов по конкретным проблемам организации эмпирического исследования применительно к специфике своих регионов, поделились своим опытом проведения исследований.

На круглом столе *«План-проспект «Социокультурного портрета региона»* с высокой активностью всех участников обсуждалась концепция плана-проспекта, которая была воспринята как новаторская и перспективная для отражения социокультурных параметров регионов. Подчеркивалось, что составление Портретов будет полезно для центральных и местных органов управления, ученых, журналистов, всех, интересующихся социальным развитием регионов. Участники круглого стола отмечали актуальность и своевременность составления социологического портрета регионов, подчеркивая, что в методике заложена возможность провести сравнение регионов по широкому кругу социологических показателей, а также отразить динамическое состояние региона за постсоветское время и в сравнении с дореформенным периодом. Положительно была воспринята и перспектива типологизации социокультурного пространства России по результатам составления социологического, точнее, социокультурного портрета регионов.

На круглом столе *«Перечень и источники статистических показателей для социокультурного портрета региона»* была подробно рассмотрена система статистических источников и показателей для выработки единого подхода к анализу проблем, отражаемых в Портрете. Помимо тех статистических источников, которые имеют общероссийские данные и данные по регионам, было признано целесообразным использовать в анализе региональные статистические издания, а также материалы местных ведомств и организаций.

На круглом столе *«Вопросник интервью для подготовки социокультурного портрета региона»* обсуждался инструментарий социологического опроса населения региона, уточнялись некоторые положения бланка интервью, предлагались опробованные

в исследованиях варианты формулировки вопросов, некоторые изменения в объективной части бланка.

Большую заинтересованность высказали участники конференции при обсуждении вопросов организации полевых исследований и других организационных вопросов участия региональных коллективов в проектах РГНФ по теме конференции. Кроме того, были обсуждены проблемы привлечения местных источников для финансирования соответствующих проектов, а также те трудности и препятствия, с которыми сталкиваются исследовательские коллективы в регионах.

Участвовавшие в конференции представители органов власти – Московской областной думы, Ставропольской краевой думы и Петрозаводской областной думы отметили целесообразность проведения исследований в своих регионах и свое решение предложить руководству регионов принять участие в организации и финансировании соответствующих проектов.

На заключительном заседании были подведены итоги конференции, принята резолюция. Проект Типовой методики «Социокультурный портрет региона» получил единодушную поддержку участников конференции и рекомендован, после доработки с учетом высказанных замечаний и пожеланий, к апробации и публикации. Было решено опубликовать Типовую методику, доклады и выступления на конференции в специальном сборнике, для чего участникам предложено до 15 сентября прислать в ЦИСИ доработанные тексты выступлений.

В результате доработки инструментарий приобрел следующий вид: «Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика (пакет документов для пилотажных исследований)». В этом виде он впервые публикуется в настоящем сборнике. В первоначальный проект добавлена «Общая часть программы: методологические предпосылки, исходные предположения». План-проспект модифицирован в «Программу-проспект социокультурного портрета региона (с источниками данных)»: для каждого из 300 параметров Портрета приведены номера конкретных источников данных, получаемых с помощью социологических методов или статистических материалов. Существенно доработаны содержание и структура основного социологического инструмента: «Вопросы для интервью по месту жительства». Детально представлены «Методические требования по организации и проведению эмпирического исследования в регионе».

В качестве приложений даны: 1) «Резервные вопросы интервью», которые разработчики региональных проектов могут по собственному усмотрению использовать, изменять, дополнять; 2) темы для интервью, фокус-групп, экспертных опросов, контент-

анализа по малоизученной тематике «Социальные институты в регионах» - предполагается, что сами разработчики региональных портретов будут инициировать подготовку соответствующих методических инструментов; 3) «Перечень таблиц статистических данных (с указанием источников)» служит своего рода указателем к «Программе-проспекту», в котором изучаемые параметры снабжены номерами таблиц, содержащихся в данном «Перечне», - это облегчает поиск источников статистических данных.

В соответствии с предложенной Программой, с 2005 г. реализуются 6 исследовательских проектов по подготовке социокультурных (социологических) портретов регионов. Эти проекты поддержаны в рамках региональных конкурсов, которые РГНФ проводит совместно с администрациями соответствующих субъектов Российской Федерации. Специалисты еще около 10 регионов выразили намерение готовить социокультурные (социологические) портреты на базе Типовой программы и методики.

В интересах развития России и ее регионов желательно иметь социокультурные портреты всех субъектов РФ. Надеемся, что со временем такие портреты будут подготавливаться в каждом регионе в мониторинговом режиме, не реже одного раза в четыре года. Динамичная картина позволит глубже анализировать острые социальные и культурные проблемы эволюции субъектов РФ, федеральных округов, находить пути их решения.

Настоящий сборник состоит из четырех разделов. Первый из них содержит пакет документов «Типовая программа и методика «Социокультурный портрет региона», предназначенных для пилотажных исследований. Во второй раздел включены доклады разработчиков Типовой программы и методики, в которых рассмотрены методологические аспекты использования этих документов. В третьем разделе представлены статьи участников конференции, в которых изложены дополнительные и альтернативные подходы к подготовке социокультурных портретов регионов. Четвертый раздел включает статьи, в которых представлен ряд социокультурных аспектов нескольких регионов, обсуждаются вопросы методики их изучения.

Надеемся, что публикация Типовой программы и методики, материалов конференции, посвященной обсуждению ее проекта, вызовет интерес у специалистов. Социокультурные портреты регионов, социокультурный атлас России будут востребованы политическими, деловыми, административными структурами регионов и всей страны, средствами массовой информации, учреждениями высшего и среднего образования, широкими кругами российских граждан.

Успеху конференции помогли научные сотрудники Института философии И.Е.Ахваткина и Т.Н.Высоцкая, научный сотрудник Центра социологических исследований МГУ С.П.Бабочкина. И.Е.Ахваткина оказала научно-организационную поддержку изданию настоящего сборника.

Мы будем глубоко признательны за замечания и предложения, направленные на совершенствование Типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона» (контактный адрес: lapin@iph.ras.ru).

Февраль 2006 г.

Руководитель программы «Социокультурная эволюция регионов России»,
руководитель Центра изучения социокультурных изменений ИФРАН,
член-корреспондент РАН

Н.И.Лапин

1.
**СОЦИКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА:
ТИПОВАЯ ПРОГРАММА И МЕТОДИКА***

Авторы типовой программы и методики:

Н.И.Лапин (руководитель проекта, руководитель ЦИСИ ИФРАН, член-корреспондент РАН) – замысел программы и методики; предисловие, общая часть; разделы 1, 2, 4, 7 программы-проспекта; разделы I, II, IV интервью; приложения: «Резервные вопросы», «Социальные институты», разделы 1, 2, 4, 7 перечня таблиц статистических данных.

Л.А.Беляева (доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ЦИСИ ИФРАН) разделы 3,5, 6 программы-проспекта; раздел III интервью; разделы 3, 5, 6 перечня таблиц статистических данных.

*Проект осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект № 05-03-03075), при тесном взаимодействии с участниками проектов, поддержанных в рамках региональных конкурсов РГНФ по тематике «Социокультурные портреты регионов».

ОТ АВТОРОВ

Типовая программа и методика «Социокультурного портрета региона» подготовлена с учетом богатого опыта разработки проблем социального развития регионов СССР и современной России. Прежде всего, вспомним цикл методических рекомендаций, созданных в 70-х годах XX века под патронажем ВЦСПС, при активнейшем участии научных коллективов (социологи, экономисты, историки, юристы), и обеспечивших разработку тысяч планов социального развития предприятий, городов и отраслей промышленности СССР¹. Этот пионерский опыт получил международное признание.

После тяжелейшего системного кризиса 90-х годов возрождаются попытки научно обоснованного социально-экономического развития регионов современной России. Начало этому процессу положили экономисты. На основе многолетних исследований, систематически проводившихся на базе Совета по изучению производительных сил СССР/России (руководители: академики РАН А.Г.Аганбегян, А.Г.Гранберг), опубликованы фундаментальные труды, обосновывающие стратегию макрорегионов и регионов России². НПО «Экономика» приступило к выпуску 95-томной «Экономической энциклопедии регионов России»³.

¹ См.: Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации. Гл. ред. Д.А.Керимов. 3-е изд. М., Профиздат, 1980; Перспективное планирование экономического и социального развития города. Методические рекомендации. Гл. ред. М.Н.Руткевич. М., Профиздат, 1977; Планирование социального развития отрасли промышленности. Методические рекомендации. Гл. ред. Д.А.Керимов. М., Профиздат, 1979. Научный вклад в разработку социального планирования внесли социологи НИИКСИ ЛГУ (В.Р.Полозов), Москвы (В.Г.Подмарков), Пермского политехнического университета (З.И.Файнбург, В.И.Герчиков), Красноярского края (Ж.Т.Тощенко) и др. Упомянем и аналитическую работу социологов ИКСИ АН СССР: Н.И.Лапин, Э.М.Коржева, Н.И.Наумова. Теория и практика социального планирования. М., Политиздат, 1975.

² См.: Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации. Гл. ред. Д.А.Керимов. 3-е изд. М., Профиздат, 1980; Перспективное планирование экономического и социального развития города. Методические рекомендации. Гл. ред. М.Н.Руткевич. М., Профиздат, 1977; Планирование социального развития отрасли промышленности. Методические рекомендации. Гл. ред. Д.А.Керимов. М., Профиздат, 1979. Научный вклад в разработку социального планирования внесли социологи НИИКСИ ЛГУ (В.Р.Полозов), Москвы (В.Г.Подмарков), Пермского политехнического университета (З.И.Файнбург, В.И.Герчиков), Красноярского края (Ж.Т.Тощенко) и др. Упомянем и аналитическую работу социологов ИКСИ АН СССР: Н.И.Лапин, Э.М.Коржева, Н.И.Наумова. Теория и практика социального планирования. М., Политиздат, 1975. ³ См.: Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации. Гл. ред. Д.А.Керимов. 3-е изд. М., Профиздат, 1980; Перспективное планирование экономического и социального развития города. Методические рекомендации. Гл. ред. М.Н.Руткевич. М., Профиздат, 1977; Планирование социального развития отрасли промышленности. Методические рекомендации. Гл. ред. Д.А.Керимов. М., Профиздат, 1979. Научный вклад в разработку социального планирования внесли социологи НИИКСИ ЛГУ (В.Р.Полозов), Москвы (В.Г.Подмарков), Пермского политехнического университета (З.И.Файнбург, В.И.Герчиков), Красноярского края (Ж.Т.Тощенко) и др. Упомянем и аналитическую работу социологов ИКСИ АН СССР: Н.И.Лапин, Э.М.Коржева, Н.И.Наумова. Теория и практика социального планирования. М., Политиздат, 1975.

Одновременно социологи и социально ориентированные экономисты, экономические географы и другие специалисты развернули локальные, проблемные и общестрановые исследования проблем социального развития регионов России. Опираясь на конкретные исследования актуальных проблем этого развития, они получили и опубликовали серьезные результаты⁴. Ведет регулярный анализ эмпирических данных и комплексных индексов потенциала человеческого развития, накапливает опыт подготовки социального атласа российских регионов Независимый институт социальной политики (рук. Т.И.Малева)⁵. Сотрудники Института социологии РАН подготовили специализированные портреты некоторых регионов⁶.

В декабре 2000 г., в докладе на заседании Бюро Отделения философии, социологии, психологии и права РАН, автор этих строк выдвинул идею проекта «Социокультурная карта России»; в январе 2001 г. он повторил это предложение в докладе на международном симпозиуме «Кто и куда стремится вести Россию»⁷. В июне 2004 г. он предложил РГНФ программу «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов», ядро которой составляет разработка «Социокультурного портрета региона» по типовой программе и методике, обеспечивающей сопоставимость результатов, получаемых по различным регионам - субъектам Российской Федерации. Предложение получило поддержку со стороны ряда регионов; в 2005 г. началась реализация проекта РГНФ по разработке типовой методики и шести проектов РГНФ по подготовке социологических портретов соответствующих регионов.

² См.: Стратегии макрорегионов России. Методологические подходы, приоритеты и пути реализации. Под ред. А.Г.Гранберга. М., Наука, 2004; Стратегическое управление: регион, город, предприятие. Под ред. Д.С.Львова, А.Г.Гранберга, А.П.Егоршина. М., Экономика, 2004.

³ Экономическая энциклопедия регионов России. *Свердловская область*. Гл. ред. А.И.Татаркин. М., Экономика, 2003; *Республика Башкортостан*. М., Экономика, 2004; *Волгоградская область*. Гл. ред. О.В.Иншаков. М., Экономика, 2005.

⁴ См.: *Кахаров А.Г.* Социология регионов. М., 1996; *А.А.Дрегалю, В.И.Ульяновский.* Регион: диагностика социального пространства региона. Архангельск, 1997; *И.П.Рязанцев.* Социально-экономические отношения «регион-центр»: теория, методология, анализ. М., МГУ, 1998; *О.В.Байдалова.* Развитие региона как социальной системы: социальные показатели и индикаторы. Волгоград, ВАГС, 2002; *Н.В.Зубаревич.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., УРСС, 2003; *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2004; *Баранов А.В., Вартумян А.А.* Политическая регионалистика. Курс лекций. Выпуск 5. Приложение. М., изд-во МГСУ «Союз», 2005. С. 120-128. Издаются журналы: «Регион: экономика и социология» (Новосибирск, гл. ред. ?), «Регионология» (Саранск, гл. ред. А.И.Сухарев).

⁵ См. интернет-проект «Социальный атлас российских регионов» / Интегральные индексы // Независимый институт социальной политики // http://socpol.ru/atlas/indexes/index_innov.shtml (руководитель проекта Н.В.Зубаревич). Его продолжением стала книга: Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? М., Поматур, 2005.

⁶ *З.Т.Голенкова* и др. Социальные проблемы развития Калмыкии // Мониторинг общественного мнения, 2004, № 3; *З.Голенкова, Г.Заболотная.* Политическое пространство Тюменского региона. Особенности современного развития // Безопасность Евразии. 2004, № 3.

Первая версия предлагаемого ниже проекта типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона» была обсуждена на конференции участников данных проектов и других специалистов, заинтересованных в подготовке социологических портретов своих регионов. В ходе конференции, которая состоялась 27 июня – 1 июля 2005 г. в Институте философии РАН (Москва), этот проект получил поддержку всех участников; вместе с тем, был высказан ряд замечаний и предложений. После доработки авторы проекта вновь направили его участникам конференции для возможных уточнений. С учетом этих уточнений он публикуется в настоящем сборнике материалов конференции и проходит пилотажную апробацию.

Авторы Типовой программы и методики выражают благодарность за полезные консультации, замечания и предложения: кандидату психологических наук, старшему научному сотруднику ЦИСИ ИФ РАН В.П.Горяинову и доктору философских наук, директору Центра социологических исследований МГУ С.В.Туманову, а также доктору географических наук, доценту географического факультета МГУ Н.В.Зубаревич, доктору экономических наук, заведующему кафедрой Нижегородского ГУ А.А.Иудину, кандидату социологических наук, заведующему отделом Центра социологических исследований МГУ А.А.Ионову, всем участникам упомянутой конференции.

Успеху конференции помогли научные сотрудники Института философии И.Е.Ахваткина и Т.Н.Высоцкая, научный сотрудник Центра социологических исследований МГУ С.П.Бабочкина. И.Е.Ахваткина оказала научно-организационную поддержку изданию настоящего сборника.

Март 2006 г.

Н.И.Лапин - руководитель проекта, член-корреспондент РАН.

Л.А.Беляева – доктор социологических н.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ИСХОДНЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Особенности «Социокультурного портрета региона»

Объект: в качестве объекта изучения и описания в жанре «портрета» принимается регион (субъект РФ) как исторически сформировавшаяся социокультурная территориальная общность, во взаимосвязи ее социальных и культурных параметров.

Комплексность: в «Портрете» должен быть представлен комплекс социальных и культурных характеристик региона, объективных и субъективных.

Проблемно-аналитический характер: анализ проблем и эволюции социальных институтов в регионах. Аналитические центры внимания: социальные и культурные преимущества и слабости, базовые проблемы и тенденции социокультурного развития региона. Акцент на изучение укорененных и новых поведенческих практик, их правил и норм: правовых и неправовых, легитимных и нелегитимных.

Наглядность: таблицы, рисунки, социокультурные карты региона.

Сопоставимость: единство типовых параметров, их индикаторов и методов получения эмпирических данных; общая программа-проспект подготовки и изложения социокультурного портрета региона.

Цели типовой программы и методики его подготовки

I. Обеспечить комплексность, проблемно-аналитический характер и наглядность социокультурных портретов регионов России, которые были бы востребованы административными, деловыми, политическими структурами, СМИ, учреждениями образования, широкими слоями населения регионов и всей страны.

II. Обеспечить сопоставимость социокультурных портретов различных регионов, дабы в ближней перспективе можно было подготовить «Социокультурный атлас России».

Исследовательские подходы, базовые проблемы социокультурной эволюции российских регионов

Сложность, комплексность региона как объекта делает целесообразным использование совокупности различных подходов (парадигм), методов его изучения и описания. Среди них: системный, цивилизационный, социально-экономический, социокультурный, структурно-функциональный, субъектно-деятельностный и другие. В том числе предложенный Н.И.Лапиным антропосоциетальный подход, который имеет полипарадигмальный характер.

Общую методологическую основу проекта составляет **социокультурный подход**: регион рассматривается как *территориальное сообщество*, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов. Внимание исследователей распределяется между двумя полюсами: один полюс образуют типологические характеристики личности, которые позволяют социальным акторам действовать в данном регионе успешно или неуспешно – для себя и для региона; другим полюсом служит социокультурный статус/престиж, рейтинг данного региона по сравнению с соседними и иными регионами страны, функции/дисфункции этого региона по отношению к жителям этого региона и к российскому обществу.

В русле такого подхода будут рассмотрены проблемы развития человеческого потенциала, уровня и качества жизни, безопасности, бедности и рисков населения региона, идентичности и структуры ценностей личности, социальной стратификации, мобильности, компонентов национальной инновационной системы и др. При этом целесообразно выделять поселенческий, гендерный, поколенческий аспекты рассматриваемых проблем. С охарактеризованных выше позиций может быть интерпретирован также ряд экономических, политических, управленческих проблем региона.

Основное предположение (не строго проверяемое) состоит в том, что в большинстве регионов, имеющих низкий рейтинг (статус/престиж) в стране, существенно недоиспользуется созидательный инновационно-деятельный потенциал социальных акторов; возможная причина этого – такая институционализация неправовых практик в этих регионах, которая блокирует деятельный потенциал широких слоев населения и утверждает иной, пассивно-рутинный тип личности; напротив, в других регионах неправовые практики не блокируют, а мотивируют инновационно-деятельный тип личности. Способ проверки гипотезы двоякий: а) углубленный анализ механизмов, которые блокируют или мотивируют созидательную активность населения внутри регионов; б) сравнение этих механизмов в регионах с разным рейтингом. Потребуется использовать количественные и качественные методы (углубленные интервью, фокус-группы, экспертные оценки).

Открытым представляется вопрос о критериях функциональности/дисфункциональности региона по отношению к обществу как целому. Экономическую суть проблемы можно конкретизировать следующим образом: как при очень высокой дифференциации уровней развития регионов сочетать государственную поддержку низкоразвитых регионов – реципиентов федерального бюджета (их большинство) с сохранением стимулов для продолжения роста немногих высокоразвитых регионов – доноров федерального бюджета. Экономический критерий дифференциации регионов на доноров и реципиентов федерального бюджета необходим, но явно недостаточен. Требуется многокритериальный подход и поиск латентных социетальных функций региона, использование факторного анализа в таком поиске, а также изучение опыта оптимальной дифференциации регионов западноевропейских обществ, влияния процессов глобализации на функции регионов.

Если принять во внимание более широкий, *антропосоциетальный подход*, то в условиях социетальной трансформации российского общества ключевое значение

приобретают две группы процессов: 1) антропосоциетальный процесс - изменение характера соотношения личности и общества; 2) социетальный процесс - эволюция структуры и эффективности социальных функций регионов.

Между тем, регион как социокультурное сообщество остается для российской социологии во многом terra incognita. С одной стороны, имеется немало количественной и качественной информации о регионах, но она разрознена и мало осмыслена применительно к регионам как социокультурным сообществам. Поэтому, с другой стороны, предстоит выявить базовые проблемы и сформулировать исходные предположения (не строгие гипотезы). Следовательно, на данном этапе целесообразно строить изучение российских регионов в русле двух стратегий (принципиальных планов): разведывательной и описательной. Назовем их сочетание *разведывательно-описательной стратегией*.

Разведывательная составляющая этой стратегии нацелена прежде всего на выяснение **вопросов**, возникающих в связи с отмеченными двумя группами процессов.

Во-первых: а) Наблюдается ли в регионах движение от прежнего, тотального подчинения индивида социокультурной средой, в особенности государством, к современному, относительно свободному, либеральному взаимодействию индивида с этой средой? б) На уровне ценностных ориентаций: наблюдается ли эволюция структуры базовых ценностей населения от доминирования традиционных ценностей к повышению влияния либеральных ценностей, а на уровне поведенческих ориентаций - эволюция от патернализма к активизму личности при решении жизненно важных проблем?

Во-вторых: а) Допустимо ли рассматривать социальные функции регионов по аналогии с социетальными функциями (интеграция, жизнеобеспечение, дифференциация, регулирование)? б) Какие происходят изменения в содержании этих функций, их структуре, согласованности/рассогласованности между собой, в конечной их эффективности для жителей регионов? в) Можно ли выявить тенденции, векторы этих изменений?

Обоснованность этих и подобных вопросов подтверждается тем, что их можно переформулировать в виде таких, достаточно конкретных проблем:

1) очень высокая социокультурная дифференциация регионов России (в том числе соседних), ситуаций и фаз их социокультурной эволюции, стандартов и стилей жизни их населения;

2) внутрирегиональная разбалансированность основных социальных функций большинства регионов, невнимание к структуре этих функций и качеству их осуществления со стороны региональных и федеральных органов управления;

3) преобладание упрощенных, стандартизованных подходов со стороны федеральных и региональных органов к решению проблем регионального развития.

С учетом сказанного, можно сформулировать не строго проверяемые, но, на наш взгляд, достаточно продуктивные **исходные предположения**:

1) Возможно выравнивание стандартов жизни населения различных регионов России при сохранении их социокультурной дифференциации, разнообразия стилей жизни.

2) Как согласованность, так и разбалансированность основных социальных функций регионов играют различную роль (в одних случаях позитивную, в других - негативную) на восходящей, нисходящей или же кризисной фазах эволюции их эффективности (показателями их совокупной эффективности могут быть комплексные индексы: уровень развития человеческого потенциала, качество жизни населения региона и другие).

3) Эффективна не стандартизованная, а адресная региональная политика федеральных и региональных органов, опирающаяся на простые, постоянно разъясняемые населению рациональные принципы, правила.

4) Нередко становление новых социальных и культурных институтов в регионах совершается на основе мифологизированных, нерационально осмысленных фактов, прецедентов – это увеличивает поток латентных, непредвиденных последствий, не поддающихся легитимному регулированию.

5) Публикация научно подготовленных портретов регионов будет способствовать развитию социокультурной идентичности жителей регионов, рациональному осмыслению базовых проблем регионов их населением и органами управления.

Описательная составляющая принятой нами стратегии нацелена на измерение совокупности параметров региона как социокультурного сообщества: их структуры и, по возможности, динамики. Необходимо использовать различные методы и техники для измерения этих параметров: социологические, социально-психологические, экономико-статистические и другие – в зависимости от особенностей решаемых задач. Жанр «портрета» как публичного продукта исследований также накладывает отпечаток на форму исследовательской программы.

Предварительный анализ характера изучаемого объекта, его проблем и предполагаемых способов изложения полученных результатов показал, что будет продуктивным представить конкретную программу изучения региона и подготовки его портрета как публикуемого результата в форме *программы-перспекта*. В этом документе исследовательские задачи (такие как систематизированный перечень изучаемых

параметров объекта и источников информации по каждому параметру) должны сочетаться с задачами подготовки публичного произведения, адресованного достаточно широким кругам читателей.

Вместе с тем, типовой характер разрабатываемых документов накладывает существенные ограничения на их объемы (в том числе из соображений экономии затрат на проведение исследований), требует достаточной простоты их использования, но без ущерба качеству получаемой информации, ее анализа и описания. Предполагается также, что разработчики региональных портретов могут вносить в типовые документы дополнительные параметры, в которых будет отражена специфика каждого региона. Периодический, мониторинговый характер региональных исследований будет побуждать авторов к регулярным дополнениям, модификациям типовых документов, при сохранении устойчивого каркаса основных их параметров. Это придаст результатам исследований двойную сопоставимость: синхронную и диахронную.

В итоге мы получили такую **структуру** Типовой программы и методики подготовки социокультурного портрета региона:

I. «Общая часть программы: методологические предпосылки, исходные предположения». Здесь дана характеристика целей типовой программы и методики, представлены методологические подходы, базовые проблемы, стратегический план исследования и структура инструментария.

II. «Программа-проспект социокультурного портрета региона (с источниками данных)» включает систематический перечень проблем, изучаемых параметров региона и источников информации по каждому параметру, получаемой с помощью статистики и социологическими методами. Структура этого перечня одновременно представляет собой примерный план-проспект публикуемого «портрета» региона.

Характер этого документа определяется спецификой жанра исследования: речь идет не о стандартной программе исследования конкретной проблемы, а о комплексном, монографическом обследовании крупного объекта (субъекта РФ), которое предполагает совокупность проблем и ориентировано на представление объекта в форме социокультурного «портрета». Поэтому потребовался новый, гибридный жанр документа: «программа-проспект (с источниками данных)».

Этот документ состоит из 8 разделов, которые в совокупности включают свыше 300 параметров, необходимых для подготовки портрета. Они следующим образом распределены по источникам информации: интервью – около 55 параметров, экспертные оценки, фокус-группы, контент-анализ – более 20, данные статистики – свыше 230. Для каждого параметра указаны не только названия статистических сборников, но и номера

таблиц в соответствующих изданиях; по многим параметрам указаны несколько источников информации. Таким образом, социологическое обследование будет опираться на широкий массив статистических данных.

III. Бланк «Вопросы для интервью по месту жительства» содержит 61 вопрос, с помощью которых будет получена информация о параметрах, не представленных в российской статистике. В соответствии с методическими требованиями к интервью, вопросы представлены в виде разделов: «I. Как Вам здесь живется», «II. Поговорим о Вашей трудовой деятельности», «III. Как Вы участвуете в культурной жизни региона», «IV. Что Вы знаете об общественной жизни региона, как Вы в ней участвуете», «V. Вопросы биографического характера». Около 40% вопросов интервью повторяют (с некоторыми модификациями) ключевые вопросы, которые авторы используют в многолетнем всероссийском мониторинге «Наши ценности и интересы сегодня», что позволит сопоставлять региональные и общероссийские результаты по многим параметрам. Более того, почти все статистические данные, используемые в методике «Портрета региона», имеются и для России в целом. Следовательно, расширяется возможность сравнивать региональные и общероссийские величины многих ключевых параметров, измеряемых социологическими и статистическими методами.

Названные документы дополнены *приложениями*:

- 1) **перечень статистических таблиц** с указанием их источников;
- 2) **резервные вопросы интервью** (на усмотрение разработчиков в регионах);
- 3) **темы** интервью, фокус-групп, экспертных оценок, анализа документов: об эволюции социальных институтов в регионах, об элитных и эксклюзивных социальных группах в регионе и другие (на усмотрение разработчиков в регионах).

Подчеркнем: *речь идет о единообразии лишь базовых параметров социокультурного портрета региона, чтобы обеспечить их сопоставимость. Разработчики портрета каждого региона могут по своему усмотрению вносить те дополнения, которые необходимы, чтобы учесть специфику данного региона. Каждый портрет должен содержать не только общие, но и своеобразные, уникальные характеристики данного субъекта Российской Федерации.*

Наши коллеги из Центра социологических исследований МГУ - С.В.Туманов и А.А.Ионов – разработали типовые документы, необходимые для организации и проведения эмпирических исследований в регионах: **требования к выборке, рабочие документы интервьюеров, процедуры организации полевого этапа исследования.**

Таким образом, на основе подготовленного инструментария можно создать разносторонний *Социокультурный портрет* каждого российского региона (субъекта РФ)

и сопоставить его с портретами других регионов и с общероссийскими данными. В перспективе можно получить регионально дифференцированную картину социокультурного пространства страны (*Социокультурный атлас России*). Эта картина позволит глубже анализировать острые социальные и культурные проблемы каждого региона (субъектов РФ, федеральных округов), находить пути их решения. Результаты будут полезны административным, политическим, экономическим структурам регионов и всей страны, средствам массовой информации, учреждениям высшего и среднего образования, широким кругам граждан России и за рубежом.

Типовая программа и методика «Социокультурный портрет региона» ориентирована на комплексное изучение проблем и процессов социокультурного развития российских регионов, на подготовку «Социокультурного атласа России». Она предполагает мониторинговые исследования всех регионов России и регулярную модификацию самой программы и методики по мере накопления информации, анализа и обобщения ее результатов, опыта их восприятия различными слоями россиян.

ПРОГРАММА-ПРОСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА (с источниками данных)

Как отмечено в **Общей части** Программы и методики «Социокультурного портрета региона», специфика жанра делает целесообразным представить конкретный замысел проекта в форме Программы-проспекта. В этом документе исследовательские задачи должны сочетаться с задачами подготовки публикуемого произведения, которое адресуется широким слоям населения и реализует просветительскую функцию проекта.

Цель «Портрета» состоит в том, чтобы дать концентрированную характеристику региона (субъекта РФ) как социокультурного феномена, которая будет полезна руководителям учреждений и предприятий различных уровней и профилей, политическим деятелям, социальным работникам и журналистам, научным работникам и

преподавателям, студентам и аспирантам - всем, кто интересуется вопросами социального развития регионов. Портрет может стать началом социокультурной биографии региона, подготовленной научными методами. Это означает, что после создания первого портрета желательно продолжить работу в мониторинговом режиме, прослеживая социокультурную эволюцию региона с интервалом в 4-5 лет.

Другая, более широкая цель состоит в том, чтобы Портрет региона стал базовым элементом *Социокультурного атласа России*. Это предполагает накопление множества региональных портретов – по числу субъектов РФ. По мере их накопления все мы будем шире и глубже, объемнее и в динамике познавать свою страну и самих себя как ее жителей, граждан. Это наполняет поставленную цель гражданским смыслом.

Объектом «Портрета» является регион как территориальное сообщество, важнейшие стороны его социокультурной жизни. **Предмет** изучения представлен в настоящей программе-проспекте в виде совокупности параметров региона с указанием источников данных по каждому параметру. Эта совокупность параметров и источников структурирована в соответствии с задачами исследования и изложения результатов в публикации для различных слоев населения.

В *разведывательном плане* Портрет должен дать представление о соотношении личности и государства, об эволюции этого соотношения (в направлении подчиненности или свободы индивида), о содержании основных социальных функций региона и эволюции их структуры (в направлении согласованности или рассогласованности), совокупной их эффективности для населения региона. Анализируя типичные проблемы российских регионов, авторы уточняют исходные предположения, дополняют и операционализируют их в качестве проверяемых **гипотез**.

В *описательном плане* Портрет будет содержать описание главных аспектов социальной и культурной жизни региона – его населения, социальных групп и организаций: объективное их состояние и субъективное восприятие, социальные преимущества и актуальные проблемы, тенденции (желательно с 1990 г.) социального развития региона, его социальных институтов. Аналитический текст снабжен таблицами, рисунками, картами, которые наглядно аккумулируют количественные данные: как полученные социологическими методами, так и статистические, в том числе представленные службами региона. Желательно сопровождать текст фотопортретами людей, бытовых сцен, природных ландшафтов, сельских и городских поселений.

Полученная информация и результаты ее анализа позволят авторам портрета каждого региона разработать конкретные предложения относительно стратегии социокультурного развития данного региона.

Основные разделы Портрета:

1. Общая характеристика региона, его проблем, тенденций
2. Население, его этнокультурные, социальные особенности
3. Уровень жизни и социальное самочувствие населения
4. Культурный потенциал (капитал) населения и его использование
5. Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность
6. Социальная стратификация и мобильность
7. Государственное регулирование и самоорганизация в сфере социальной и культурной жизни региона
8. Общие выводы.

Портрет готовится на основе нескольких видов информации: статистические данные сборников «Регионы России», «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года», «Социальное положение и уровень жизни населения России» и другие, включая данные ведомств региона (желательно с 1990 г.); документы региональных органов управления, материалы местных СМИ; социологические данные, полученные с помощью репрезентативного полуструктурированного интервью, а также методами экспертных оценок, фокус-групп, контент-анализа и другими. Желательно получить статистические данные в виде динамических рядов: с 1990 г., через каждые 5 лет.

Возможно, со временем, после достаточной апробации, часть вопросов интервью может быть представлена в виде анкеты, которую будут заполнять сами респонденты. Тем не менее, интервью сохранится как постоянный инструмент для получения информации по более сложным аспектам жизни людей и мало изученным проблемам регионов.

Программа-проспект Портрета разработана Центром изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН. Ее типовой характер позволяет сопоставлять результаты, получаемые по каждому региону, с портретами других регионов РФ. Вместе с тем, авторы «Портрета» каждого региона могут вносить дополнения в типовую программу и методику, которые отражают специфику конкретного региона. Часть этих дополнений затем может войти в состав типовой программы, которая тем самым будет регулярно модифицироваться, но при этом сохранять базовые параметры.

Еще раз подчеркнем: *не следует «под копирку» воспроизводить в готовом Портрете структуру настоящей программы-проспекта, ее разделов и подразделов. Логика итогового изложения должна определяться внутренней логикой социокультурной жизни данного региона, передавать его «лица неповторимые черты».*

**Содержание разделов социокультурного портрета региона
и источники данных**

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛОВ ПОРТРЕТА РЕГИОНА	Источники данных*
1. Регион как социокультурная территориальная общность	
<p><i>Это вводный раздел Портрета: в нем должна содержаться емкая характеристика региона (субъекта РФ) как социокультурного сообщества, его неоднозначного статуса среди других регионов, социальных и культурных проблем, тенденций жизни населения региона. Остро ставятся вопросы идентификации населения со своим регионом, удовлетворенности людей жизнью в целом. Динамика места данного региона среди других регионов России по индексам развития человеческого потенциала и уровня жизни населения. Обсуждается подтверждаемость исходных предположений.</i></p> <p><i>Содержание и форма изложения должны заинтересовать читателя, побудить его продолжить знакомство с последующим текстом Портрета. Здесь и во всех разделах желательно разнообразить текст «вставками», иллюстрировать его таблицами, графиками, фотографиями и т.п.</i></p> <p>Географическое положение (карта), природные условия и ресурсы (кратко). Историческая справка о заселении региона.</p> <p>Административно-политический статус региона в составе РФ.</p> <p>Общий уровень экономического развития: основные социально-экономические показатели, их индексы; урбанизированность региона; валовой региональный продукт на душу населения (табл.); удельный вес региона в общероссийских показателях. Индекс уровня жизни населения</p>	<p>И-18. Доклады ПРООН: www.socpol.ru</p> <p>Эк-геогр. описания Истор. предания. Музейные экспоз.</p> <p>Конституция респ., Устав края, обл.</p> <p>РР-1.2, 1.3, 1.4, 10.2. СПН–1.12 РР</p>

*** Обозначения:**

И-п - номер вопроса в бланке **Интервью**.

РВИ – резервные вопросы **Интервью**

ЭФ – экспертные оценки, фокус-группы.

КА – контент-анализ документов, материалов СМИ.

РР – Регионы России. Социально-экономические показатели 2003. Стат. сб. М., 2003. Указаны номера таблиц. К сожалению, номера одних и тех же таблиц изменяются в сборниках разных лет.

СПН – Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. Стат. сб.. М., 2004. (указан номер таблицы).

ВПН – Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2003 –2005, тт. 1-13 и Сводный том; (указаны номера тома и таблицы). Информация на сайте <http://www.infostat.ru>

МС – данные местной статистики.

Доклад ПРООН – Доклад для России, выполненный в рамках Программы Развития, осуществляемой Организацией Объединенных Наций.

<p>Социальный статус региона: круг социальных вопросов, составляющих предмет ведения и полномочий органов власти данного региона.</p> <p>Общая характеристика уровня загрязнения окружающей среды; оценка населением этого уровня.</p> <p>Регион и его ближняя среда. Транспортные коммуникации внутри региона и с соседними регионами (карта), густота автомобильных дорог с твердым покрытием. В какой мере транспортная сеть региона соответствует потребностям его населения?</p> <p>Роль и место региона в Федеральном округе. Вклад региона в федеральный бюджет; донор или реципиент.</p> <p>Структура базовых ценностей населения, удовлетворенность своей жизнью, уверенность в будущем Представления населения об особенностях и проблемах региона Идентичность жителей с поселением (город, село), районом, областью (краем, республикой). Какие из этих территориальных образований действительно являются социальными общностями, лично значимыми для жителей региона («свое»), а какие функционируют как формализованные системы, далекие от личности («чужое»). Круги взаимопонимания. Отношения местных жителей и переселенцев. Социально-территориальная идентификация и гражданская активность населения.</p> <p>Особенности культурно-исторических и административных районов данного региона.</p>	<p>Конституция респ., Устав края, обл. СПН – 15.11</p> <p>РР-1.8; И-3, И-4, И-46.1; СПН-15.11</p> <p>Эк-геогр. источн., РР-16.12, МС</p> <p>И-10 КА СМИ</p> <p>Данные ФО РР-1.5</p> <p>И-17, 18, 31, 38</p> <p>И- 11, 12, 16 И- 13, 14</p> <p>И - 35 И-15 И-49, 50</p> <p>ВПН, т. 1 Документы региона</p>
<p><i>Уяснение главной проблемы социокультурного развития региона. Например: (1) социальные преимущества и комплексные социальные проблемы региона; (2) отношения между центром и регионом; (3) явные и латентные социальные функции региона, их сбалансированность/разбалансированность; (4) традиционализация или либерализация структуры базовых ценностей населения; (5) социокультурная идентичность населения региона; (6) другие проблемы.</i></p>	
<p>2. Население региона, его демографические, этнокультурные, социальные особенности</p> <p><i>С этого раздела начинается подробное описание конкретных аспектов Портрета. При этом важно углублять и развивать исходную «завязку» изложения, выделив специфические, особенно неявные, латентные проблемы населения данного региона.</i></p> <p>Общая численность населения, его динамика. Общий прирост населения, темпы прироста; фактическая и ожидаемая продолжительность жизни (табл.). Демографическая нагрузка.</p>	<p>ВПН, тт. 1, 2.</p> <p>РР-2.1, 2.5-2.10, 2.16</p>

<p>Демонстрация различных типов семей.</p> <p>Территориальное расположение населения, его плотность (карта). Структура поселений региона, их типология и пространственное расположение (табл., карты, фото).</p> <p>Этнический состав населения, межэтнические культурные дистанции. Бытовые традиции. Этнорелигиозная карта региона.</p> <p>Укорененность населения в данном регионе. Миграции, переселенцы, места их концентрации, отношение к ним Городское и сельское население (по типам поселений, карты поселений), рождаемость и смертность, половозрастная структура (таблицы).</p> <p>Брачность и разводимость, структура семейности (табл.). Мнения населения о состоянии семейности, о препятствиях росту численности населения, о причинах низкой продолжительности жизни мужчин.</p> <p>Заболеваемость населения (табл.), количество инвалидов, обеспеченность медицинскими кадрами, больничными и амбулаторно-поликлиническими учреждениями (табл.). Эффективность приоритетного проекта «Современное здравоохранение»</p> <p>Самооценка состояния здоровья, оценка качества медицинской помощи. Удовлетворенность населения медицинским обслуживанием</p> <p><i>Социальные преимущества и диспропорции социально-демографического и этносоциального развития региона. Состояние первичных социальных институтов: традиции и изменения.</i></p>	<p>ВПН, т. 1 Документы региона (архитект.отдел,др)</p> <p>ВПН, т.4 И-58, РВИ Музейные экспоз.</p> <p>ВПН, т.10. И – 1, 2 РР-2.7; И-11 РР-2.2 РР-2.8 РР-2.4</p> <p>РР-2.10, 2.11</p> <p>И-39, 40, 41</p> <p>РР-2.12-2.15 МС</p> <p>И-5, 6, 7, 8, 9</p>
<p>3. Уровень жизни и социальное самочувствие населения</p> <p>Представленные в разделе данные должны характеризовать динамику уровня жизни на основании доходов и расходов населения, по возможности в сравнении с началом «перестройки» (1985 г.), дореформенным периодом (1991 г.), а также по годам 1995 – 2000 – 2002 – 2004. Используются три вида данных – сведения о денежных доходах и расходах на одного жителя, объем располагаемых ресурсов домашних хозяйств (по результатам выборочных бюджетных обследований) и результаты социологического опроса населения – репрезентативного для региона. Оценка этих показателей в целом и дифференцированно по отдельным группам населения, представленная в динамике, может характеризовать «социальную цену» реформ. В разделе специально выделены наиболее острые проблемы современной России – уровень</p>	

<p>жизни пенсионеров, семей с детьми, уровень и динамика бедности населения региона в целом.</p> <p>Процессы социального расслоения в России, формирование среднего класса за годы трансформаций и уровень адаптации населения к переменам.</p>	
<p>3.1. Доходы населения.</p> <p>Реально располагаемые денежные доходы на одного жителя и реальная заработная плата в % к предыдущему году и к 1991 г.</p> <p>Прожиточный минимум (ПМ) по группам населения и соотношение доходов и соответствующей величины ПМ работающих. Расчет распределения населения по уровню среднедушевых доходов в соотношении с прожиточным минимумом и выделяется мода и медиана этого распределения.</p> <p>Анализ уровня заработной платы населения региона: соотношение средней зарплаты с прожиточным минимумом, доля населения региона, имеющая зарплату на уровне и ниже величины ПМ.</p> <p>Изменение структуры доходов населения по источникам (оплата труда, социальные трансферты, доходы от собственности, доходы от предпринимательской деятельности, другие доходы (включая скрытую заработную плату)). Проводится расчет и анализ доли населения, имеющего один или два источника средств к существованию по полу и возрастным группам.</p> <p>Дифференциация оплаты труда в отраслях экономики и в организациях различных форм собственности по данным местных статистических органов в сравнении с общероссийскими данными. Дифференциация заработной платы по городам и районам субъекта РФ также на основании данных местной статистики.</p>	<p>PP-4.1, 4.2, 4.3, 4.11</p> <p>PP- 4.11, 4.12, 4.1. СПН -5.12; МС</p> <p>PP- 4.1, 4.12 СПН-5.15 МС</p> <p>PP-4.6 ВПН - т.5, табл.4; т.5, табл.6. ЭФ</p> <p>СПН-4.12 МС</p>
<p>3.2. Расходы населения.</p> <p>Изменение структуры расходов населения как показатель динамики уровня жизни за годы трансформаций.</p> <p>Анализ структуры расходов по 10-процентным доходным группам населения.</p> <p>Структура расходов домашних хозяйств.</p> <p>Наличие у населения предметов длительного пользования, в том числе легковых автомобилей.</p> <p>Изменение структуры питания в регионе, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания.</p>	<p>PP-4.14, 4.16, 4.17, 4.18-4.25</p> <p>СПН-7.22</p> <p>PP-4.15</p> <p>PP-4.16, 4.17</p> <p>PP - 4.18 - 4.25 СПН - 7.22</p>

<p>3.3. Пенсионное обеспечение. Общая численность пенсионеров, в том числе по старости и по инвалидности.</p> <p>Прожиточный минимум пенсионера и его структура. Реальный средний размер назначенных пенсий в соотношении с 1991 г. и с предыдущим годом. Динамика соотношения средней пенсии с прожиточным минимумом. Расчет соотношения средней пенсии и средней зарплаты в регионе.</p> <p>На основании данных о домохозяйствах, состоящих из одного человека в возрасте старше трудоспособного – для мужчин 60 лет и более, для женщин 55 лет и более, рассчитать долю одиноких пенсионеров в регионе, имеющих только один источник дохода.</p>	<p>РР – 4.5 СПН - 6.24</p> <p>РР - 4.4, 4.12, 4.3 СПН - 5.12</p> <p>ВПН - т.6, табл.8</p>
<p>3.4. Бедность и ее распространение. Целью изучения проблем бедности является оценка ее распространения в регионе и составление социального портрета малоимущего населения по показателям: село – город; работающие, безработные, пенсионеры; социально-демографические группы, по составу домохозяйств и проч.</p> <p>Две уровня бедности населения: доходы ниже величины прожиточного минимума (малоимущие), доходы в два и более раз ниже величины прожиточного минимума (крайне бедные). Численность и доля этих групп бедных в регионе.</p> <p>Распространенность бедности в городских и сельских типах поселений, в домохозяйствах с разным демографическим составом, с детьми и без детей в возрасте до 16 лет, занятых в экономике, безработных и экономически не активного населения. Располагаемые ресурсы и их дефицит в бедных домохозяйствах региона.</p> <p>В социологическом опросе населения региона бедные составляют первую - верхнюю группу по шкале самоидентификации (может быть следует анализировать и следующую группу как весьма близкую по уровню жизни к самым бедным) Социальный портрет бедных по опросу населения желательно дифференцировать по тем же показателям, что и «бедные по статистике дохода». Сопоставление двух полученных портретов, нахождение сходств и различий и возможное их объяснение.</p>	<p>СПН-5.28, МС</p> <p>СПН-5.29,5.30, 5.31 МС</p> <p>И – в.24 СПН-5.28, МС</p>
<p>3.5. Социальное самочувствие населения. Оценивается на основании опроса населения. Результирующий показатель - уровень социального оптимизма в регионе, который может включать оценку респондентами своего настоящего, ближайшего года, уверенность в будущем, а также самоидентификацию респондентов на шкале «патернализм –</p>	<p>И– в.11, 12, 22, 13 Обобщенный индекс</p>

<p>самостоятельность»</p> <p><i>Общая оценка динамики уровня жизни населения за годы реформ и социального самочувствия населения в контексте совершенствования социально-экономической политики в регионе. Анализ возможностей различных групп населения к адаптации и к продуктивной деятельности в современных условиях.</i></p>	
<p>4. Культурный потенциал (капитал) населения и его использование для инновационного развития региона <i>Этот раздел занимает ключевое положение в проблематике Портрета. Целесообразно использовать и традиционный термин «потенциал», и новый – «капитал» (оба недостаточно определены, но второй более динамичен). Сложность данного раздела заключена в желательности развести накопление этого капитала и его использование, хотя сделать это весьма трудно. Предположительно, такой «развод» проще провести по линии инноваций, к тому же это актуальное направление.</i></p> <p>4.1. Накопление культурного потенциала (капитала) Региональная политика и управление в области образования. Финансово-экономическое положение сферы образования (бюджетное и платное), инвестиционная программа; нормативно-правовое ее обеспечение.</p> <p>Язык общения: родной, второй Язык, на котором ведется преподавание (родной, второй); изучение иностранных языков (каких).</p> <p>Число образовательных учреждений и учащихся в школах и вузах Материально-техническое (в т.ч. компьютерное) и кадровое обеспечение образовательных учреждений. Эффективность приоритетного проекта «Качественное образование»</p> <p>Структура взрослого населения (с 18 лет) по уровню образования (табл., рис.).</p> <p>Религиозная структура населения (карта). По религиям, вероисповеданиям: количество храмов и священников на 10000 жителей; посещаемость храмов, укорененность обрядов в повседневной жизни населения. Уровень конфессиональной толерантности; напряжения, конфликты на религиозной почве.</p>	<p>ВПН, т. 3</p> <p>МС, документы Региона</p> <p>РВИ Документы рег.</p> <p>РР – 5.1 – 5.21</p> <p>ВПН</p> <p>И – 42, 43 ЭФ</p> <p>ЭФ</p> <p>КА СМИ</p>
<p>Развитие учреждений светской культуры. Число, газет (в том числе местных) на 1000 жителей; наиболее популярные каналы (телевидение, радио) – федеральные и местные (табл.).</p>	<p>РР – 7.5, 17.5 И – 28, 29, 30</p>

<p>Наличие квартирных телефонов на 1000 человек городского и сельского населения</p> <p>Характер ценностных ориентаций и норм поведения, предлагаемых населению различными учреждениями культуры (анализ материалов СМИ).</p> <p>Уровень поддержки населением региона базовых ценностей; соответствие/противоречие в поддержке терминальных и инструментальных ценностей.</p> <p>Дифференциация населения по патерналистским и активистским ценностям и нормам поведения; пассивные, активно адаптирующиеся, достижительные слои населения.</p> <p>Типология жителей по структуре накопленного культурного потенциала (капитала). Особенности этнонациональной культуры. Тенденции, нерешенные проблемы, выводы.</p>	<p>PP – 17.2, 17.3</p> <p>КА СМИ</p> <p>И - 38</p> <p>И – 19, 39.9, 40.12</p>
<p>4.2. Использование культурного потенциала (капитала) для инновационного развития региона</p> <p>Основные направления использования культурного капитала: поддержание своего здоровья, самооценка его состояния; наличие книг в домашней библиотеке; число абонентов сотовой связи, число персональных компьютеров; участие в деятельности учреждений культуры; наука и инновации; участие в общественной жизни; первичные социальные сети (круги общения); другое.</p> <p>Выводы о характере связи между типологией жителей по структуре накопленного культурного капитала и направлениями его использования, влиянием его использования на уровень жизни. Стиль жизни, стиль потребления.</p>	<p>И – 5</p> <p>PP – 17.2, 17.4, 19.20; И – 37</p> <p>PP - 7.1-7.4; И – 36</p> <p>PP – раздел 19</p> <p>И – 52, 53</p> <p>И – 49, 50</p> <p>И – 14, 35</p>
<p>Массово-культурная жизнь населения.</p> <p>Творческие союзы, их активность.</p> <p>Клубы по интересам – бюджетные и частные, посещаемость.</p> <p>Библиотеки – массовые и специализированные, их книжные фонды, посещаемость (табл.).</p> <p>Численность зрителей театров на 1000 человек (табл.).</p> <p>Музеи, парки – численность по видам, пропускная способность, посещаемость (табл.).</p> <p>Стадионы, другие спортивные объекты – число мест, посещаемость (табл.).</p> <p>Участие жителей в деятельности этих учреждений.</p> <p>Пользование образовательными, медицинскими услугами (платными и бесплатными).</p>	<p>PP – 18.17-18.20</p> <p>PP – 7.4</p> <p>PP – 7.1</p> <p>PP – 7.2</p> <p>PP – 7.3</p> <p>И – 36</p> <p>PP – 18.17-18.20</p>

<p><i>Выводы о характере связи между типологией жителей по структуре накопленного культурного капитала и его использованием в массово-культурной жизни региона.</i></p>	
<p><i>Инновационная деятельность населения.</i> Приватизация жилых помещений Участие жителей региона в инновациях Поддержка и препятствия реализации инноваций.</p> <p><i>Институциональные инновации.</i> Структура предприятий и организаций по формам собственности, в том числе с участием иностранного капитала. Приватизация предприятий Малое предпринимательство (по отраслям): численность работающих, объем продукции (в руб.). Индивидуальное предпринимательство. Индивидуальные (фермерские) крестьянские хозяйства.</p> <p><i>Научно-технические инновации</i> Число ежегодно защищаемых диссертаций – кандидатских и докторских (по группам специальностей). Исследователи с учеными степенями Число организаций, выполнявших исследования и разработки число их сотрудников; Персонал, занятый исследованиями и разработками Внутренние затраты на исследования и разработки число патентов, лицензий на открытия, изобретения; число инновационных разработок, реализованных и принятых к реализации. Правила взаимодействия: новатор – предприниматель – чиновник. Инновационная активность предприятий (по отраслям), ее влияние на их конкурентоспособность; препятствия этой активности. Объем инновационной продукции по степени новизны Информационная активность организаций Состояние основных фондов предприятий, уровень инвестиций в основной капитал.</p>	<p>РР – раздел 21 РР – 12.22 И – 52 И – 53</p> <p>РР – 12.3, 12.13-12.14 РР – 12.17 – 12.21 РР – 12.4 – 12.12</p> <p>РР – 12.10 РР – 12.11-12.12</p> <p>РР – раздел 19 РР – 19.4</p> <p>РР - 19.9 РР – 19.1</p> <p>РР – 19.7 РР – 19.10-19.11 РР – 19.12</p> <p>ЭФ РР – 19.13-19.14 ЭФ ЭФ РР - 19.16 РР – 19.22 РР – 11.4-11.6, 21.2 РР – 12.13 – 12.16</p>
<p><i>Выводы о характере связи между типологией жителей по структуре накопленного культурного капитала и его использованием в инновационной деятельности населения.</i></p> <p><i>Выводы о наличии/отсутствии связей между характером накопленного культурного капитала и мотивацией трудовой деятельности, социальной мобильностью, участием в регулировании и самоорганизации социокультурной жизни региона (в сопоставлении с данными разделов 5, 6, 7).</i></p> <p><i>Результирующие преимущества и проблемы накопления и использования культурного капитала населением региона.</i></p>	

<p align="center">5. Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность населения</p> <p>5.1. Мотивы трудовой активности. Соотношение в трудовых ориентациях населения и отдельных групп материальных и содержательных сторон труда в прожективной ситуации. Реальные мотивы сохранения или смены работы.</p>	<p>И – 22</p> <p>И– 18, 19</p>
<p>5.2. Экономически активное население и тенденции изменения его доли в общей численности постоянного населения региона. Уровень занятости населения в 1992 – 2003 гг. Влияние гендера и типа поселения на занятость.</p> <p>Состав занятого населения по возрасту. Уровень образования занятого населения.</p> <p>Тенденции изменения отраслевой структуры занятых в регионе.</p> <p>Изменение социально-профессиональная структуры двух поколений занятых в регионе (1990 – 2006/7 гг.)</p> <p>Распространение вторичной занятости (официальной и неофициальной) на предприятиях разных типов собственности</p> <p>Соотношение численности пенсионеров и работающих в регионе.</p> <p>Численность безработных и уровень безработицы в регионе (в том числе зарегистрированной). Состав безработных по полу, возрасту, образованию, по времени поиска работы.</p> <p>Общая характеристика ситуации с занятостью и безработицей с выделением наиболее острых проблем использования трудового потенциала в регионе.</p>	<p>РР – 3.1, 3.2, 3.3, 3.6, 3.7.</p> <p>РР – 3.8, 3.9</p> <p>РР -3.4</p> <p>И– 16, 17</p> <p>И– 20 ФЭ</p> <p>РР – 3.3, 4.5</p> <p>РР – 3.10, 3.15, 3.11, 3.12, 3.13, 3.14, 3.16</p>
<p>5.3. Влияние плюрализации форм собственности на трудовую занятость населения. Структура предприятий и организаций по формам собственности. Перемещение занятого населения между секторами в годы реформ (1995 – 2002 гг.).</p> <p>На каких предприятиях (по формам собственности) работают респонденты? Предприятия какой собственности предпочитают жители регионов для основной и дополнительной работы?</p> <p>Занятость в неформальном секторе экономики.</p> <p>Формы собственности в промышленности: число предприятий, объем продукции, численность работающих.</p>	<p>РР – 12.3, 3.5</p> <p>И– 20, 21</p> <p>СПН – 3.32 ЭФ</p> <p>РР – 13.4</p>

<p>Роль малых предприятий в занятости населения. Отраслевая структура занятых на малых предприятиях. Индивидуальное предпринимательство.</p> <p>Крестьянские, фермерские хозяйства: число хозяйств, производство продукции.</p> <p>Занятость на предприятиях с участием иностранного капитала.</p> <p>Общий вывод о тенденциях и проблемах занятости в условиях плюрализации форм собственности.</p>	<p>РР – 12.4, 12.5, 12.6, 12.7, 12.10</p> <p>РР – 12.11, 12.12</p> <p>РР – 12.14</p>
<p>5.4. Качество трудовых ресурсов региона. Уровень образования занятого населения. Уровень образования безработных.</p> <p>Состояние системы профессионального образования: потери и обретения при переходе к рынку. Подготовка рабочих в системе начального профессионального образования. Выпуск специалистов средними специальными учебными заведениями. Вузы (государственные и негосударственные) и их вклад в подготовку специалистов. Численность студентов на 10 000 человек населения.</p> <p>Оценка респондентами изменений в системе образования в России, качества подготовки специалистов в государственных и негосударственных вузах</p> <p>Направления профессиональной мобильности поколений отцов и детей в регионе.</p>	<p>РР – 3.9, 3.13</p> <p>РР – 5.8, 5.11, 5.12, 5.15, 5.17, 5.20, 5.21</p> <p>ЭФ</p> <p>И – 14, 15 ЭФ</p>
<p>Оценка качества трудовых ресурсов и системы профессиональной подготовки населения для решения задачи развития экономики региона. Оценка направлений профессиональной мобильности поколения отцов и поколения детей за годы реформ.</p>	
<p>6. Социальная стратификация и социальная мобильность</p> <p><i>В разделе анализируются процессы социального расслоения в регион, динамика и направления социальной мобильности населения, в том числе межпоколенная мобильность, проблемы формирования среднего класса за годы трансформаций, его количественный вес и социальные характеристики, перспективы его дальнейшего развития.</i></p> <p>6.1. Региональная стратификация населения. Межрегиональные различия в потреблении домашних хозяйств на душу населения по регионам РФ. Место, занимаемое регионом в России.</p>	<p>РР -10.7</p>
<p>6.2. Имущественная дифференциация.</p>	<p>РР – 4.10, 4.11</p>

<p>Соотношение в регионе бедных, богатых, средних группы населения по данным статистики доходов: распределение по 20-процентным доходным группам населения и по величине среднедушевых доходов. Субъективная оценка материального уровня жизни семьи.</p> <p>Уровень концентрации доходов населения. Коэффициент Джини. Коэффициент фондов. Децильный коэффициент.</p> <p>Изменение структуры источников средств существования.</p> <p>Средняя заработная плата в 10-процентных доходных группах.</p> <p>Тенденции распределение доходов между группами с разным материальным достатком.</p> <p>Анализ статистики расходов по 10-процентным доходным группам. Структура расходов населения в группах наиболее бедных и наиболее богатых.</p> <p>Влияние возраста на имущественную дифференциацию (на примере частных домохозяйств, состоящих из одного человека)</p> <p>Анализ потребления продуктов питания по 10-процентным группам и по домашним хозяйствам с детьми.</p> <p>Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах разных социально-экономических категорий и типов населенных пунктов.</p> <p>Анализ соответствия данных статистики и субъективных оценок уровня жизни жителями региона. Что влияет на расхождение этих оценок, если они имеются?</p> <p><i>Выводы о характере и тенденциях имущественной дифференциации населения региона.</i></p>	<p>И- 27</p> <p>И- 24</p> <p>РР – 4.10</p> <p>РР – 4.6</p> <p>СПН –5.9</p> <p>СПН – 5.26</p> <p>СПН – 7.10 МС</p> <p>ВПН – т.5, табл. 4</p> <p>СПН – 7.13, 7.14 МС</p> <p>СПН – 7.16, 7.17 МС</p> <p>РР – 4.10, 4.11 И - 24</p>
<p>6.3. Социальная стратификация и мобильность. Самоидентификация респондентами своего социального положения с одним из 5-ти иерархических слоев в своем населенном пункте, в регионе, в России в целом.</p> <p>Кластерный анализ стратификации населения региона по признакам власти, дохода, образования. Характеристика социальных страт.</p> <p>Средний класс в регионе по совокупности признаков: самоидентификация, доход, образование. Количественный вес и социокультурные признаки среднего класса.</p> <p>Анализ направлений социально-профессиональной мобильности отцов, матерей и детей в регионе по результатам опроса населения. Изменение социально- профессионального положения респондентов</p>	<p>И- 26</p> <p>И – 23, 24, ? <i>образование (????)</i></p> <p>И- в. 26(3), 24(4,5), Обр.(от ср.спец до послевуз.)</p> <p>И- в.16, 17 ЭФ</p>

<p>за годы реформ.</p> <p>Межпоколенная мобильность в 1990 и 2006 /7 гг.</p> <p>Мотивы профессиональной мобильности (в разрезе групп профессий) на основании опроса населения.</p> <p><i>Характеристика социальной стратификации и мобильности населения. Изменение социально-профессионального статуса респондентов за годы реформ и межпоколенные направления изменения социально-профессионального статуса.</i></p>	<p>И– 16, 17</p> <p>И–16, 17, 18, 19</p>
<p>7. Государственное регулирование и самоорганизация социокультурной жизни региона</p> <p><i>Это очень сложный и ответственный раздел Портрета, имеющаяся информация недостаточна и ненадежна. В сборниках РР отсутствует раздел об управлении. Много зависит от контактов разработчика с носителями информации и ее хранителями, еще больше – от применения методов наблюдения, экспертных оценок, фокус-групп, контент-анализа СМИ и др. Здесь много сложностей, одна из основных – сознательная и несознаваемая мифологизация процессов принятия и осуществления решений. Отсюда следует объективная функция научного Портрета: способствовать демифологизации, рационализации, прозрачности процессов управления в регионе. Другая сложность: «закрывание» региональных элит от населения, а также и «закрытие» самих регионов от центра.</i></p> <p>7.1. Органы государственной власти в регионе.</p> <p>Краткая характеристика законодательных, исполнительных (включая федеральные) и судебных органов; их этнический, гендерный и профессиональный состав, род занятий до вхождения в эти органы.</p> <p>Социальная ориентация важнейших актов и акций региональных органов власти (с 1992 г.);</p> <p>инновационная политика органов власти, наличие базы данных об инновационных разработках; программы по созданию новых рабочих мест и их реализация.</p> <p>Соотношение действий органов управления с теми проблемами региона, которые охарактеризованы в предшествующих разделах Портрета, их влияние на смягчение и профилактику или обострение этих проблем.</p> <p>Возможности и границы влияния органов управления субъекта РФ на инновационную активность организаций федерального подчинения.</p> <p>Число занятых, в том числе обслуживающий персонал</p> <p>Распространенность вымогательства, взяток, коррупции</p> <p>Перечень административных районов и муниципальных образований, их расположение (карта).</p> <p>Их социально-экономические и этносоциальные особенности,</p>	<p>МС</p> <p>КА документов</p> <p>Анализ</p> <p>Анализ рег-ных документов</p> <p>МС</p> <p>И - 47</p> <p>Регион. документы</p>

<p>взаимосвязи между собой. Традиции социального самоуправления в регионе.</p> <p>Конфликты социальных полномочий и интересов социальных групп региона.</p> <p>Информированность населения о действиях государственных органов власти, непосредственно затрагивающих интересы соответствующих слоев.</p> <p>В том числе: о федеральных законах: об отмене льгот и их замене денежными компенсациями (как реализуется этот закон); о Жилищном кодексе: насколько информировано население и как реагируют различные его слои; то же о других значимых актах, в том числе региональных органов власти.</p> <p>Проблемы информационного неравенства, закрытость коммуникаций.</p>	<p>КА СМИ ЭФ</p> <p>И – 44</p> <p>КА СМИ, ЭФ И – 45</p> <p>КА СМИ, ЭФ</p>
<p>7.2. Органы местного самоуправления, муниципального управления.</p> <p>Социальные аспекты предмета ведения этих органов (в сферах образования, землепользования, ЖКХ и др.).</p> <p>Состав, основные направления деятельности органов местного самоуправления, муниципального управления.</p> <p>Подлежат ли они реорганизации в соответствии с изменениями Положения об этих органах (в рамках административной реформы).</p> <p>Участие жителей в деятельности органов управления (законодательных, исполнительных, судебных) и самоуправления.</p> <p>Число и структура гражданских исков</p> <p>Органы самоорганизации граждан, число партий</p>	<p>Документы</p> <p>Документы</p> <p>Документы, материалы СМИ</p> <p>ЭФ</p>
<p>7.3. Региональная концепция социальной защиты населения</p> <p>Наличие концепции социальной защиты населения региона</p> <p>Состав основных категорий, нуждающихся в социальной защите: пенсионеры, инвалиды, пострадавшие от репрессий, труженики тыла и др.; фактически выделенные средства (табл.).</p> <p>безработные;</p> <p>Учреждения социального обслуживания, их численность и количество мест – стационарных и нестационарных; их кадровое обеспечение (табл.).</p> <p>Общественные организации в сфере социальной защиты (табл.).</p> <p>Пенсионное обеспечение.</p> <p>Социальная защита семьи и детей.</p> <p>Адресная социальная помощь.</p> <p>Вынужденные переселенцы.</p>	<p>Рег. документы РР – 4.4, 4.5, 4.7 МС</p> <p>РР – 3.10, 3.18</p> <p>МС</p> <p>РР – 4.4, 4.5</p> <p>РР – 2.18</p>

<p>Насколько население региона чувствует себя защищенным от таких <i>опасностей</i>: экологическая угроза; притеснения из-за пола или возраста; произвол чиновников и др.</p> <p>Как часто нарушались основные права и свободы человека, в какой мере удавалось их отстаивать (табл.).</p> <p>Число и структура гражданских исков, судебных постановлений, по годам (табл.).</p>	<p>И – 46</p> <p>И - 44</p> <p>РР – 7.9</p>
<p>7.4. <i>Неправовое поведение, преступность</i></p> <p>Распространенность форм (практик) неправового поведения в сфере трудовых отношений. Их влияние на трудовую активность населения.</p> <p>Наличие профсоюзов на государственных предприятиях и в частных фирмах.</p> <p>Состояние преступности в регионе.</p> <p>Общее количество преступлений, их число и динамика по видам на 1000 чел. (табл. по годам).</p> <p>Структура преступности молодежи, доля расследованных преступлений (табл.).</p> <p>Преступность экономической направленности: в целом и по видам, по годам (табл.).</p> <p>Террористические акты.</p> <p>Раскрываемость преступлений (табл.).</p>	<p>ЭФ</p> <p>РР – 8.1 – 8.5</p> <p>РР – 8.5</p> <p>МС</p> <p>МС</p> <p>МС</p>
<p>7.5. <i>Электоральные предпочтения населения региона.</i></p> <p>Выборы Президента России в 1996 и 2000 гг. (табл.).</p> <p>Выборы депутатов Государственной думы в 1996, 2000, 2004 гг. (по партиям, табл.).</p> <p>Выборы губернатора и депутатов законодательного собрания региона; политическая структура регионального законодательного органа.</p> <p>Деятельность региональных отделений политических партий и блоков.</p> <p>Основные политические партии и движения в регионе, наиболее влиятельные из них.</p> <p>Численность членов партий.</p> <p>Деятельность общественных объединений, в том числе на муниципальном уровне.</p>	<p>КА СМИ</p>
<p>7.6. <i>Социальный протест</i></p> <p>Динамика потенциала социального протеста в регионе (рис.).</p> <p>Забастовочное движение (с 1992 г.): в целом и по отраслям народного хозяйства (табл.).</p> <p>В какой мере были удовлетворены требования бастующих.</p> <p>Эволюция забастовочного движения, его тенденции.</p>	<p>МС</p> <p>Материалы СМИ</p>

<p>Степень доверия населения региональным институтам власти. Готовность участвовать в акциях против снижения уровня и качества жизни, нарушений прав и свобод человека.</p> <p><i>Преимущества и актуальные проблемы самоуправления и государственного регулирования социокультурной жизни региона.</i></p>	<p>И - 51 И – 50</p>
<p>8. ОБОБЩАЮЩИЕ ВЫВОДЫ относительно социокультурных преимуществ и проблем региона, осуществления его социальных функций, тенденций и ориентиров его социокультурного развития: рост, стагнация, кризис.</p> <p>В особенности: наблюдается ли эволюция от подчиненности к относительной свободе гражданина по отношению к государству; сбалансированы или рассогласованы социальные функции региона, чему способствует это соотношение – повышению или понижению совокупной их эффективности.</p> <p>Социокультурный контекст приоритетных национальных проектов, эффективность их осуществления.</p> <p>Предложения, рекомендации.</p>	

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА

Код региона _____ (его официальный номер)

Время начала интервью: _____ час, _____ мин.

/ИНТЕРВЬЮЕР! Ваше обращение к респонденту: /

Здравствуйте!

Я сотрудник кафедры _____ университета (сектора Института _____) Наша кафедра (сектор) проводит опрос о социальных аспектах жизни населения нашей республики (края, области, округа). Результаты опроса будут представлены в обобщенном виде, без упоминания имен и фамилий опрашиваемых. Ваши ответы помогут составить картину социальной жизни нашего региона.

Просим Вас принять участие в этом опросе. Нас привели к Вам математические правила случайного выбора, было бы трудно заменить Вас кем-либо другим. Беседа займет у Вас некоторое время. Надеюсь, Вы откровенно поделитесь своими мнениями и Вам это будет интересно.

/Интервьюер ненавязчиво демонстрирует свою благожелательность, располагает собеседника к искренности./

I. НАЧНЕМ С ТОГО, КАК ВАМ ЗДЕСЬ ЖИВЕТСЯ

1. Давно ли Вы живете в этом городе (поселке, селе, деревне)?

1. До 5 лет
 2. 5-15 лет
 3. 16-25 лет
 4. Больше 25 лет
- 88 – Отказ от ответа

2. Вы здесь родились или приехали из другого города (села), из другого региона?

1. Здесь родился
 2. Приехал по своему желанию из другого города (села) нашего региона (республики, края, области, округа)
 3. Приехал по своему желанию из другого региона России или СНГ
 4. Вынужденный переселенец (беженец) из другого региона России или СНГ
 5. Приехал сюда временно из другой страны
- 88 - Отказ от ответа

3. Как Вы считаете, чистый ли воздух в Вашем городе (селе), или он сильно загрязнен?

1. Обычно воздух достаточно чистый
 2. Воздух часто бывает загрязнен
 3. Обычно воздух сильно загрязнен, особенно страдают больные люди
- 77 – затрудняюсь ответить
88 – Отказ от ответа

4. Как Вы считаете, чистую ли воду Вы пьете и используете для приготовления пищи?

1. Вода достаточно чистая
 2. Вода загрязнена
 3. Вода сильно загрязнена
- 77 – затрудняюсь ответить
88 – Отказ от ответа

5. Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?

1. Нормальное здоровье, пока не жалуясь
 2. Временами болею
 3. Часто болею
 4. Хронический больной
 5. Инвалид
- 77 – затрудняюсь ответить
88 – Отказ от ответа

6. Где Вы получали медицинскую помощь последний раз и платили ли Вы за это?

	<u>Платил</u>	<u>Не платил</u>
1. В медпункте, поликлинике, стационаре Вашего предприятия		
2. В поликлинике, медпункте по месту жительства		
3. В больнице или в специализированном медицинском учреждении		
4. В кабинете частного врача		
5. У Вас дома		
6. Другое (уточните)		
77- Затрудняюсь ответить		
88 - Отказ от ответа		

7. Чем не удовлетворяет Вас государственное медицинское обслуживание?

Отметьте не более трех пунктов, особенно важных именно для Вас.

1. Трудно попасть к врачу, большие очереди
 2. Советы, рецепты врачей редко помогают
 3. Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие
 4. Врачи обычно стараются не выписывать больничный лист
 5. Не добьешься, чтобы врач приехал на дом к тяжело больному
 6. «Скорая помощь» обычно приезжает через несколько часов
 7. Очень трудно получить место в больнице
 8. В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание
- 77 - Затрудняюсь ответить
88 - Отказ от ответа

8. За сколько времени Вы можете добраться до ближайшего врача/фельдшера, поликлиники? |__|__|__| часы/минуты

9. За сколько времени Вы можете добраться до ближайшей больницы.

/ |__|__|__| часы/минуты

10. Как работает общественный транспорт, которым Вы пользуетесь?

1. В целом хорошо.
 2. Скорее хорошо
 3. Скорее плохо.
 4. Плохо.
77. Затрудняюсь ответить.
88. Отказ от ответа

11. Как Вы считаете, жители нашего региона (республики, края, области, округа) живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?

1. В нашем регионе люди живут лучше, чем во всех соседних регионах
 2. По сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими - хуже
 3. В нашем регионе люди живут хуже, чем во всех соседних регионах
77. Затрудняюсь ответить
88. Отказ от ответа

**12. В чем, по Вашему опыту, состоят особенности нашего региона (республики, края, области, округа), его привлекательные и непривлекательные черты?
Отметьте не более двух в каждой колонке.**

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте респонденту карточку № 1

Привлекательные черты	Непривлекательные черты
1. Красивая природа	1. Слишком суровый климат
2. Добрые, душевные люди	2. Неприветливые люди
3. Это регион, перспективный для жизни	3. Здесь жизнь заглохла
4. Здесь много возможностей для инициативных людей	4. Здесь не любят инициативу
5. Другое (назовите)	5. Другое (назовите)
77 – затрудняюсь ответить	77 – затрудняюсь ответить
88 – Отказ от ответа	88 – Отказ от ответа

13. Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону (республике,

краю, области, округу)?

1. Я рад, что живу здесь
2. В целом я доволен, но многое не устраивает
3. Не испытываю особых чувств по этому поводу
4. Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать
5. Хотел бы уехать в другой регион России
6. Хотел бы вообще уехать из России
- 77 – Затрудняюсь ответить
88. Отказ от ответа

14. В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» - «чужое») с такими людьми:

ИНТЕРВЬЮЕР: *передайте карточку № 2 (Обведите один код в каждой строке)*

	Свое	Близкое , но не свое	Безраз- личное	Далекое , но не чужое	Чужое	Затру- д- няюсь отве- тить	Отказ от ответа
Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	1	2	3	4	5	77	88
Жители республиканского (краевого, областного) центра, хотя я там и не живу	1	2	3	4	5	77	88
Жители всей моей республики (края, области, округа)	1	2	3	4	5	77	88
Жители Москвы - столицы России	1	2	3	4	5	77	88
Жители всей России	1	2	3	4	5	77	88
Жители всей Земли	1	2	3	4	5	77	88

15. Если Вы знаете о жизни приезжих (переселенцев, беженцев и др.) в нашем регионе, поделитесь своими впечатлениями: хорошие ли у них отношения с коренным населением?

1. У них сложились устойчивые хорошие отношения
2. В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения
3. Отношения неровные, нередко возникают напряжения
4. Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают милицию
5. Местные и приезжие почти не общаются друг с другом
77. Затрудняюсь ответить
88. Отказ от ответа

16. Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашей республики (края, области)? (отметьте не более трех вариантов, наиболее

важных для Вас)

1. Оздоровить природу
2. Развивать малый и средний бизнес
3. Усилить государственный контроль за экономикой
4. Улучшить медицинское обслуживание
5. Решительнее отстаивать интересы региона в центре
6. Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией
7. Создавать новые рабочие места
8. Быстрее строить новые дороги
9. Улучшать образование
10. Другое (назовите)
77. Затрудняюсь ответить
88. Отказ от ответа

17. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

1. Вполне уверен (уверена)
2. Скорее уверен, чем нет
3. Не могу сказать точно
4. Скорее не уверен, чем уверен
5. Совершенно не уверен
88. Отказ от ответа

18. Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?

1. Полностью удовлетворен
2. Скорее удовлетворен
3. Затрудняюсь сказать точно
4. Не очень удовлетворен
5. Совсем не удовлетворен
88. Отказ от ответа

19. Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит:

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 3 (Обведите один код в каждой строке)

	Полностью зависит	Пожалуй , зависит	Не знаю, трудно сказать	Пожалуй й, не зависит	Совсем не зависит
1. От Вас самих	1	2	3	4	5
2. От близких родственников	1	2	3	4	5
3. От друзей, земляков	1	2	3	4	5
4. От начальника по работе	1	2	3	4	5
5. От районной, городской властей	1	2	3	4	5
6. От республиканской, областной властей	1	2	3	4	5
7. От общероссийской власти	1	2	3	4	5

II. А ТЕПЕРЬ ПОГОВОРИМ О ВАШЕЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

20. Кем Вы и Ваши родители работали в 1990 г.?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 4, кодируйте то, что сказал респондент, согласно карточке.

Код	Профессия / специальность	Респондент	Родители	
			Мать	Отец
1	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	1	2	3
2	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	1	2	3
3	Руководители госпредприятий, акционерных обществ	1	2	3
4	Предприниматели	1	2	3
5	Бухгалтеры, экономисты, работники банков	1	2	3
6	Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.)	1	2	3
7	Работники сферы быта и услуг	1	2	3
8	Работники торговли	1	2	3
9	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1	2	3
10	Студенты, учащиеся	1	2	3
11	Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	1	2	3
12	Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	1	2	3
13	Пенсионеры (не сельские жители)	1	2	3
14	Не работал и не учился, не был пенсионером	1	2	3
15	Другое	1	2	3
77	Не знаю	1	2	3

88	Отказ от ответа	1	2	3
----	-----------------	---	---	---

21. Кем Вы и Ваши родители работаете сегодня?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 5 кодируйте то, что сказал респондент, согласно карточке.

Код	Профессия / специальность	Респондент	Родители	
			Мать	Отец
1	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	1	2	3
2	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	1	2	3
3	Руководители госпредприятий, акционерных обществ	11	2	3
4	Предприниматели	1	2	3
5	Бухгалтеры, экономисты, работники банков	1	2	3
6	Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.)	1	2	3
7	Работники сферы быта и услуг	1	2	3
8	Работники торговли	1	2	3
9	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1	2	3
10	Студенты, учащиеся	1	2	3
11	Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	1	2	3
12	Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	1	2	3

13	Пенсионеры (не сельские жители)	1	2	3
14	Не работаю и не учусь, не являюсь пенсионером <i>(Интервьюер, переходите к в. 21)</i>	1	2	3
15	Другое	1	2	3
77	Не знаю	1	2	3
88	Отказ от ответа	1	2	3

22. Если Вы после 1990 г. сохранили свою работу, профессию, то почему? (можно отметить несколько причин)

- 1 - Работа интересная
- 2 – Работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям
- 3 – Работа хорошо оплачивается
- 4 – Мне не куда уходить, другой работы у меня не было
- 5 – Я привык к своей работе, к коллективу
- 6 – Мне так спокойнее
- 7 - Другое
- 77 – Не знаю
- 88- отказ от ответа

23. Если Вы после 1990 г. изменили свою работу, профессию, то почему? (можно отметить несколько причин)

- 1. – Появилась возможность более интересной работы
- 2. - Работа не пользовалась уважением
- 3. – Были сокращения, предприятие было закрыто
- 4. – Работа по моей специальности сейчас не нужна
- 5. - Работа плохо оплачивалась
- 6. – На новой работе я имею больше возможностей проявить себя
- 7. - Другое
- 77 – Не знаю
- 88 – Отказ от работы

24. К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной и, если имеется, дополнительной работе?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 6, кодируйте то, что сказал респондент, согласно карточке.

	Основная работа	Дополнительная работа
1. Государственное, муниципальное предприятие	1	2

2. Акционерное предприятие с участием государства	1	2
3. Акционерное предприятие без государственного участия	1	2
4. Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	1	2
5. Частное предприятие (не Ваша собственность)	1	2
6. Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1	2
7. Крестьянское, фермерское хозяйство	1	2
8. Личное подсобное хозяйство	1	2
9. Индивидуальная трудовая деятельность	1	2
10. Другое (назвать)	1	2
11. Не имею постоянной работы	1	2
77. Не знаю	1	2
88. Отказ от ответа	1	2

25. На каком предприятии Вы хотели бы работать?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 7, кодируйте то, что сказал респондент, согласно карточке.

	Основная работа	Дополнительная работа
1. Государственное, муниципальное предприятие	1	2
2. Акционерное предприятие с участием государства	1	2
3. Акционерное предприятие без государственного участия	1	2
4. Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	1	2
5. Частное предприятие (не Ваша собственность)	1	2
6. Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1	2
7. Крестьянское, фермерское хозяйство	1	2
8. Личное подсобное хозяйство	1	2
9. Индивидуальная трудовая деятельность	1	2
10. Другое (назвать)	1	2
11. Не хочу иметь постоянной работы	1	2
77. Не знаю	1	2
88. Отказ от ответа	1	2

26. Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?

- 1 – Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне
- 2 – Иметь пусть небольшой, но твердый заработок
- 3 – Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу
- 4 – Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее

- 5 – Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск
- 77 – Не знаю
- 88 – Отказ от ответа

27. Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?

- 1 — Нет, не имею
- 2 — Менее 5 человек
- 3 — 5-10 человек
- 4 — 11-50 человек
- 5 — 51-100 человек
- 6 — Более 100 человек

28 . Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня - Ваше, Вашей семьи?

- 1 — Денег не хватает на повседневные затраты
- 2 — На повседневные затраты уходит вся зарплата
- 3 — На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна
- 4 — В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг
- 5 — Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи
- 6 — Практически ни в чем себе не отказываем

29. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

- 1 — Будем жить значительно лучше
- 2 — Будем жить несколько лучше
- 3 — Ничего не изменится
- 4 — Будем жить несколько хуже
- 5 — Будем жить значительно хуже
- 6 — Не знаю
- 77 - Отказ от ответа

30. А теперь давайте уточним, к каким социальным слоям Вы относите себя: в своем городе (селе), в регионе и в масштабе всей страны?

Обведите в каждой колонке одну цифру.

	Город/село	Регион	Страна
1. Высший слой	1	1	1
2.Слой выше среднего	2	2	2
3. Средний слой	3	3	3
4. Слой ниже среднего	4	4	4
5. Нижний слой	5	5	5
77. Не знаю	77	77	77
88. Отказ от ответа	88	88	88

31. Согласны ли Вы с такими популярными высказываниями:

	Согласен	Не согласен	Не знаю	Отказ от ответа
--	----------	-------------	---------	-----------------

Человеку на роду написано, жить в богатстве или бедности	1	2	77	88
Любой человек может стать богатым, если этого захочет	1	2	77	88

**III. ТЕПЕРЬ ОБРАТИМСЯ К ТОМУ,
КАК ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА**

32. Какие Вы читаете газеты?

- 1 – Республиканские, краевые, областные, местные
- 2 – Центральные
- 3 – Те и другие
- 4 – Никакие
- 88 – Отказ от ответа

33. Какие передачи Вы чаще смотрите по телевизору – республиканские, краевые, областные, местные или центральные?

- 1 – Чаще республиканские, краевые, областные, местные
- 2 – Чаще центральные
- 3 – Те и другие в равной мере
- 4 – Никакие
- 88 – Отказ от ответа

**34. Что Вас больше интересует на телевидении?
(отметьте не более трех вариантов)**

- 1 – Экономические новости
- 2 – Политические новости
- 3 – Спорт
- 4 – Музыкальные передачи, ток-шоу
- 5 – Художественные фильмы, спектакли
- 6 - Сериалы, детективы
- 7 - Другое (отметьте)
- 88 – Отказ от ответа

35. Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?

- 1 – В семье
- 2 – В компании друзей,
- 3 – Среди соседей
- 4 – На работе
- 5 – В кругу единомышленников

- 6 – Другое
7 - Нигде
88 – Отказ от ответа

36. Как часто Вы посещали в последний год:

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 8 (Обведите один код в каждой строке)

	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в полгода	Реже чем раз в год	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Библиотека	1	2	3	4	77	88
Театр	1	2	3	4	77	88
Цирк	1	2	3	4	77	88
Музей	1	2	3	4	77	88
Стадион	1	2	3	4	77	88
Клуб по интересам	1	2	3	4	77	88
Дискотека	1	2		4		
Кинотеатр	1	2	3	4	77	88

37. Используете ли Вы:

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 9 (Обведите один код в каждой колонке)

	Нет	Да	Отказ от ответа
Мобильный телефон	1	2	8
Компьютер	1	2	8
Интернет	1	2	8

38. А теперь прошу Вас сказать, согласны Вы или не согласны со следующими суждениями. Для ответа используйте 11-балльную шкалу, которая представлена на карточке: по каждому высказыванию назовите один номер.

Интервьюер, передайте респонденту карточку № 10.

Карточка № 10												
Совершенно Полностью не согласен согласен												Затрудняюсь ответить
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
11												

«01» - означает, что Вы с этим высказыванием совершенно не согласны. «11» - означает, что Вы с этим высказыванием полностью согласны. Остальные цифры шкалы отражают различную степень Вашего согласия или несогласия с этим высказыванием.

Интервьюер, сообщите респонденту: Мы считаем, что по этим вопросам нет правильных или неправильных мнений, важно лишь, чтобы Вы выразили свое собственное мнение.

Интервьюер, поставьте цифру, названную респондентом, против каждого

высказывания. Если респондент не может оценить данное высказывание, впишите «77», а если он отказывается давать оценку – «88».

Суждения	Баллы
1. В любых условиях красота делает человека лучше и чище	
2. Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии	
3. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	
4. Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл	
5. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	
6. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	
7. В жизни главное внимание нужно уделить тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	
8. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	
9. Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	
10. Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	
11. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	
12. Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	
13. Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	
14. Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям	

39. Что, по Вашему мнению, сегодня мешает созданию семьи или ведет к ее разрушению? Отметьте не более двух причин.

1. Думаю, дело главным образом в характере людей, в их эмоциях
2. Много зависит от нравственности людей, от приверженности нормам религии
3. Скорее, человек рассчитывает, что ему выгоднее: сохранить семью или покинуть ее
4. Часто мешают плохие жилищные условия
5. У многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью
6. Другое (назовите):
77. Не знаю
88. Отказ от ответа

40. Что, по Вашему мнению, мешает росту численности населения в нашем регионе? Отметьте не более двух причин.

- 1 - Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка
- 2 - Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми
- 3 - Плохие жилищные условия
- 4 - Низкие доходы
- 5 - Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах
- 6 - Другое (назовите):
- 7 – Ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения
- 77 – Затрудняюсь ответить
- 88 - Отказ от ответа

41. Почему, по Вашему мнению, продолжительность жизни мужчин в нашем регионе заметно меньше, чем женщин? Пожалуйста, отметьте значимость возможных причин: от менее значимой (1 балл) до самой значимой (10 баллов)

***ИНТЕРВЬЕР:** передайте респонденту карточку № 11*

Причины	Баллы
1. Многие мужчины заняты на тяжелой и вредной работе 2. У нас много хулиганства, нередко драки заканчиваются увечьями, убийством 3. Нередко молодые парни погибают во время службы в армии 4. Мужчины много пьют водку, к тому же низкого качества, самогон 5. Мужчины меньше заботятся о своем здоровье, не обращаются к врачам 6. Другое (назовите):	

7. Нет, в нашей местности мужчины живут не меньше, чем женщины
 77. Затрудняюсь ответить
 88. Отказ от ответа

42. Что Вы можете сказать о своей религиозности?

- 1 – Верующий человек
 2 – Скорее верующий, чем неверующий
 3 – Скорее неверующий, чем верующий
 4 – Неверующий
 5 - Атеист
 88 – Отказ от ответа

(ИНТЕРВЬЮЕР: если респондент дал ответы 4, 5 или 88, переходите к вопросу № 40)

43. Вера в какую религию, вероисповедания Вы разделяете?

- 1 – Православие
 2 – Ислам
 3 - Иудаизм
 4 – Буддизм
 5 – Протестантизм
 6 – Католицизм
 7 – Другие (назвать):
 88 – Отказ от ответа.

**IV. ДАВАЙТЕ ПОГОВОРИМ О ТОМ, ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ
 ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА, КАК ВЫ В НЕЙ УЧАСТВУЕТЕ**

44. Пожалуйста, припомните, по каким важным вопросам республиканские, (краевые, областные), местные власти приняли постановления за последний год

1.
 2.
 3.

45. Как повлияет на Вашу жизнь и жизнь Вашей семьи новый жилищный кодекс (ЖК)?

- 1 – Скорее, улучшит жизнь: мою и моей семьи

- 2 – Ничего не изменит
 3 – Скорее, ухудшит жизнь: мою и моей семьи
 77 – Затрудняюсь ответить
 88 – Отказ от ответа

46. Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 12 (Обведите один код в каждой строке)

От каких опасностей	Защищен	Пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен	Совсем не защищен
1. От экологической угрозы	1	2	3	4	5
2. От притеснений из-за Вашего возраста или пола	1	2	3	4	5
3. От произвола чиновников	1	2	3	4	5
4. От ущемления из-за Вашей национальности	1	2	3	4	5
5. От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	1	2	3	4	5
6. От произвола правоохранительных органов	1	2	3	4	5
7. От преследований за политические убеждения	1	2	3	4	5
8. От бедности	1	2	3	4	5
9. От одиночества и заброшенности	1	2	3	4	5
10. От преступности	1	2	3	4	5
11. От других опасностей (назовите) _____					

47. Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?

- 1 - Лично не сталкивался
 2 - Изредка сталкиваюсь с такими фактами
 3 - Часто сталкиваюсь с такими фактами
 77 – Затрудняюсь сказать
 88 – Отказ от ответа

48. Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 13 (Обведите один код в каждой строке)

	Не сталкива лся с нарушен ием прав	Не пытал ся отстаи вать наруш енные права	Чаще удава лось отстаи вать наруш енные права	Чаще не удава лось отстаи вать наруш енные права	Никогда не удава лось отстоя ть наруше нные права	Не зна ю	Отк аз
1. Свобода слова	1	2	3	4	5	77	88
2. Право на безопасность и защиту личности	1	2	3	4	5	77	88
3. Свобода объединений, групп, союзов	1	2	3	4	5	77	88
4. Право народа на его собственный язык и культуру	1	2	3	4	5	77	88
5. Религиозные свободы и свобода совести	1	2	3	4	5	77	88
6. Равенство перед законом	1	2	3	4	5	77	88
7. Право на труд	1	2	3	4	5	77	88
8. Право частной собственности	1	2	3	4	5	77	88
9. Право на образование и обучение	1	2	3	4	5	77	88
10. Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	1	2	3	4	5	77	88
11. Право на эмиграцию	1	2	3	4	5	77	88

49. Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?

ИНТЕРВЬЮЕР: сначала зачитайте все закрытия, затем, если надо, повторите

- 1 — Политической партии (назвать)
- 2 — Профсоюза
- 3 — Религиозной организации (назвать)
- 4 — Других организаций (профессиональных, спортивных, экологических, благотворительных и т.д.) (конкретные названия)
- 5 — Не являюсь

50. Готовы ли Вы принять участие в акциях протеста (против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека)?

- 1- Готов
- 2- Пожалуй, готов
- 3- Пожалуй, не готов
- 4- Не готов
- 77 – Затрудняюсь ответить

88 - Отказ от ответа

51. Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете республиканским (краевым, областным, местным) органам управления, организациям?

ИНТЕРВЬЮЕР: *передайте карточку № 14 (Обведите один код в каждой строке)*

	Полностью доверяю	Пожалуй, доверяю в основном	Трудно сказать точно	Не очень доверяю	Совсем не доверяю	Не знаю	Отказ от ответа
1. Суду	1	2	3	4	5	77	88
2. Президенту (губернатору)	1	2	3	4	5	77	88
3. Профсоюзам	1	2	3	4	5	77	88
4. Прокуратуре	1	2	3	4	5	77	88
5. Милиции	1	2	3	4	5	77	88
8. Правительству	1	2	3	4	5	77	88
9. Региональным отделениям политических партий	1	2	3	4	5	77	88
10. Парламенту	1	2	3	4	5	77	88
11. Средствам массовой информации (печать, радио, телевиденье)	1	2	3	4	5	77	88

52. Участвовали ли Вы в последние 5 лет в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.)?

- 1 – Участвовал как организатор
- 2 – Участвовал наравне с другими
- 3 – Не участвовал
- 77 – Затрудняюсь ответить
- 88 – Отказ от ответа

53. Если Вы участвовали в создании и/или внедрении нового, то встретили ли Вы поддержку или противодействие со стороны окружающих?

- 1 – Встретил поддержку
- 2 – Обнаружилось безразличие
- 4 – Столкнулся с противодействием
- 77 – Затрудняюсь ответить
- 88 – Отказ от ответа

V. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ - НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ БИОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

54 . В каком году Вы родились?

В 19__ году

ИНТЕРВЬЮЕР: поставьте код
закрытия

55. Ваше семейное положение?

- 1 — Женат/замужем
- 2 — Разведен/разведена
- 3 — Холост/не замужем
- 4 — Вдовец/вдова

56. Сколько у Вас детей?

- 1 — один ребенок
- 2 — два ребенка
- 3 — три и больше детей
- 88 — Отказ от ответа

57. Ваше образование:

- 1 — Без образования, начальное образование
- 2 — Незаконченное среднее
- 3 — Среднее общее
- 4 — Начальное специальное
- 5 — Среднее специальное
- 6 — Незаконченное высшее
- 7 — Высшее
- 8 — Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)
- 88 — Отказ от ответа

58. Ваша национальность?

ИНТЕРВЬЮЕР: запишите и поставьте код закрытия _____

59. И последнее. Скажите, пожалуйста, возможно откровеннее: насколько интересной для Вас была наша беседа?

- 1. Было интересно, я буду рад(а) пообщаться снова.
- 2. Нормальная беседа
- 3. Я ожидал большего
- 77. Затрудняюсь ответить
- 88. Отказ от ответа.

60. ИНТЕРВЬЮЕР: отметьте пол респондента

- 1 — Мужчина
- 2 — Женщина

61. ИНТЕРВЬЮЕР: приведите название города (поселка, села, деревни) и административного района (для сельской местности), где живет респондент, отметьте, к какому типу поселения относится этот город (село).

Тип поселения, название: _____

- 1 — Деревня, село (обычно здесь сельсовет, храм)
- 2 — Рабочий поселок
- 3 — Малый город (до 100 тыс. жителей)
- 4 — Средний город (100-500 тыс. жителей)

- 5 — Крупный город (более 500 тыс. жителей)
- 6 — Москва

62. ИНТЕРВЬЮЕР: *отметьте условия проведения опроса*

- 1 - наедине
- 2 - в присутствии других людей

Интервью закончилось: _____ час. _____ мин.

Дата опроса _____

Приложение 1

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ (С УКАЗАНИЕМ ИСТОЧНИКОВ)

В круглых скобках указаны подразделы по сб. «Регионы России»

Другие источники приведены в сокращении:

- сборники *Итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.: ВПН;*
- стат. сб. «Социальное положение и уровень жизни населения России» (М., 2004): СПН;
- *Россия регионов. М., НИСП, Поматур, 2005.*

1. Общая характеристика региона

- 1.1. Основные социально-экономические показатели региона (1.2)
- 1.2. Индексы основных социально-экономических показателей региона (1.3)
- 1.3. Валовой региональный продукт на душу населения (10.2), СПН, табл. 1,12
- 1.4. Густота автомобильных дорог с твердым покрытием (16.12)
- 1.5. Удельный вес региона в общероссийских основных социально-экономических показателях (1.4)
- 1.6. Индекс качества жизни населения регионов // Россия регионов. Прил., табл. 3
- 1.7. Индекс развития человеческого потенциала регионов // Россия регионов. Прил., табл. 2; Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ, табл. 6.1, 6.2 <<http://www.socialpolicy.ru>>
- 1.8. Индекс инновативности регионов // Россия регионов. Прил., табл. 4.

2. Население, его этнокультурные и социальные особенности

- 2.1. Численность населения (2.1); СПН, табл. 2.20; ВПН, т.
- 2.2. Этнический состав населения: ВПН, т.
- 2.3. Удельный вес городского и сельского населения (2.2)
- 2.4. Структура населения по полу и возрасту (2.3, 2.4)
- 2.5. Коэффициенты демографической нагрузки (2.5); СПН, табл. 2.22
- 2.6. Изменения численности населения между переписями (2.6)
- 2.7. Среднегодовые темпы прироста численности населения между переписями (2.7, 2.11)
- 2.8. Миграции, вынужденные переселенцы (2.16, 2.17, 2.18); СПН, табл. 2.25

- 2.9. Рождаемость, смертность, продолжительность жизни (2.8, 2.9, 2.10, 2.12); СПН, табл. 2.23, 2.24, 10.29.
- 2.10. Прерывание беременности (аборты) (6.12)
- 2.11. Браки и разводы (2.13, 2.14, 2.15); структура семейности
- 2.12. Выбросы загрязняющих веществ в воздух (9.1); СПН, табл. 15.11
- 2.13. Розничная продажа алкогольных напитков и пива (18.7)
- 2.14. Заболеваемость на 1000 человек (6.13); СПН, табл. 10.26
- 2.15. Число больничных коек на 10000 человек (6.2); СПН, табл. 10.30
- 2.16. Численность врачей на 10000 человек (6,7); СПН, табл. 10.30
- 2.17. Итоговый прирост/убыль населения: ВПН, т.
- 2.18. Санаторно-курортные организации, организации отдыха и тур.базы: СПН, табл. 12.17.

3. Уровень жизни и социальное самочувствие населения

3.1. Доходы населения

1. Реальные денежные доходы населения (4.1.)

- 2. Реальная начисленная заработная плата (4.1.)
- 3. Реальный размер назначенных пенсий (4.1.)
- 4. Среднедушевые доходы населения (4.2.)
- 5. Среднемесячная начисленная заработная плата работающих в экономике (4.3.)
- 6. Распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов (4.11.)
- 7. Величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации за IV квартал 2002 г. – все население, в том числе: трудоспособное население, пенсионеры, дети (4.12.)
- 8. Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума (4.12.)
- 9. Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума (4.12.)
- 10. Структура денежных доходов населения (4.6.)
- 11. Население по полу и возрастным группам и источникам средств к существованию по субъектам Российской Федерации (Итоги ВПН 2002 г. Т.5 «Источники средств к существованию». М., 2004. (табл. 4)
- 12. Население, указавшее один источник средств к существованию, по полу и возрастным группам и источникам средств к существованию по субъектам Российской Федерации (Итоги ВПН 2002 г. Т.5 «Источники средств к существованию». М., 2004. (табл. 4).
- 13. Население, указавшее два источника средств к существованию, по полу и возрастным группам по субъектам Российской Федерации // Итоги ВПН 2002 г. Т.5 «Источники средств к существованию». М., 2004. (табл. 6).
- 14. Частные домохозяйства, состоящих из двух и более человек, по числу занятых в экономике и числу иждивенцев по субъектам Российской Федерации // Итоги ВПН 2002 г. Т. 6 «Число и состав домохозяйств». М., 2004. (табл. 7)
- 15. Население частных домохозяйств, состоящих из одного человека, по источникам средств существования и возрастным группам по субъектам Российской Федерации // Итоги ВПН 2002 г. Т. 6 «Число и состав домохозяйств». М., 2004. (табл. 8)
- 16. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций различных форм собственности по отраслям экономики // Социальное положение.... Табл. 4.12; данные местных статистических органов.

3.2. Расходы населения

1. Структура использования денежных доходов населения (4.14)
2. Структура потребительских расходов по 10-процентным группам населения в 2003 г. //СП. Табл. 7.10 и данные местных органов статистики
3. Структура потребительских расходов домашних хозяйств (4.15)
4. Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах в 2002 г. (4.16)
5. Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения (штук) (4.17.)
6. Потребление продуктов питания (4.18. – 4.25.)
7. Пищевая и энергетическая ценность потребляемых продуктов питания в домашних хозяйствах по регионам Российской Федерации в 2003 г. //СП. Табл. 7.22)

3.3. Пенсионное обеспечение

1. Численность пенсионеров (4.5.)
2. *Распределение численности пенсионеров по видам пенсионного обеспечения по регионам Российской Федерации в 2003 г.// СП. Табл. 6.24.
3. Средний размер назначенных месячных пенсий (4.4.)
4. *Номинальный и реальный размер назначенных месячных пенсий по регионам Российской Федерации//СП. Табл. 6.25.
5. Соотношение среднего размера назначенных месячных пенсий с величиной прожиточного минимума (4.12.)
6. Соотношение средней назначенной пенсии и средней заработной платы (расчет по 4.3 и 4.4)
7. Население частных домохозяйств, состоящих из одного человека, по источникам средств существования и возрастным группам по субъектам Российской Федерации // Итоги ВПН 2002 г. Т. 6 «Число и состав домохозяйств». М., 2004. (табл. 8)

3.4. Бедность и ее распространение

1. Численность населения со среднедушевыми доходами ниже величины прожиточного минимума //СП. Табл. 5.28.
2. Численность населения со среднедушевыми доходами в 2 более раз ниже величины прожиточного минимума (по данным местных статистических органов)..
3. Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям по регионам Российской Федерации в 2004 г. //СП. Табл. 5.29.
4. Распределение малоимущего населения по основным группам по регионам Российской Федерации в 2003 г. //СП. Табл. 5.30.
5. Среднедушевые располагаемые ресурсы и их дефицит в малоимущих домашних хозяйствах по регионам Российской Федерации в 2003 г. //СП. Табл. 5.31.

3.5. Имущественная дифференциация.

1. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2003 г. (4.10)
2. Распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов (4.11.)
3. Структура потребительских расходов по 10-процентным группам населения в 2003 г.//СП. Табл. 7.10. и данные местных статистических органов.

4. Потребление, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания по 10-процентным группам населения в 2003 г.//СП. Табл. 7.13. и данные местных статистических органов.
5. Потребление, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания в домашних хозяйствах с детьми в 2003 г.//СП. Табл. 7.14. и данные местных статистических органов.
6. Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах различных социально-экономических категорий в 2003 г. //СП. Табл. 7.16. и данные местных статистических органов.
7. Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах в зависимости от места проживания в 2003 г. //СП. Табл. 7.17. и данные местных статистических органов.

4. Культурный потенциал населения и его использование в регионе

4.1. Накопление культурного капитала

- 4.1.1. Структура населения по уровню образования: ВПН, т. 3, табл. 3
- 4.1.2. Число образовательных учреждений и учащиеся в школах и вузах (5.1 – 5.21); СПН, табл. 11.33 – 11.36
- 4.1.3. Количество храмов и священников на 10000 жителей (по конфессиям)
- 4.1.4. Выпуск газет на 1000 жителей (7.5)
- 4.1.5. Охват населения телевизионным и радио вещанием (17.5); СПН, табл. 13.17, 13.18
- 4.1.6. Наличие квартирных телефонов на 1000 человек городского и сельского населения (17.2 – 17.3); СПН, табл. 13.16

4.2. Использование культурного капитала в регионе

- 4.2.1. Число абонентов сотовой радиосвязи (17.4)
- 4.2.2. Число персональных компьютеров (19.20)
- 4.2.3. Численность зрителей театров на 1000 человек (7.1)
- 4.2.4. Число посещений музеев на 1000 человек (7.2)
- 4.2.5. Библиотечный фонд на 1000 человек (7.4)
- 4.2.6. Число спортивных сооружений (7.3)
- 4.2.7. Услуги населению (18.17 – 18.20)
- 4.2.8. Уровень жизни (см. раздел 3 данного перечня)
- 4.2.9. Приватизация жилых помещений (12.22)
- 4.2.10. Число приватизированных предприятий (12.17)
- 4.2.11. Число ОАО, созданных в процессе приватизации (12.20)
- 4.2.12. Число предприятий и организаций по формам собственности (12.3), с участием иностранного капитала (12.13 – 12.14)
- 4.2.13. Число малых предприятий, численность работающих, объем продукции 12.4 – 12.9)
- 4.2.14. Число индивидуальных предпринимателей, производство ими продукции (12.10)
- 4.2.15. Число индивидуальных крестьянских (фермерских) хозяйств, производство ими продукции (12.11 – 12.12)
- 4.2.16. Степень износа основных фондов (11.4 – 11.6)
- 4.2.17. Инвестиции в основной капитал на душу населения (21.2)
- 4.2.18. Персонал, занятый исследованиями и разработками, по категориям (19.7)
- 4.2.19. Поступление патентных заявок и выдача охранных документов (19.12)
- 4.2.20. Число защищенных кандидатских и докторских диссертаций (по годам)
- 4.2.21. Число организаций, выполнявших исследования и разработки (19.1)

- 4.2.22. Внутренние затраты на исследования и разработки (19.10 – 19.11)
- 4.2.23. Число инновационно активных организаций (19.13 - 19.14)
- 4.2.24. Объем инновационной продукции по степени новизны (19.16)
- 4.2.25. Информационная активность организаций (19.22)
- 4.2.26. Население, занятое в экономике, по уровню образования, по субъектам РФ: ВПН, т. 3, табл. 7; по занятиям: ВПН, т. 9, табл. 7.

5. Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность населения

Экономически активное население и тенденции изменения его доли в общей численности постоянного населения региона

- 1. *Уровень экономической активности населения (3.6.)*
- 2. *Уровень экономической активности населения по полу (3.7.)*
- 3. *Уровень экономической активности населения по виду поселения (3.7.)*
- 4. *Изменение среднегодовой численности занятых в экономике (3.3.)*
- 5. *Уровень занятости (3.16)*
- 6. *Распределение среднегодовой численности занятых по отраслям экономики (3.4.)*
- 7. ***Численность пенсионеров (4.5.)***
- 8. ***Соотношение численности пенсионеров и занятых (3.3. и 4.5.)***
- 9. ***Уровень безработицы (3.15)***
- 10. ***Уровень зарегистрированной безработицы (3.15)***
- 11. *Состав безработных по полу в 2002 г. (3.11.)*
- 12. ***Состав безработных по возрастным группам в 2002 г. (3.12.)***
- 13. *Среднее время поиска работы безработными, месяцев (3.16)*
- 14. *Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, процентов (3.16)*

5.1. Влияние плюрализации форм собственности (секторов) на трудовую занятость населения.

- 2. *Распределение предприятий и организаций по формам собственности на 1 января 2003 г. (12.3)*
- 3. *Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности (3.5.)*
- 4. *Число организаций в промышленности по формам собственности (13.4.)*
- 5. *Объем промышленной продукции по формам собственности (13.4.)*
- 6. *Численность промышленно-производственного персонала по формам собственности (13.4.)*
- 7. *Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), занятых на малых предприятиях (12.6.)*
- 8. *Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), занятых на малых предприятиях, по основным отраслям экономики (12.7.)*
- 9. *Крестьянские (фермерские) хозяйства. Число хозяйств, средний размер земельного участка (12.11.)*
- 10. *Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах (12.12.)*
- 11. *Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) организаций с участием иностранного капитала (12.14)*

5.2. Качество трудовых ресурсов региона

- 1. *Состав занятого населения по уровню образования в 2002 г. (3.9.)*
- 2. **Профессионально-квалификационная структура занятых*

3. Состав безработных по уровню образования в 2002 г. (3.13)
4. Профессионально-квалификационная структура безработных
5. Число учреждений начального профессионального образования (5.8.)
6. Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования (5.11.)
7. Число государственных средних специальных учебных заведений (5.12.)
8. Выпуск специалистов государственными средними специальными учебными заведениями (5.15.)
9. Число высших учебных заведений – всего, в том числе: государственные, негосударственные (5.17.)
10. Выпуск специалистов высшими учебными заведениями – всего, в том числе государственными и негосударственными (5.20.)
11. Численность студентов высших учебных заведений на 10 000 человек населения (5.21.)

6. Социальная стратификация и мобильность населения

Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения на территории регионов Российской Федерации (10.7.)

6.2. Дифференциация населения по доходам

1. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения в 2002 г. (4.10.)
 2. Индексы концентрации доходов:
коэффициент Джини (4.10)
коэффициент фондов (4.10)
 3. *Дифференциация средней начисленной заработной платы по 10-процентным группам работников по отраслям экономики в 2003 г. //СП. Табл. 5.9. и данные местных статистических органов.*
 4. Структура денежных доходов населения (4.6.)
 5. Неравенство в распределении общего объема денежных доходов между группами населения с различным уровнем материального достатка //СП. График 5.3. и данные местных статистических органов.
 6. Население, указавшее один источник средств к существованию, по полу и возрастным группам и источникам средств к существованию по субъектам Российской Федерации (Итоги ВПН 2002 г. Т.5 «Источники средств к существованию». М., 2004. (табл. 4).
- 1.

7. Государственное регулирование и самоуправление в сфере социальной жизни региона

- 7.1. Численность занятых в государственных и муниципальных органах власти (в т.ч. обслуживающий персонал): ВПН, т. 9, табл. 11
- 7.2. Профессиональный состав работников органов власти, род их занятий до вхождения в эти органы: местные органы учета
- 7.3. Численность основных категорий жителей, нуждающихся в социальной защите: пенсионеры (4.5), средний размер пенсий (4.4), структура социальных выплат (4.7); СПН, табл. 6.16, 6.23 – 6.25
- 7.4. Число учреждений социального обслуживания, количество мест (стационарных и нестационарных), их кадровый состав: СПН, табл. 6.38 – 6.40

- 7.5. Число и %% безработных, вакантных рабочих мест, напряженности на рынке труда и др. (3.10 – 3.18); СПН, табл. 3.31
- 7.6. Забастовки, иные формы протеста (число случаев, участников): местные органы учета
- 7.7. Правонарушения (8.1 – 8.5), преступления: СПН, табл. 14.11, 14.12
- 7.8. Раскрываемость преступлений: местные органы учета
- 7.9. Число и структура гражданских исков, судебных постановлений по ним: местные органы учета
- 7.10. Число партий, других общественных объединений, численность их членов: местные органы учета.

Приложение 2

РЕЗЕРВНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРВЬЮ (включаются по усмотрению составителей Портрета)

1. Большинство людей высоко ценят роль семьи в своей жизни. Но у многих в нашем регионе и в стране семейная жизнь не складывается. Как Вы думаете, почему: дело главным образом в самих людях или в обстоятельствах их жизни? Отметьте не более двух причин

1. Думаю, дело главным образом в характере людей, в их эмоциях
2. Многое зависит от нравственности людей, от приверженности нормам религии
3. Скорее, дело в расчете человека: что ему выгоднее сегодня или через много лет
4. Часто влияют плохие жилищные условия
5. У большинства людей просто мало денег, чтобы нормально обеспечить семью
6. Другое (назовите):
77. Не знаю
88. Отказ от ответа

2. Какие, по Вашему мнению, основные проблемы мешают развитию региона?

1. _____
2. _____
3. _____

3. На каком языке (языках) Вы общаетесь:

4. в своей семье: _____;
5. с соседями: _____;
6. в магазинах, на базаре: _____;
7. на работе: _____;
8. в государственных учреждениях: _____.

ИНТЕРВЬЮЕР: поставьте коды закрытия

4. В последние десятилетия численность русских в России заметно уменьшается. В чем, по Вашему, главные причины этого? Отметьте не более двух.

- 1 - Многие русские считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка
- 2 - Православная церковь перестала уделять внимание вопросам продолжения рода

- 3 - Государство в центре и на местах не заботится об увеличении численности населения
- 4 - В русских семьях нередко отец и мать – оба алкоголики, им не до детей, а если у них и рождаются дети, то часто больные
- 5 - Из-за низкой медицинской помощи в России - высокая детская смертность, что особенно сказывается на семьях с низкой рождаемостью
- 6 - Другое (назовите):
- 77 – Не знаю
- 88 - Отказ от ответа

5. Насколько важно для Вас, чтобы мужем или женой Вашего ребенка был человек именно Вашей национальности?

- 1 – очень важно
- 2 – скорее важно
- 3 – скорее неважно
- 4 - совсем неважно
- 77 – затрудняюсь ответить
- 88 – отказ от ответа

6. Насколько важно для Вас, чтобы Вашим непосредственным начальником был человек именно Вашей национальности?

- 1 – очень важно
- 2 – скорее важно
- 3– скорее неважно
- 4 - совсем неважно
- 77 – затрудняюсь ответить
- 88– отказ от ответа

7. Насколько знакомы Вы с Конституцией Российской Федерации и с Конституцией Вашей республики (Уставом Вашего края, области, округа) как субъекта Российской Федерации?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 8 (Обведите один код в каждой строке)

	Не знаком	Знаю отдельные положения	Хорошо знаком	Отказ от ответа
Конституция РФ	1	2	3	88
Конституция (Устав) субъекта РФ	1	2	3	88

8. Участвуете ли Вы в работе какого-либо органа управления и в какой мере удовлетворены своим участием?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 9 (Обведите один код в каждой колонке)

	Не участвую	Участвую, не удовлетворен	Участвую, отчасти удовлетворен	Участвую, вполне удовлетворен	Отказ от ответа
Республиканский (обл., краевой)	1	2	3	4	88

орган					
Местный Орган	1	2	3	4	88
Общественный орган	1	2	3	4	88

9. Насколько важно для Вас строгое соблюдение этих прав и свобод в нашей стране?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 11 (Обведите один код в каждой строке)

	Очень важно	Пожалуй, важно	Трудно сказать	Пожалуй, не важно	Совсем не важно	Не знаю	Отказ от ответа
1. Свобода слова	5	4	3	2	1	77	88
2. Право безопасности и защиты личности	5	4	3	2	1	77	88
3. Свобода объединений, групп, союзов	5	4	3	2	1	77	88
4. Право народа на его собственный язык и культуру	5	4	3	2	1	77	88
5. Религиозные свободы и свобода совести	5	4	3	2	1	77	88
6. Равенство перед законом	5	4	3	2	1	77	88
7. Право на труд	5	4	3	2	1	77	88
8. Право на личную собственность	5	4	3	2	1	77	88
9. Право на образование и обучение	5	4	3	2	1	77	88
10. Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	5	4	3	2	1	77	88
11. Право на эмиграцию	5	4	3	2	1	77	88

10. Скажите, пожалуйста, в какой мере Вы доверяете или не доверяете таким общероссийским органам управления, организациям?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 13 (Обведите один код в каждой строке)

	Полностью доверяю	Пожалуй, доверяю в основном	Трудно сказать точно	Не очень доверяю	Совсем не доверяю	Не знаю	Отказ от ответа
1. Президенту России	5	4	3	2	1	77	88
2. Прокуратуре	5	4	3	2	1	77	88
3. Армии	5	4	3	2	1	77	88
4. Правительству России	5	4	3	2	1	77	88
5. Религиозным организациям	5	4	3	2	1	77	88
6. Политическим партиям	5	4	3	2	1	77	88

7. Парламенту (Думе, Совету Федерации)	5	4	3	2	1	77	88
8. СМИ (Печать, радио, телевиденье)	5	4	3	2	1	77	88
9. Другие (назовите)	5	4	3	2	1	77	88

11. Как Вы думаете, достаточно ли полномочий у руководителей области, чтобы помогать населению лучше жить, решать вопросы трудоустройства, жилья, лечения, образования?

- 1 – Думаю, что у них достаточно полномочий
- 2 – Простые вопросы они могут решить, а сложные от них не зависят
- 3 – Они почти ничего не могут решить, даже если хотят
- 77 – Не знаю
- 88 – Отказ от ответа

12. Достаточен ли, по Вашему мнению, административно-политический статус области (края, республики) по сравнению с другими субъектами Российской Федерации?

- 5 – Административно-политический статус нашей области – один из самых высоких в стране
- 4 - Статус вполне достаточен
- 3 - По сравнению с областями (краями) достаточен, но ниже, чем статус республик
- 2 – Он ниже по сравнению не только с республиками, но и с соседними областями
- 1 – У нашей области один из самых низких статусов в стране
- 77 – Не знаю, затрудняюсь ответить
- 88 – отказ от ответа

13. Как Вы полагаете, какое место среди других регионов страны занимает наша область (край, республика) по уровню развития человеческого потенциала, т.е. доходов, образования, продолжительности жизни населения?

- 5- Полагаю, что одно из самых высоких
- 4 – Выше среднего
- 3 – Среднее
- 2 – Ниже среднего
- 1 – Одно из самых низких
- 77 – Не знаю, затрудняюсь ответить
- 88 – Отказ от ответа

14. Что Вы можете сказать о хозяйственной жизни в области, стала ли она для Вас и Вашей семьи за последние два-три года лучше или хуже?

- 1 – Да, стала заметно лучше
- 2 – Пожалуй, стала немного лучше
- 3 – Не изменилась
- 4 - Пожалуй, стала немного хуже
- 5 – Стала заметно хуже
- 77 – Затрудняюсь сказать
- 88 – Отказ от ответа

15. Как Вы считаете, какой характер, по преимуществу, имеют отношения между начальниками и подчиненными в органах власти Вашего региона?

- 5 – это отношения строго в рамках закона и должностных инструкций
 4 – это официальные отношения, дополненные личной зависимостью подчиненных
 3 – это полуофициальные отношения, основанные на личной зависимости подчиненных
 2 – это полуофициальные отношения личной зависимости, дополненные личной выгодой
 1 – преобладают корыстные отношения личной выгоды
 77 – не знаю
 88 – отказ от ответа

16. В создании или внедрении каких новшеств Вы участвовали в последние 5 лет и насколько значимо это для Вас лично?

ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 8 (Обведите один код в каждой колонке)

	Не участвовал	Участвовал	Очень значимо	Мало значимо	Отказ от ответа
Новая услуга	1	2	3	4	88
Новый продукт	1	2	3	4	88
Новая технология	1	2	3	4	88
Новая фирма	1	2	3	4	88
Что еще? (назовите)	1	2	3	4	88

17. Встретили ли Вы поддержку или противодействие при внедрении новшеств?

ИНТЕРВЬЮЕР: Этот вопрос относится лишь к тем, кто участвовал во внедрении новшеств. Передайте карточку № 9 (Обведите один или несколько кодов в каждой колонке)

	Поддержка кредитом	Поддержка администрации	Поддержка друзей	Противодействие конкурентов	Противодействие чиновников	Отказ от ответа
Новая услуга	5	4	3	2	1	88
Новый продукт	5	4	3	2	1	88
Новая технология	5	4	3	2	1	88
Новая фирма	5	4	3	2	1	88
Что еще? (назовите)	5	4	3	2	1	88

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РЕГИОНАХ

(Темы для интервью, фокус-групп, экспертных опросов.
Используются по усмотрению составителей Портрета)

Трудовые отношения

- Есть ли у Вас письменный договор с работодателем?
- Кто и как определяет размер зарплаты (дохода)?
- Всю зарплату (доход) получаете через кассу или частично (какая часть) в «конверте»?
- Существует ли профсоюз по месту работы? Если да, то как он участвует в определении оплаты и условий труда?

Профессиональная и статусная мобильность

- Формы
- Причины
- Способы, правила

Инновации

- Правила взаимодействия основных участников инновационных процессов:
<новатор – предприниматель – чиновник>
- Препятствия реализации инноваций
- Влияние инновационной активности на конкурентоспособность фирмы, предприятия

Гражданское общество

- Участвуете ли в выборах: федеральных, местных, муниципальных; регулярность?
- Имеются ли общественные организации, которые открыты для Вашего участия?
- В каких из них участвуете? Активность?

Коррупция

- Приходилось ли (за последний год) платить «из рук в руки» при решении вопросов: жилья, трудоустройства, учебы, лечения? (размер платы: немного, много, очень много).
- То же при получении разрешения на открытие фирмы, для ее безопасности и т.п.
- Какие меры по борьбе с коррупцией Вы считаете полезными?

Семейные отношения

- Состав семьи
- живете с детьми или отдельно (их возраст)?

- Помогаете ли родителям/детям/они Вам: ежемесячно, время от времени, очень редко?

Религиозное поведение

- Регулярность выполнения ритуалов, обрядов
- Отношение к астрологии, гаданиям, заговорам

Образование

- Какой уровень образования Вы считаете достаточным для себя? А для своих детей?
- Какие изменения в системе образования (произошедшие за последние 3 года и намечаемые) Вы считаете позитивными, а какие – негативными? (дать варианты закрытий).

Здравоохранение

- Доступность?
- Качество
- Доля в семейном бюджете?

Монетаризация льгот

- Затронула ли она Вас, Ваших родственников?
- В чем ее позитивное влияние?
- А в чем – негативное?
- Какие надо внести изменения, дополнения в закон о монетаризации льгот?

О реформе ЖКХ

- Что изменилось за последние 3 года в Ваших отношениях с жилищными службами? (дать варианты закрытий).
- Какие изменения в эти отношения следует внести?

О пенсионной реформе

- Перечисляет ли организация, в которой Вы (Ваши родители) работает, установленный законом % вашей зарплаты (дохода) на личный пенсионный счет?
- Знаете ли Вы (Ваши родители-пенсионеры) размер личного пенсионного счета?
- Обращались ли Вы (Ваши родители-пенсионеры) в Департамент социальной защиты населения по месту жительства с заявлением о пересчете размера пенсии в связи с увеличением личного пенсионного счета?
- Или Вы вносите пенсионные отчисления в страховую компанию?

МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕГИОНЕ*

В данном разделе методики предлагается определенный технологический формат проведения количественных исследований в регионах Российской Федерации, отработанный и апробированный в ходе многолетнего опыта работы Центра социологических исследований МГУ. Общепринятые методические подходы реализуются в нем с учетом реальных ресурсных возможностей участников проекта.

Предложенный формат позволяет задать общие стандарты полевого этапа исследования, минимизировать проблемы сопоставимости результатов, полученных в разных регионах. Данный раздел методики был обсужден на конференции участников проекта и принят в качестве базового. Он включает в себя ряд основных элементов.

1. Выборка

Одна из основных задач представителей регионов – провести опрос, репрезентирующий население соответствующего субъекта РФ. Главное, чтобы опрос дал возможность выделить значимые черты социокультурного портрета региона в целом. Если уже используемая в работе региональная выборка позволяет получить достоверную картину не только по субъекту РФ в целом, но и по отдельным специфическим группам его районов, то ее использование можно только приветствовать.

Социокультурный портрет региона получится более емким, если его дополнить аналогичным портретом населенного пункта, типичного для данного региона. Им может быть средний или малый город, село, станица, поселок. Для такого портрета потребуется проведение дополнительного количества интервью, обеспечивающего необходимую репрезентацию населения данного пункта.

Если мы хотим получить картину, дифференцированную по основным социально-демографическим признакам, то объем выборки должен составлять, как правило, не менее 200 респондентов. Построение выборки в данном случае производится по описанной выше стандартной процедуре определения маршрутов работы интервьюеров (третья степень построения выборки) и отбора респондентов.

* Авторы «Методических требований»: **С.В.Туманов** – доктор философских наук, директор Центра социологических исследований МГУ; **А.А.Ионов** – кандидат социологических наук, заведующий отделом Центра социологических исследований МГУ.

Объем затрат на такое локальное исследование может быть несколько сокращен, если данный населенный пункт войдет в структуру региональной выборки. Тогда интервью, проведенные в рамках общего регионального опроса, может быть зачтена и как часть интервью, необходимых для получения портрета конкретного населенного пункта.

Объем выборки во многом зависит от ресурсов, имеющихся в распоряжении региональной команды социологов. Общую картину по региону можно получить, опросив и 500, и 1600 человек. Но в первом случае мы будем ограничены в детализации результатов исследования, при анализе корреляций. Во втором, мизерный объем ресурсов в расчете на одно интервью негативно скажется на качестве полученной информации.

С учетом этих обстоятельств, представители регионов сами определяют объем выборки опроса. Рекомендованный конференцией объем выборочной совокупности $N = 1000$ респондентов. Именно такой объем выборки чаще всего практикуется при проведении региональных исследований.

Построение выборки. Рекомендуется использовать в данном случае стратифицированную многоступенчатую, случайную на этапе отбора респондентов выборку. При построении такой выборки выполняются следующие процедуры:

- На первой ступени происходит отбор районов, муниципальных образований, репрезентирующих административно-территориальную структуру субъекта РФ. Все, участвующие в проекте региональные социологические организации, эту процедуру в свое время уже выполнили. Сейчас речь может идти только о необходимой корректировке используемой выборки.

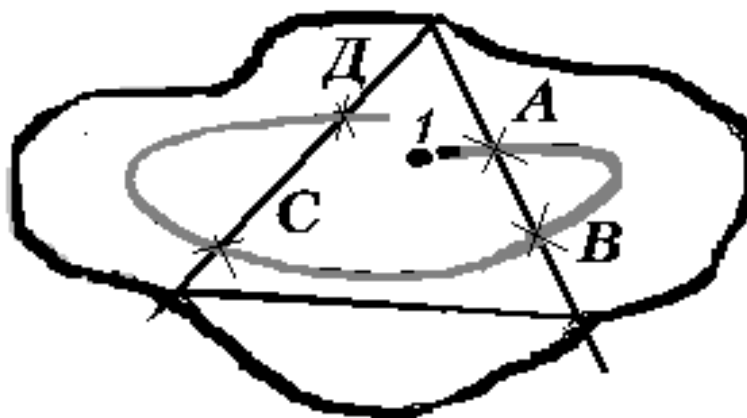
- На второй ступени отбираются соответствующие населенные пункты, внутри включенных в выборку районов. Как правило, их число входят типичные для района поселения. При этом учитывается численность населения, род его занятий, удаленность населенного пункта от районного центра и другие значимые специфические для данного района характеристики.

Более простой и хорошо зарекомендовавшей себя процедурой отбора населенных пунктов является методика случайного выбора по принципу совмещения спирали и треугольника (см. Рис.1).

Рисунок 1. Определение “точек” опроса на плане (карте) района.

Обозначения: 1 - центр спирали (центр района);

А, В, С, Д - “точки”, выбранные для опроса.

Если в административные границы района вписать треугольник и на него наложить виток спирали, начальной точкой которого является центр района, то населенные пункты, ближайšie к точкам пересечения треугольника и спирали могут быть включены в выборку.

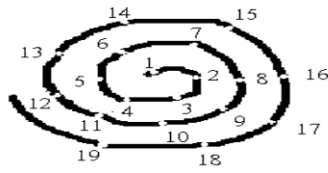
Расчеты американских коллег и наш 12-летний опыт опросов показывают, что минимальная численность респондентов в пределах одного гнезда на ступени отбора района или почтового отделения составляет 40 человек, которые могут быть равномерно распределены по 4 населенным пунктам или маршрутам.

С учетом этого соображения, число селений для опроса определяется тем, что в каждом из них, в целях минимизации ошибок, рекомендуется опрашивать не менее 10 респондентов. При необходимости опросить в сельском районе 40 человек, опрос проводится в 4-х селах. При большем объеме районной выборке, спираль может состоять из нескольких витков, что обеспечит необходимое число точек пересечения с треугольником.

- На третьей ступени определяются маршруты интервьюеров в пределах выбранных населенных пунктов. На этом этапе отбора конкретные “точки” опроса в городе выбираются по описанному выше принципу. Треугольник и спираль накладывается на план (схему) города, ПГТ или станицы. Точки их пересечения определяют улицу и начало маршрута, на котором необходимо опросить 10 респондентов.

В тех случаях, когда в городе необходимо определить большое количество маршрутов следует использовать процедуру развернутой спирали (см. Рис. 2). Равномерно распределенные по спирали точки определяют улицу и начало маршрута.

Рисунок 2. Расположение маршрутов (№1, № 2, №3, №4, №5, ..., №19) на план-схеме города. Маршрут №1 соответствует центру города.

В сельских населённых пунктах следует выбрать для опроса самую большую улицу. В случае, если село имеют условное деление на старую и новую части, опрос проводится по двум улицам - по одной в каждой части сельского населенного пункта.

Последнее время при проведении региональных исследований достаточно часто используется выборка, основанная на отборе почтовых отделений. Она имеет свои преимущества. Каждый субъект РФ поделен на определенное количество почтовых отделений, имеющих четкие описанные территориальные границы. Отобрав случайным образом необходимое количество почтовых отделений, можно заранее также случайно отобрать не только маршруты, но даже дома и квартиры. Принцип случайности соблюдается здесь наиболее полно.

Но есть у этой методики и свои минусы, во-первых, такая выборка требует большой подготовительной работы; во-вторых, она удорожает опрос, так как разброс отобранных отделений по территории области бывает, как правило, значительным. Генераторы случайных чисел пока не научились лукавить.

Региональный руководитель полевого этапа исследования определяет номер каждого маршрута, который включает в себя одну улицу, и вносит его в графу "Номер маршрута" в маршрутном бланке и бланке отчета.

В сельских населённых пунктах следует выбрать для опроса самую большую улицу. В случае, если село имеет условное деление на старую и новую части, опрос проводится по двум улицам - по одной в каждой части сельского населенного пункта.

Выбор *первого* дома на обозначенном маршруте осуществляется интервьюером случайным образом. Далее опрос проводится *в каждом последующем* доме - на участке с многоквартирными домами и *в каждом 5-ом* доме - на участках индивидуальной застройки (количество квартир от 1 до 3). В случае, когда количество квартир в доме от 4 до 12, опрос осуществляется *в каждом 3-ем* доме. Начальное направление движения по улице - в сторону *увеличения* порядковых номеров домов по *нечетной* стороне, а после того как опрошена половина респондентов или в случае, когда улица кончилась - в *обратном* направлении по *четной* стороне улицы.

В сельских населенных пунктах номера домов для проведения опроса определяются шагом отбора $K = N/m$, где N - количество домов на улице; m - количество респондентов, которых необходимо опросить на этой улице. *Начальный* номер дома выбирается интервьюером *произвольно*. Направление движения по улице - сначала в сторону *увеличения* порядковых номеров домов по *нечетной* стороне, а после того как улица кончилась - в *обратном* направлении по *четной* стороне улицы.

В тех случаях, когда в городском или сельском населенном пункте встречается *чередование* многоквартирных и индивидуальных домов, необходимо использовать *комбинированный* подход, руководствуясь изложенными выше принципами отбора домов.

Отбор квартиры осуществляется в каждом выделенном для опроса доме по систематической выборке. Для этого в доме выбирается “начальная” для опроса квартира, номер которой берется из группы - N5, N6, N7, N8, N9 и т.д. Причем если в первом доме опрос начинался с квартиры N5, то в последующих домах квартиру N5 надо исключить, как точку отсчета, а пользоваться для этого квартирами N6, N7, N8, N9 и т.д. После определения в доме “начальной” квартиры номера последующих квартир для опроса в этом же доме берутся с шагом равным 30. Например, если в первом доме “начальной” стала квартира **N5**, то для этого дома опрос надо продолжать в квартирах с номерами: $5+30=35$, $35+30=65$, $65+30=95$ и т.д. в зависимости от количества квартир в доме. Когда квартиры в первом доме закончатся, необходимо перейти к следующему дому и выбрать “начальную” квартиру, например **N6**, и с шагом 30 выделить группу квартир для опроса: 6, 36, 66, 96 и т.д. В домах с количеством квартир 4-12 отбор квартиры осуществляется случайным образом. При этом в каждом из последующих домов, номер квартиры предыдущего дома, в которой прошел опрос, из отбора следует исключить.

Если квартира оказалась нежилой (сдана под офис, жильцы выехали и т.п.), либо после трех посещений в разные дни и время интервьюер никого не застал дома, либо получил отказ, следует перейти к *соседней* квартире с *большим* номером. При этом отсчет номера следующей квартиры для опроса осуществляется от квартиры, первоначально попавшей в выборку.

Если в выборку попала *коммунальная* квартира, необходимо опросить члена той семьи, представитель которой открыл Вам дверь. В случае отказа от участия в опросе *замена* интервьюируемой семьи в данной квартире *не производится* - необходимо перейти к другой квартире.

На последней ступени построения выборки осуществляется отбор респондента в семье. Он производится по принципу “*последнего дня рождения*”. Для этого интервьюер определяет со слов кого-либо из взрослых дни рождения всех членов семьи (в возрасте 18 лет и старше), далее интервью проводится с тем из членов семьи, день рождения которого уже прошел и оказался

ближайшим ко дню проведения опроса. При этом в опросе участвуют только *постоянно проживающие* в квартире члены семьи.

При использовании данной методики отбора респондентов возможны некоторые отклонения от социально-демографической структуры населения города (района). В то же время значительные, грубые отклонения свидетельствуют о нарушении методики и служат основанием для дополнительного контроля работы интервьюеров.

Ремонт выборки, то есть приведение выборочной совокупности в соответствие с генеральной совокупностью по основным социально-демографическим параметрам (пол, возраст, образования, тип поселения), осуществляется за счет запаса интервью, проведенных сверх расчетной выборочной совокупности.

Для этой цели обычно хватает 50-100 интервью на регион. При ремонте выборки случайным образом отбираются и стираются из базы данных необходимое количество записей интервью, например, пожилых женщин с высшим образованием, которых всегда бывает переизбыток. При этом не происходит снижения изначально заданного объема выборки.

2. Рабочая документация

При проведении данного исследования может быть использован типовой набор такой документации, которая включает в себя: инструкцию интервьюера, бланк поиска респондентов маршрутным способом, отчет о проведении социологического исследования, отчет о работе интервьюеров.

- **Инструкция интервьюера** содержит общие замечание, то есть описание тех, процедур которые интервьюер должен выполнить в процессе своей работы, и тех, ошибок, которые он должен избежать. Особое внимание уделяется правилам проведения вводной части опроса. Даны пояснения к структуре анкеты и отдельным вопросам, которые могут вызвать затруднения у респондента или интервьюера. Подробно описана процедура построения той части выборки которая осуществляется непосредственно интервьюером (см. Приложение №1).

- **Бланк поиска респондента маршрутным способом** позволяет четче организовать и тщательно проконтролировать работу интервьюеров (см. Приложение №2). Содержащаяся в бланке информация о населенном пункте отражает структуру выборки на ее второй ступени или отклонения от расчетной схемы.

Ряд граф (номер маршрута, адрес респондента, число квартир в доме) позволяют фиксировать последовательность действий интервьюера, свидетельствуют о том, как соблюдалась процедура построения маршрутной выборки. Зафиксированный в бланке номер телефона респондента существенно облегчает работу сотрудника, осуществляющего контроль за работой интервьюера.

Информация относительно пола и возраста респондента – важный индикатор работы интервьюера. Если в ходе опроса происходит явный перекося выборки в сторону какой-то одной половозрастной группы (например, женщины от 30 до 40 или мужчины моложе 25 лет), то интервьюер должен проинформировать об этом супервайзера. Информация о том, что у нескольких интервьюеров возникают одинаковые отклонения, требует критического анализа процедур построения и соблюдения выборки.

Кроме того, содержание этих двух граф необходимо при организации контроля за работой интервьюеров. Как правило, фамилия, имя и отчество респондента не фиксируется в рабочей документации, и сотрудник, осуществляющий выборочный контроль, находит необходимого ему респондента по адресу, полу и возрасту.

Сведения о датах посещения респондента, причинах, по которым не состоялось интервью, позволяют накапливать статистику, необходимую для эффективной работы, со знанием дела оценивать труд интервьюеров.

Анализ информации, заключенной в данном документе, ее сопоставление со служебной информацией анкет, дает предварительную, но очень полезную картину качества работы в рамках полевого этапа. С ее учетом, выборочный контроль за работой интервьюеров можно проводить не просто с расчетным шагом, а и целенаправленно, проверяя, прежде всего, качество тех интервью, которые привлекли к себе внимание при анализе рабочей документации.

Бланк-задание по контролю за работой интервьюеров содержит краткую инструкцию для контролера и форму отчетности о проведенной им работе. Обычно осуществляется 10% выборочный контроль. Опыт его проведения показывает, что контролю подлежит работа каждого в том числе и самых опытных, самых ответственных интервьюеров.

В процессе контроля необходимо установить: факт и дату проведения интервью, соблюдение методики отбора респондента по последнему дню рождения, его пол и возраст, тему интервью и содержание ответов на несколько ключевых вопросов анкеты, продолжительность интервью.

Если обнаруживается нарушение интервьюером процедуры отбора респондентов, то каждое такое нарушение требует дополнительной проверки еще одного, проведенного им интервью. Обнаружение факта не состоявшегося интервью автоматически ведет за собой дополнительную проверку еще трех интервью (см. Приложение №3).

Все результаты проверки заносятся в бланк-задание. Кроме того, проверенные адреса помечаются буквой «к» в графе «контроль» бланка поиска респондентов.

Отчет о работе интервьюеров является внутренним рабочим документом группы социологов, осуществляющих региональное исследование (см. Приложение №4). Вместе с тем, он является важным источником информации об организационном потенциале данной группы, о том

человеческом ресурсе, который был задействован на этапе сбора социологической информации, а, следовательно, и о ее качестве. Сведения об интервьюерах, собранные в данном документе, могут стать основой для рекомендаций, направленных на совершенствование работы по их подбору и подготовке.

Отчет о проведении социологического исследования. В нем суммируется наиболее важная информация о проведении полевого этапа исследования в регионе: основные параметры выборки и их соблюдение в ходе опроса, время проведения опроса, количество задействованных в нем интервьюеров, уровень достижимости респондентов, осуществление контроля (см. Приложение №5).

Картина, полученная таким образом по каждому изучаемому региону, позволяет провести необходимые сравнения, предварительно оценить степень сопоставимости полученных результатов. Бланк отчета предполагает также замечания и предложения в адрес координаторов проекта.

3. Организация полевого этапа

Помимо уже отмеченных выше моментов, организация полевого этапа предполагает проведение еще ряда мероприятий и процедур. Одно из основных – *подбор и обучение интервьюеров*.

Финансовые ресурсы проекта в большинстве случаев не позволят привлечь к работе только опытных, высококвалифицированных интервьюеров. Это значит, что работа с интервьюерами не может ограничиться даже самым детальным инструктажем, разбором всех вопросов, которые остались неясными после изучения инструкции интервьюера. Требуется проведение специальных занятий - тренинга, формирующего необходимые навыки.

Целесообразно ввести ограничения на количество интервью, планируемых для одного интервьюера. Опыт работы по организации полевого этапа свидетельствует: при прочих равных условиях более высокое качество работы достигается в том случае, когда один интервьюер проводит не более 10-20 интервью. В данном конкретном случае следует ориентироваться на нижний предел этого диапазона.

При проведении опроса почти всегда приходится вступать в контакт с представителями местных органов власти. *Рекомендательные письма* от руководства Российского гуманитарного научного фонда окажутся, безусловно, полезными в этом общении. Полезно также заинтересоваться в успешном проведении исследования соответствующие региональные властные структуры, которые особенно ценят возможность сопоставить социологическую картину своего и соседних регионов. Даже информационная их поддержка тоже уменьшает объем трудностей, которые придется преодолевать в ходе полевого этапа.

В нынешней жизненной ситуации многие жители неохотно впускают в дом незнакомого человека, еще менее охотно отвечают на вопросы о своих доходах. Поэтому полезно снабжать интервьюера удостоверением, свидетельствующим о том, что он выполняет задание авторитетной исследовательской организации. Примерный образец удостоверения интервьюера дан в приложении (см. Приложение №6).

Задача сопоставимости результатов, полученных в разных регионах страны, требует применения *унифицированных кодировочных бланков* для открытых вопросов. Они содержат общий набор возможных ответов, который, в случае необходимости отражения местной специфики, может быть дополнен в каждом регионе за счет позиции «другое» (см. Приложение №7).

Решению этой задачи будет способствовать *стандартная программа ввода данных в ЭВМ*, которая будет предложена всем участникам проекта по завершении пилотажного исследования. Оно будет проведено в ряде регионов, различающихся по основным параметрам своей жизнедеятельности.

Каждый этап работы, включая кодировку открытых вопросов и ввод данных в ЭВМ, должен сопровождаться выборочным контролем за качеством работы исполнителей. Соблюдение всех методических требований, обозначенных в данном разделе, позволит успешно реализовать проект.

Приложение №1

Инструкция по проведению опроса:

*"СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА РОССИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ*

ВНИМАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЯ ПОЛЕВЫХ РАБОТ И ИНТЕРВЬЮЕРА!

Прежде чем приступить к опросу, Вам необходимо изучить *все* положения данной инструкции, а также текст самого вопросника. Соблюдение требований инструкции - неременное условие Вашего участия в проводимом исследовании.

ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮЕРА

Уважаемый интервьюер! Вы являетесь участником социологического исследования, цель которого - изучение проблем, которые оказывают непосредственное влияние на жизнь населения области.

В период опроса именно интервьюер является основным исполнителем работ и обеспечивает качество конечных результатов исследования. От Вашей добросовестности и ответственности зависят полнота и точность учета мнений различных групп населения.

Раздел 1. Общие замечания

1. Исследование осуществляется методом *формализованного интервью*, при котором интервьюер, строго придерживаясь текста вопросника и требований данной инструкции, *устно* задает вопросы опрашиваемому и *собственноручно* фиксирует его ответы - либо обводя *кружками* номера соответствующих позиций, либо *записывая* ответы *словами* на специально отведенных для этого местах (линейках). Все записи в анкете делаются только *ручкой* и должны быть четкими и разборчивыми. При этом следует использовать чернила или пасту темного цвета и аккуратно обводить цифры альтернатив. В случае ошибки исправление делается следующим образом: *перечеркивается* ошибочный кружок, *обводится* кружком цифра правильного варианта ответа и ставится *подпись* интервьюера. Пример:

Ежова

Ошибочный ответ.

Правильный ответ.

2. При работе по описанному методу главная задача интервьюера заключается в том, чтобы зафиксировать подлинную, неискаженную, никак и ничем не спровоцированную и не подсказанную позицию респондента. Это означает, что в ходе опроса интервьюер должен устранить или свести к минимуму влияние отрицательных факторов. Исходя из этих требований, интервьюер должен:

- ◆ по возможности исключить на время опроса контакты респондента с посторонними лицами (членами семьи, соседями, гостями и т.д.), обсуждение с ними содержания вопросов и ответов. В анкете должно быть зафиксировано только *личное* мнение респондента;

- ◆ во всех случаях, кроме специально оговоренных, при формулировании вопросов полностью исключить какие-либо подсказки возможных ответов, которых нет в самой формулировке. Варианты ответов предлагаются респонденту в тех случаях, когда эта ситуация предусмотрена в самой формулировке вопроса;
- ◆ отождествлять мнение, выраженное респондентом в свободном, оригинальном высказывании, с той или иной кодовой позицией анкеты;
- ◆ фиксировать ответы на открытые вопросы, по возможности строго следуя лексике респондента. Если респондент не вполне ясно изложил свое мнение, следует попросить его уточнить высказывание;
- ◆ при возникновении у респондента затруднений, связанных с пониманием лексики, смысла формулировок вопроса и вариантов ответа, интервьюер должен повторить формулировки, не прибегая к их собственной интерпретации, толкованию. Если и при повторном формулировании вопроса, вариантов ответа респондент явно затрудняется или отказывается отвечать, необходимо использовать соответствующие кодовые позиции (“Затрудняюсь ответить”, “Не знаю”, “Отказ”). Вместе с тем интервьюер не должен сам предлагать эти варианты ответа.

3. Наряду с формулировками вопросов и сопровождающих их вариантов ответов в анкете содержатся также разного рода *технические рамки*, относящиеся сугубо к интервьюеру и имеющие целью подсказать ему некоторые существенные детали проведения интервью.

4. Содержание анкеты и особенности проведения интервью должны быть тщательно изучены интервьюером до начала полевых работ и учитываться в процессе опроса. Любое нарушение указаний к заполнению анкеты является грубой ошибкой, ведущей к снижению качества полевых работ.

Раздел 2. Вводная часть опроса

Интервьюеру следует прежде всего представиться, предъявить удостоверение и сообщить о целях своего визита. Примерный текст вводной беседы предлагается в анкете. Композиция вводной беседы может меняться интервьюером в зависимости от конкретной ситуации.

Задача интервьюера при знакомстве с респондентом или членами его семьи - создать доброжелательную, спокойную атмосферу для предстоящей беседы, убедить в важности и необходимости участия в опросе именно данного человека. Возможно, респонденту следует объяснить, что исследование проводится по специальному научно разработанному методу, благодаря которому в опрос включаются все группы населения (различающиеся по полу, возрасту, образованию и т.д.). Адрес респондента определен случайным образом с помощью специальной математической процедуры отбора людей для опроса.

В случае категорического отказа респондента от участия в опросе интервьюер должен выразить сожаление, извиниться за причиненное беспокойство и попрощаться. Однако такого рода случаи должны быть сведены к минимуму.

В своей работе интервьюер исходит из принципа, что социологи обязаны выяснять и учитывать подлинные мнения, настроения, пожелания людей. Поэтому предложите респонденту отнестись серьезно к тем вопросам, которые ему будут заданы, и попросите его быть откровенным. Собранная информация используется в обобщенном виде после обработки на ЭВМ.

После этого переходите непосредственно к опросу.

Раздел 3. Пояснения к структуре анкеты и отдельным вопросам

1. В анкете все пояснения интервьюеру помещены в рамках.
2. Интервьюер заполняет в анкете только те позиции, которые ему адресованы: записывает название населенного пункта, номер интервью, дату проведения интервью, местное время начала интервью, и т.д. В конце анкеты интервьюер отмечает время окончания интервью.
3. В анкете абсолютное большинство вопросов построено по принципу многопунктовых шкал, которые по своему характеру являются строго альтернативными, т.е. респондент должен выбрать только *один* ответ. Все случаи, когда возможно одновременно *несколько* вариантов ответа, специально оговариваются в анкете.
4. В случае открытых вопросов, когда варианты ответа респонденту не предлагаются, а после вопроса следует пустая строка (строки), интервьюер должен записать на ней ответ опрашиваемого.

Особенности отдельных вопросов

(Содержание этого раздела будет подробно изложено после проведения пилотажного исследования)

Раздел 4. Процедура выборки

1. Отбор домов. Выбор *первого* дома на обозначенном маршруте осуществляется интервьюером случайным образом. Далее опрос проводится в *каждом последующем* доме - на участке с многоквартирными домами, и в *каждом 5-ом* доме - на участках индивидуальной застройки. Начальное направление движения по улице - в сторону *увеличения* порядковых номеров домов (количество квартир от 1 до 3). В случае, когда количество квартир в доме от 4 до 12, опрос осуществляется в *каждом 3-ем* доме. по *нечетной* стороне, а после того, как опрошена половина респондентов или в случае, когда улица кончилась - в *обратном* направлении по *четной* стороне улицы.

В сельских населенных пунктах номера домов для проведения опроса определяются шагом отбора $K = N/m$, где N - количество домов на улице; m - количество респондентов, которое необходимо опросить на этой улице. *Начальный* номер дома выбирается интервьюером

произвольно. Направление движения по улице - сначала в сторону *увеличения* порядковых

номеров домов по *нечетной* стороне, а после того, как улица кончилась - в *обратном* направлении по *четной* стороне улицы.

В тех случаях, когда в городском или сельском населенном пункте встречается *чередование* многоквартирных и индивидуальных домов, необходимо использовать *комбинированный подход*, руководствуясь вышеизложенными принципами отбора домов.

2. Отбор квартиры осуществляется в каждом выделенном для опроса доме по систематической выборке. Для этого в доме выбирается “начальная” для опроса квартира, номер которой берется из группы - N5, N6, N7, N8, N9 и т.д. Причем, если в первом доме опрос начинался с квартиры N5, то в последующих домах квартиру N5 надо исключить как точку отсчета, а пользоваться для этого квартирами N6, N7, N8, N9 и т.д. После определения в доме “начальной” квартиры номера последующих квартир для опроса в этом же доме берутся с шагом равным 30. Например, если в первом доме “начальной” стала квартира N5, то для этого дома опрос надо продолжать в квартирах с номерами: 5+30=35, 35+30=65, 65+30=95 и т.д. в зависимости от количества квартир в доме. Когда квартиры в первом доме закончатся, необходимо перейти к следующему дому и выбрать “начальную” квартиру, например N6, и с шагом 30 выделить группу квартир для опроса: 6, 36, 66, 96 и т.д. В домах с количеством квартир 4-12 отбор квартиры осуществляется случайным образом. При этом в каждом из последующих домов, номер квартиры предыдущего дома, в которой прошел опрос, из отбора следует исключить.

Если квартира оказалась нежилой (сдана под офис, жильцы выехали и т.п.), либо после трех посещений в разные дни и время интервьюер никого не застал дома, либо получил отказ, следует перейти к *соседней* квартире с *большим* номером. При этом отсчет номера следующей квартиры для опроса осуществляется от квартиры первоначально попавшей в выборку.

Если в выборку попала *коммунальная* квартира, необходимо опросить члена той семьи, представитель которой открыл Вам дверь. В случае отказа от участия в опросе *замена* интервьюируемой семьи в данной квартире *не производится* - необходимо перейти к другой квартире.

3. Отбор респондента в семье осуществляется по принципу “*последнего дня рождения*”. Для этого интервьюер определяет со слов кого-либо из взрослых дни рождения всех членов семьи (в возрасте 18 лет и старше), далее интервью проводится с тем из членов семьи, день рождения которого уже прошел и оказался ближайшим ко дню проведения опроса. При этом в опросе участвуют только постоянно проживающие в квартире члены семьи.

4. При использовании данной методики отбора респондентов возможны некоторые отклонения от социально-демографической структуры населения города, ПГТ и сельского района. В то же время, значительные, *грубые* отклонения свидетельствуют о нарушении методики и служат основанием для дополнительного контроля работы интервьюеров. **В рамках данного исследования будет проведен выборочный контроль работы интервьюеров.**

Для достижения репрезентативности выборки и достоверности данных исследования рекомендуем проводить опрос в будние дни с 16.00 до 21.00, а в выходные - с 10.00 до 21.00.

Раздел 5. Завершение работы

После выполнения всего объема задания интервьюер должен лично сдать работу руководителю полевого этапа. Комплект сдаваемых материалов включает в себя:

- заполненные анкеты;
- заполненные бланки поиска респондентов ;
- неиспользованные (запасные) бланки документов.

Благодарим Вас за работу и надеемся, что она будет успешной и качественной.

Приложение №3

БЛАНК-ЗАДАНИЕ

по контролю за работой интервьюеров по теме: "СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ"

Инструкция контролеру:

По результатам проведенного опроса руководитель полевого этапа в регионе организует 10% контроль работы интервьюеров. С этой целью проверяется работа каждого интервьюера методом посещения респондентов (т.е. на каждые 10 опрошенных респондентов проверяется 1 адрес).

- В процессе контроля необходимо установить:
1. Факт и дату интервью;
 2. Тему интервью;
 3. Возраст и пол респондента;
 4. Соответствие методике отбора респондента;
 5. Продолжительность интервью.

В графе “Результаты контроля” отмечаются состоявшиеся интервью - “Да”, а выявленные нарушения или отклонения вписываются (например: “Нарушена процедура отбора респондента”, “Интервью не состоялось”, и др.). В случаях нарушения процедуры отбора респондента на каждое нарушение дополнительно проверяется один респондент, а на каждое не состоявшееся интервью - три респондента. Все проверенные адреса отмечаются буквой “К” в графе “Контроль” в бланках поиска респондентов.

№ маршрута	№ интервью	ФИО интервьюера	Всего интервью	Название населенного пункта	Проверяемый адрес	Дата проведения контроля	Результат

Всего проконтролировано методом посещения респондентов _____ адресов, в том числе дополнительно: _____

Установлено: несостоявшихся интервью _____ ; случаев нарушения отбора респондентов _____ ; другие замечания _____

Проверка проведена с _____ по _____ 2003 г. ФИО _____ проводившего контроль _____ Подпись _____

Приложение №4

О Т Ч Ё Т
О РАБОТЕ ИНТЕРВЬЮЕРОВ
 ПО ИССЛЕДОВАНИЮ "СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАРТА РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
 РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ"

№ п/п	№ инт.	Ф.И.О.	Год рожд.	Образован.	Где и кем работает или учится	Место проведения опроса	Результат
1.							
2.							
3.							
4.							
5.							
6.							
7.							
8.							
9.							
10.							
11.							
12.							
13.							
14.							
15.							
16.							
17.							

Всего опрошено _____

Полевой этап проходил в период с _____ по _____ 2003 года.

В исследовании приняло участие _____ интервьюеров. Уровень достижимости _____% Отказов _____

Примечания _____ и _____ пожелания:

Руководитель полевого этапа исследования _____
ФИО _____ **Подпись**

Дата _____ 2003 г.

Приложение №6

ЦЕНТР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МГУ им. М.В.ЛОМОНОСОВА	
125009 Москва ул. Б. Никитская, 5, МГУ Тел.: (095) 203-35-45 Факс: (095) 203-63-34	
УДОСТОВЕРЕНИЕ	
является интервьюером социологического исследования, которое проводит Центр социологических исследований МГУ им. М.В.Ломоносова. Действительно с 10 ноября по 20 ноября 2005 г.	
Директор ЦСИ МГУ	Туманов С.В.

Приложение 7

КЛАССИФИКАТОР НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И ЯЗЫКОВ

01 Адыгейцы	35 Русские
02 Алтайцы	36 Таджики
03 Азербайджанцы	37 Татары
04 Армяне	38 Тувинцы
05 Балкарцы	39 Туркмены
06 Башкиры	40 Удмурты
07 Белорусы	41 Узбеки
08 Болгары	42 Украинцы
09 Буряты	43 Хакасы
10 Грузины	44 Ханты
12 Евреи	45 Черкесы
13 Ингуши	46 Чеченцы
14 Кабардинцы	47 Чуваши
15 Казахи	48 Чукчи
16 Калмыки	49 Эвенки
17 Карачаевцы	50 Эстонцы
18 Карелы	51 Якуты
19 Киргизы	52 прочие
20 Коми	53 Аварцы
21 Коми-пермяки	54 Даргинцы
22 Корейцы	55 Кумыки
23 Коряки	56 Лезгины
24 Латыши	57 Лакцы
25 Литовцы	58 Табасараны
26 Манси	59 Другие народы Дагестана
27 Марийцы	60 Цыгане
28 Молдаване	61 Китайцы
29 Мордва (Эрзя)	62 Вьетнамцы
30 Мордва (Мокша)	63 Финны
31 Немцы	64 Вепсы
32 Ненцы	65 Другое _____
33 Осетины	77. Затрудняюсь ответить
34 Поляки	88. Отказ от ответа

О ПОДГОТОВКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА ПО ТИПОВОЙ ПРОГРАММЕ И МЕТОДИКЕ*

Н. И. Лапин (Москва)

Велика Россия, но состоит она из краев и областей, республик и автономных округов. Каждый из этих исторически сложившихся регионов – своеобразный жизненный мир. С таким миром, нередко с несколькими из них связана судьба каждого россиянина. А с каждым регионом сопряжена жизнь всей страны. *Человек, регион, общество* – вот базовое трехмерное пространство, к которому обращено внимание социолога, стремящегося понять российскую реальность объемно.

Это пространство имеет социокультурную природу, сложно дифференцировано и может быть представлено лишь соответствующими средствами анализа и описания. Социокультурный портрет региона – одно из таких средств. Его использование поможет лучше осмыслить теоретические и практические аспекты жизни и развития российских регионов, их жителей и всей страны.

Справедливо уделяется большое внимание приоритетным национальным проектам: здоровье, образование, жилье, сельское хозяйство. Выделяемые на них огромные средства направлены на улучшение жизни каждого человека. Но осуществляться они будут в регионах – субъектах Российской Федерации. Следовательно, регион – ключевое звено их реализации. Результаты проектов будут оцениваться, в конечном счете, по социокультурным показателям регионов и найдут отражение в их социокультурных портретах.

Данная статья непосредственно соотносится с публикуемой в настоящем сборнике Типовой программой и методикой подготовки социокультурного портрета региона. Эта статья нацелена на решение трех взаимосвязанных задач: 1) кратко охарактеризовать антропосоциетальный подход как одну из методологических предпосылок Типовой программы; 2) прокомментировать некоторые моменты программы и методического инструментария; 3) заглянуть в фазу интерпретации полученных эмпирических данных и обратить внимание на ряд возникающих здесь проблем.

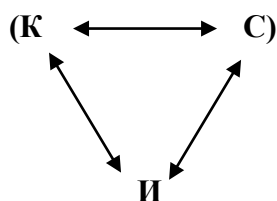
* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проектов: «Разработка и апробация базового инструментария для создания социологических портретов регионов Российской Федерации – социокультурного атласа России» (проект № 05-03-03075а); проведение конференции «Социокультурный атлас России и перспективы развития российских регионов» (проект № 05-03-14010г).

1. Антропосоциетальный подход, его применение к изучению регионов России

Автор настоящей статьи пришел к изложенным ниже позициям не сразу. Его взгляды эволюционировали от формационного подхода Маркса к понимающему и социокультурному подходам Вебера и Сорокина, к их сочетанию с структурно-функциональным, социетальным подходом Парсонса, а в результате определились как антропосоциетальный подход.(1)

Антропосоциетальный подход – это понимание общества как системы, которая представляет собой взаимосвязь трех компонентов: действующих индивидов, культуры, социальности. Взаимосвязь социальности и культуры образует социокультурную систему.

Антропосоциетальный подход акцентирует внимание на том, что *социокультурная система* ($K \longleftrightarrow C$) есть результат *активности* индивидов (И), их действий и взаимодействий. Модель антропосоциетальной системы можно представить в виде простой схемы, где двусторонняя стрелка \longleftrightarrow обозначает *неразрывную взаимосвязь* компонентов, их взаимопроникновение (неразрывная триада, по П.Сорокину):

Методологическое содержание антропосоциетального подхода составляют его исходные принципы и развиваемое на их основе понимание социетальных функций, структур и процессов. Начнем с краткой характеристики принципов.

(1) *Принцип противоречивости функций социального действия* основан на понимании человека как многомерного, био-социо-культурного существа, специфику которого составляет способность к творческой, продуктивной деятельности (Маркс, Вебер). Многомерность человека сопряжена с его *противоречивостью*, что проявляется в противоречивости смыслов, значений действий одних субъектов для других, в существовании не только явных, но и латентных функций по отношению к субъектам взаимодействия.

(2) *Принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социальности* (П.Сорокин) означает, что ни одна из этих составляющих общества не сводится к другой и не выводится из нее, но при этом они не существуют одна без другой. Влияние каждой из них на эволюцию общества может быть примерно равным или существенно различным в зависимости от сочетания конкретно-исторических факторов на той или иной стадии

эволюции. Паритетность составляющих предполагает сетевой характер структуры общества, который вытекает из многомерности человека и противоречивости функций социального действия.

(3) *Принцип неполного антропосоциетального соответствия* имеет ключевое значение для понимания характера, типа общества и социума. Он означает неполную совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и социокультурных характеристик социума, возможность их противостояния. Время от времени такое противостояние достигает большой остроты. Как отметил А.Турен, во второй половине XX века на Западе «действующее лицо общества и само общество оказались противопоставлены друг другу вместо того, чтобы друг другу соответствовать» (2).

Существуют два идеальных типа неполного антропосоциетального соответствия. *Традиционалистское несоответствие* означает, что социум предписывает человеку действовать преимущественно на основе сложившихся традиций: правил, обычаев, норм, законов; но в реальности человек лишь частично следует этим предписаниям, отклоняется от них. *Либеральное несоответствие* означает, что индивид относительно свободен и может легитимно изменять существующие традиции, нормы, структуры; но последние сложились независимо от него и обладают собственной логикой бытия, сопротивляются субъективным изменениям. Реализуются эти типы в каждой стране по-своему, исторически эволюционируют, а в условиях глобализации взаимодействуют, влияют друг на друга.

(4) *Принцип неустойчивости антропосоциетального равновесия* означает, что разнонаправленность действий социальных акторов и ограниченность ресурсов не позволяют обеспечить устойчиво балансируемое удовлетворение потребностей, ценностей, интересов людей, взаимодействие которых образует это общество. Лишь на короткое время достигается «баланс между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения и в минимизации отсутствия удовлетворения» (3).. Чаще наблюдается удаление от точки равновесия, которое создает ситуации рисков, а если это удаление превышает критические значения, то целое трансформируется в качественно иное состояние или разрушается.

(5) *Принцип противоположности и взаимообратимости (инверсионности) влияния социетальных процессов* означает, что каждому процессу, воплощающему динамику социума и имеющему определенную направленность, сопоставлен противоположно направленный процесс; один из них обеспечивает воспроизводство соответствующих структур, а другой - их изменение. Эти процессы обратимы по своему

влиянию в обществе на различных этапах его эволюции: на одном этапе может преобладать один из них, а затем преобладающим становится противоположный процесс.

Интегральными измерениями общества, социума служат: антропосоциетальные функции, структуры, процессы. На их основе формируется социетальное сообщество, определяется тип антропосоциетального соответствия данного общества, социума.

Антропосоциетальные функции. Напомним, что в функциональном анализе, используемом в социологии и социальной антропологии, понятие *функция* воспринято не столько в лейбницево-математическом, сколько в биолого-органическом смысле: «какой вклад они вносят в сохранение организма» (4). Содержание такого вклада нельзя обнаружить путем анализа частей органичной системы; его можно лишь синтезировать путем наблюдения за поведением системы как целого. Антропосоциетальная функция является измерением общества или социума как такого целого, необходимым элементом содержания которого составляет отношение общества к человеку.

Иными словами, *антропосоциетальные функции* – это совокупность вкладов в самодостаточность антропосоциетальной системы, обеспечивающих самосохранение (включая безопасность общества и человека) и саморазвитие этой системы как целого в ответ на внутренние потребности и внешние вызовы*. Следовательно, начинать характеристику антропосоциетальных функций приходится с того, чтобы синтезировать *всю совокупность* таких функций, которая далеко не очевидна, во многом не осознается социальными акторами, является латентной. К методологии понимания этой совокупности, как и каждой составляющей ее функции, в полной мере относится принцип разграничения между явными и латентными функциями, сформулированный Робертом Мертоном:

«В основе разграничения между явными и латентными функциями лежит следующее: первые относятся к тем объективным и преднамеренным последствиям социального действия, которые способствуют приспособлению или адаптации некоторой определенной социальной единицы (индивидуум, подгруппа, социальная или культурная система); вторые относятся к непреднамеренным и неосознанным последствиям того же самого порядка» (5). Можно добавить, что латентность функций масштабного социального действия во многом обусловлена невозможностью предвидеть его последствия для массовых субъектов – индивидов.

Последствия отдельной социетальной функции, связанной с другими такими функциями в некоторую совокупность, противоречивы, не признаются социальными

* В условиях глобализации самодостаточность общества приобретает относительный характер, но это не снижает, а повышает потребность в безопасности общества и человека.

акторами, остаются латентными. Их можно выявить и оценить лишь в связи с последствиями других функций. Например, резкие отклонения от одобряемых норм (аномия), все так называемые неправоые практики, на первый взгляд, кажутся дисфункциональными. В действительности некоторые или многие из них могут оказаться функциональными, но в ином, социетальном контексте. Поэтому-то и необходимо обнаружить, выявить социетальные функции и их взаимосвязи.

Это - сложная задача *системного синтеза* интегральных измерений общества и социума. Имеется опыт ее решения Т.Парсонсом применительно к социальной системе. Он обосновал четыре функциональные потребности социального действия и соответствующие им подсистемы: Адаптация (А) - поведенческая подсистема; Целестожение (G) – личностная подсистема; Интеграция (I) - социальная подсистема; Латентность (L) - культурная подсистема. Эта *четырефункциональная парадигма (AGIL)* служит объяснительной схемой для всех уровней социальных действий - от индивида до общества в целом. В универсальной обобщенности заключаются и ее сила, и ее слабости.

Сила - в единстве принципа и в упорядочивающей природе его строения: четыре его элемента образуют квадрат как наиболее устойчивую фигуру (латинское *quadro* означает “приводить в порядок”). Этот упорядочивающе-стабилизирующий принцип вполне отвечал общей тенденции социокультурной эволюции американского общества, вступившего с середины 30-х годов XX века в стадию послекризисной стабилизации, которая затем переросла в зрелую современность, точнее - зрелую либерализацию.

Слабость же парсоновской парадигмы заключается в ее абстрактности, которая снизила возможности ее применения к решению практических задач и проведению эмпирических исследований. Другое основание для критики давал избыточный акцент на упорядочение, без должного внимания конфликтам, изменениям. Главное же ограничение подхода Парсонса состоит, с нашей точки зрения, в том, что в его парадигме человек представлен только через функции его деятельности, а не как целостное существо, соотносимое с обществом как целостной системой.

Необходим поиск синтеза совокупности именно антропосоциетальных функций общества. Мы предпринимаем такую попытку, опираясь на полученное выше понимание антропосоциетальной целостности, которая порождается противоречивыми действиями/взаимодействиями социальных акторов и способна отвечать на угрозы рисков.

Согласно результатам психологических исследований, аналитико-синтетическая деятельность индивида, его мыслительная рефлексия неотделима от его коммуникативной деятельности (б).. В терминах антропосоциетального подхода мы получаем: личность

действует в пространстве, которое образуют две пересекающиеся оси: рефлексивная и коммуникативная; полюса каждой из них образуют функции, соответствующие основным потребностям человека (рис. 1).

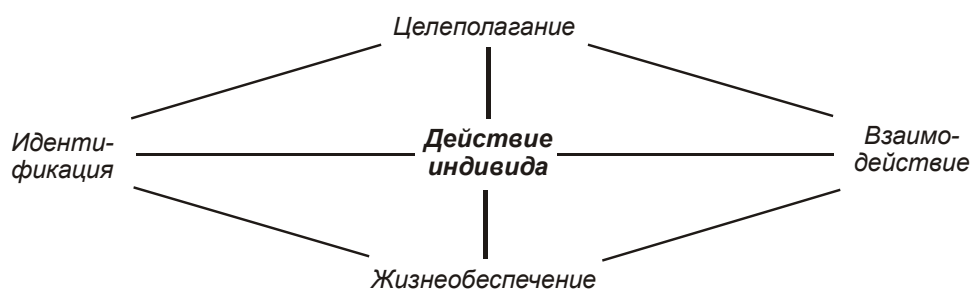

Рис. 2. 1. Функции социального действия индивида

Ось рефлексии фиксирует базовую способность homo sapiens к мышлению, без которой нет социального действия. Эта ось имеет два взаимопроникающих вектора: анализ и синтез. Анализ обращен прежде всего в сторону функции *жизнеобеспечения*, которая сопряжена с витальными потребностями человека и понимается широко - как конкретное решение любых задач, значимых для существования индивида. Анализ совершается через синтез: путем соотнесения с базовыми ценностями индивид конструирует свои цели при решении конкретных задач, - тем самым реализуется функция *целеполагания*, сопряженная со смысложизненными потребностями человека.

Один вектор **оси коммуникаций** обращен к культуре (языку, ценностям, нормам, образцам), а другой - к социальным субъектам (индивидам, общностям). На стороне культуры формируется функция *идентификации* индивида с соответствующими ценностями, нормами, которые индивид усваивает в процессе социализации и которые только и делают возможным его мышление и общение, в том числе при решении конкретных задач жизнеобеспечения. На другой, социальной стороне оси коммуникации представлена функция *взаимодействия* индивида с другими субъектами (индивидами, общностями), удовлетворяющая потребности человека в общении и реализующаяся путем включения homo activus в ближайшие статусно-ролевые дифференциации, а через них - в социальную структуру социума.

Все функции социального действия взаимосвязаны: любой его аспект 4-х-функционален. Каждая функция обращена как к субъекту, так и к объекту (объектам) социального действия/взаимодействия. В индивиде как субъекте действия она преломляется через социально-психологические структуры самоидентификации личности (включая бессознательные), ценности и нормы, статусы и роли, потребности и интересы,

стимулы и мотивы, собственно активность и ее результаты, восстановление жизненного ресурса человека и его удовлетворенность, а также другие параметры личности.

В объекте социального действия/взаимодействия индивида каждая функция преломляется через структуры и процессы, специфичные для данного объекта. Не ставя задачей охарактеризовать эту специфику на каждом уровне социальных объектов, сосредоточим внимание на социетальном уровне. Поскольку действия индивидов имеют однотипные функции, то в результате множества действий всех членов социума каждая функция представлена и в масштабе всего социума - как социетальная функция. Но не непосредственно, а в измененном виде.

Структуру *антропосоциетальных функций взаимодействия* также можно представить в виде ромба, углы которого - четыре социетальные функции, связанные двумя перпендикулярными осями. Вертикальная ось - материальные и властно-принудительные *ресурсы* социума, а горизонтальную ось составляют культурно-символический и социо-структурный его *потенциал*. На *первой оси* функция *жизнеобеспечения* выступает прежде всего как производство, обмен и распределение материальных благ, в той или иной степени удовлетворяющих потребности всех людей, относящихся к данному социуму. Властно-политическое *регулирование* призвано обеспечить эффективное создание и использование в интересах людей материальных и иных ресурсов социума. На *второй оси* культурно-духовная *интеграция* есть согласование действий индивидов, опирающееся на их социализацию, которая постоянно поддерживается и изменяется по мере эволюции социума. Статусно-престижная *дифференциация* означает сохранение и изменение структуры статусов и престижей индивидов и других субъектов социальных взаимодействий. Как и на уровне индивидов, все антропосоциетальные функции взаимосвязаны, а каждое социальное действие так или иначе, сознательно или спонтанно влияет на каждую из них (рис. 2).

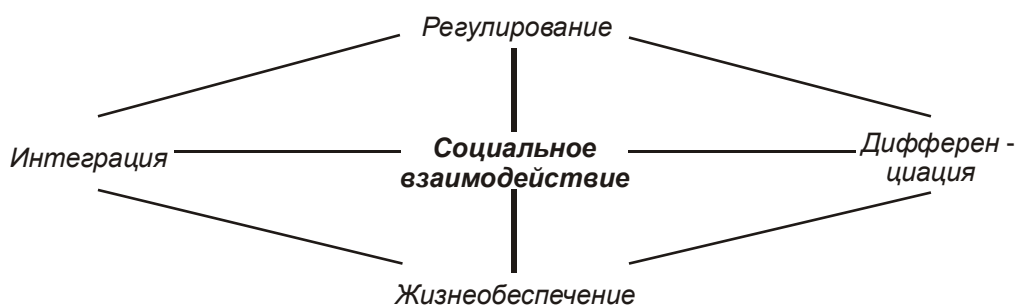

Рис. 2.2 Социальные функции взаимодействия

Каждая антропосоциетальная функция обращена к трем "адресатам": к

социетальному сообществу как интегрированному населению данного общества, социума; через такое сообщество - к индивидам и другим субъектам действий/ взаимодействий; а также к социокультурной среде данного социума. На всех этих направлениях каждая функция получает свою конкретизацию.

Антропосоциетальные структуры. Посредством каких структур осуществляются социетальные функции? Чтобы корректно ответить на этот вопрос, необходимо отчетливо представить, что значит “осуществление антропосоциетальной функции”.

На наш взгляд, это - множество социальных действий/взаимодействий субъектов, в которых определенная функция достаточно выражена, а их совокупность значима для осуществления этой функции общества, социума. Это не традиционно понимаемая жесткая институциональная структура, а «мягкое», достаточно диффузное поле взаимодействий (или, по Эмерсону, сеть обменов) разнотипных социальных субъектов – индивидов, социальных общностей, групп, организаций, институтов. Более кратко: это - функционально ориентированное поле взаимодействий (сеть обменов) множества субъектов социума. Такое поле/сеть и есть *антропосоциетальная структура*.

В **малых обществах** такие структуры возникают как нечто нерасчлененное. По мере становления и усложнения **больших обществ** антропосоциетальные функции становятся полями притяжения соответствующих множеств социальных субъектов, происходит дифференциация социетально-функциональных структур. Естественно, что к жизнеобеспечивающей функции тяготуют прежде всего субъекты социэкономии, к интегрирующей функции - субъекты духовной культуры, к дифференцирующей – субъекты статусно-престижной (социальной) структуры, к регулирующей – политические, в целом властно-управленческие субъекты. Но это тяготение далеко не однозначно. На осуществление каждой антропосоциетальной функции так или иначе влияют субъекты всех областей (подсистем, сфер) общества. И все же наблюдается преимущественный вклад субъектов базовой области в реализацию соответствующей функции.

Каждая социетально-функциональная структура своеобразна и в то же время взаимосвязана с другими, воздействует на них своими специфическими средствами. Для жизнеобеспечивающей структуры главное такое средство – материальные ресурсы; для интегрирующей структуры - ценностные ориентации, способы, образцы действий (технологии); для дифференцирующей структуры – статусно-ролевые, престижные ожидания, электоральные требования; для регулирующей структуры – властное использование части материальных ресурсов, социальные программы.

Социетальные процессы. Характеризуя динамический аспект общества, его

структур и их взаимодействий, можно выделить три основные формы динамики: функционирование, эволюция, трансформация. *Функционирование* означает воспроизводство общества с сохранением его интегральных качеств. *Эволюция* есть воспроизводство общества, сопровождающееся нарастанием изменений некоторых его качеств. *Трансформация* есть изменение совокупности интегральных качеств общества, его переход из одного качественного состояния в другое.

Между этими формами динамики нет жестко фиксируемых границ. Функционирование включает изменения; если они устойчивы и направлены, то оно приобретает черты эволюции общества. Если эволюция затрагивает многие качественные измерения общества, она может привести к его трансформации. Эволюционная трансформация может превратиться в революционную. Интегральными измерениями этой динамики служат: антропосоциетальный баланс (результат порядка) и кризис (результат хаоса). Кризис может оказаться формой социетальной трансформации.

Содержание всех форм динамики социума составляют антропосоциетальные процессы. Наиболее общим является *сеть обменов* между социальными акторами. В каждой ячейке сети обмены имеют свою направленность (вектор), а в целом они могут быть направленными, упорядоченными и ненаправленными, хаотичными. В том и другом случае они устойчиво воспроизводятся на значительном интервале времени. Каждый направленный процесс проходит несколько стадий, которые различаются механизмами или способами взаимодействия субъектов, определяющими направление и темпы процесса на данной его стадии.

Итак, *социетальный процесс* – это устойчиво воспроизводящееся поле/сеть социокультурных взаимодействий/обменов субъектов в масштабе общества, социума или их антропосоциетальных структур.

Социетальные процессы образуют пары, которые имеют единое основание и различаются противоположной направленностью, противоположными функциями по отношению к социетальной системе: в каждой паре один процесс по преимуществу воспроизводит общество и его структуры, а другой - изменяет их.

Состояние интегральных измерений социума можно эмпирически определить с помощью *системы антропосоциетальных индикаторов (индексов)*, которые сигнализируют обществу о состоянии соответствующих структур и процессов, о характере осуществления антропосоциетальных функций и о существовании *антропосоциетальных проблем*; эти индексы определяются на основании эмпирических данных.

Методология антропосоциетального подхода ниже используется при

характеристике понятия региона и его функций, при интерпретации различных аспектов подготовки социокультурного портрета региона.*

2. Понятие региона, его статус в обществе

Имеется обширная литература по проблемам региона как социально-территориального сообщества. Только за последние годы появились несколько книг, в которых представлены результаты социологических и смежных исследований регионов (7). В них выражены различные подходы к пониманию природы региона и конкретному содержанию его проблем. Но все авторы подчеркивают огромную роль региона в жизни российского общества, необходимость глубокого изучения регионального среза жизни.

2.1. Понятие региона, стратегия его изучения

Можно выделить два смысла термина **регион**, которые полезно использовать при подготовке социокультурного портрета: общетеоретический и конкретно-практический (8).

В широком, общетеоретическом смысле регион – это исторически сложившееся территориальное сообщество людей в составе большого общества, мезоуровень структуры и динамики общества, макроячейка его социокультурного пространства. Регион возникает на основе этнокультурной идентичности населения, заселившего данную территорию, существует и изменяется в результате деятельности его жителей, которые сконцентрированы в городских и сельских поселениях, связаны экономическими интересами (разделения труда, обмена) и социальной организацией (структурой, институтами). Структурно регион как *сообщество людей* (community) находится между обществом как целым (Gesellschaft, society, социетальный уровень) и поселениями – городами и поселками, селами и деревнями, т.е. *первичными территориальными общностями* (Gemeinschaften, communities) (9). в этом смысле оно представляет *мезоуровень* большого общества и характеризуется сложной дифференциацией. Вместе с тем, оно выступает как макроячейка горизонтальной дифференциации общества, его социокультурного пространства. Это сообщество образует близкую социокультурную среду жизнедеятельности его членов как личностей, мотивирует их действия; здесь комплексно и во многом непосредственно реализуются взаимоотношения индивидов друг с другом, а опосредованно - и с обществом. Регион выполняет функции, отчасти аналогичные функциям общества, но вместе с тем и специфичные. Каждый регион обладает особенностями, отличающими его от других регионов данного социума, взаимодействует с многими из них.

* Предполагается, что авторы социокультурных портретов регионов используют тот подход (или несколько подходов), который представляется им более предпочтительным.

В конкретно-практическом смысле регион как субъект РФ представляет собой территориальную единицу политико-административной, экономической и социально-культурной структуры страны; его правовой статус определен Конституцией РФ. Он ограничен рамками определенной территории и характеризуется своеобразием природных условий, этнорелигиозным составом населения, его бытовыми традициями, специализацией производства и обмена товаров и услуг, количеством и структурой рабочих мест, социальной инфраструктурой, дифференцированным уровнем, качеством жизни различных слоев населения, организацией политико-административного управления. Регион служит объектом государственного управления и, вместе с тем, является его субъектом: региональные органы власти осуществляют контроль за деятельностью подведомственных организаций, регулирование политико-административной, социальной и производственной инфраструктуры региона. Региональные и местные структуры региона представляют собой местное самоуправление, которое осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Население имеет возможность создавать политические партии и иные общественные объединения, структуры гражданского общества, участвовать в выборах в органы власти всех уровней. Таким образом, в конкретно-практическом смысле регион представляет собою, скорее, формализованное сообщество его граждан.

Для подготовки социокультурного портрета желательно использовать оба смысла термина «регион». Общетеоретическое его понимание позволяет глубже проникнуть в содержание субъекта РФ как исторически сложившегося территориального сообщества людей: уяснить его социокультурные функции и функциональные структуры, процессы, базовые проблемы и тенденции изменения в контексте эволюции российского общества, которые опасно подвергать волюнтаристским экспериментам. Вместе с тем, конкретно-практическая характеристика региона позволяет представить совокупность показателей (индикаторов, индексов), характеризующих состояние и динамику данного сообщества, качество жизни и социальное самочувствие различных его слоев, сформулировать среднесрочные и краткосрочные цели улучшения этого качества и самочувствия, повышения привлекательности региона для населения и для инвестиций в развитие данного субъекта РФ.

Учитывая сложность региона как объекта изучения и описания, в Типовой программе предлагается строить подготовку его социокультурного Портрета в русле двуединой стратегии: разведывательно-описательной (10).

Разведывательная составляющая этой стратегии нацелена прежде всего на

выяснение вопросов, возникающих на основе широкого понимания региона как исторически сложившегося территориального сообщества, в контексте эволюции всего общества. Здесь, с учетом трансформации современного российского общества, ключевое значение приобретают две группы процессов:

1) Изменение соотношения личности и общества: наблюдается ли движение от безусловного подчинения индивида государственным и муниципальным органам (непосредственно – их чиновникам) к осознанию индивидом своих возможностей влиять на их действия, в том числе через суд? Растет ли поддержка либеральных ценностей по сравнению с традиционными, снижается ли влияние патернализма на поведенческие ориентации россиян при решении жизненно важных проблем?

2) Эволюция структуры социокультурных функций региона и эффективности их осуществления: В чем состоят эти функции? Посредством каких структур они осуществляются в регионе? Как они соотносятся между собой, какие наблюдаются типы их соотношений?

Описательная составляющая принятой нами стратегии нацелена на измерение совокупности этнодемографических и культурных параметров региона, его социальной структуры и динамики, его органов государственного управления и местного самоуправления, на выявление конкретно-практических проблем региона. Эти параметры и проблемы заслуживают самого пристального внимания.

В программе-проспекте, которую можно рассматривать как детальную «дорожную карту» для получения необходимой информации, представлены свыше 300 параметров, снабженных источниками информации. Это и большой объем статистических данных, и социологические техники, с помощью которых разработчики портретов смогут получить информацию из первых рук – от жителей своего региона; основной такой техникой является формализованное интервью; его желательно дополнить техниками экспертных оценок, фокус-групп и др. Таким образом, в социокультурном портрете статистические характеристики состояния региона будут скорректированы субъективными оценками жителей и дополнены анализом многих значимых проблем, по которым отсутствует статистика. В этом - существенное отличие нашего социокультурного портрета от «социальных портретов регионов», успешно разрабатываемых Независимым институтом социальной политики (НИСП) (11).

Желательно сопровождать материалы, представленные в Портрете, иллюстрациями: картами, таблицами, графиками, рисунками, а также фотографиями, в том числе из музеев региона. Было бы замечательно сопроводить социокультурный портрет региона галереей портретов людей региона, его поселений, улиц, домов и,

конечно, ландшафтов. Тогда читатель получит *Портрет* не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова.

2.2. Статус региона в обществе

Вспомним недавнюю историю. После распада Российской империи и победы большевиков в октябре 1917 года Конституция РСФСР (1918 г.) утвердила федерализм как основной принцип территориального устройства Советской России. В первые годы ее территориальные сообщества пользовались значительными правами и свободами, оживилось местное самоуправление. Уже в резолюции Третьего Всероссийского съезда Советов (январь 1918 г.) «О федеральных учреждениях Российской Республики» отмечалось, что «все местные дела решаются исключительно местными советами» (12). Согласно резолюции Восьмой всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1919 г.); губернскому исполнительному комитету предоставлялось право:

«контролировать и ревизовать деятельность всех правительственных учреждений как временного, так и постоянного характера, не входящих в состав отделов исполнительного комитета (за исключением учреждений действующих армий), немедленно донося об этом до сведения соответствующего центрального учреждения» (13).

После образования СССР (1924 г.) РСФСР сохранила *федеративное* устройство, которое затем подтверждалось для территории РСФСР конституциями СССР 1924, 1936, 1977 гг. В РСФСР имелись полномочные органы советской власти (Верховный Совет, Правительство и др.), но *отсутствовал главный* в условиях коммунистического режима - республиканский орган *Коммунистической партии*. В ЦК КПСС интересы РСФСР разрозненно (местнически) представляли секретари крайкомов и обкомов, автономных национальных республик и округов РСФСР - руководители рангом ниже, нежели секретари республиканских ЦК. Попытки создания Бюро ЦК КПСС по РСФСР имели паллиативный характер.

Области и края РСФСР рассматривались как административно-территориальные образования, управляемые сверху. Формально область и ее районы имели элементы самоорганизации политической, хозяйственной, социальной, культурной жизни: областные и местные советы депутатов и др. Но фактически они следовали директивам вышестоящих органов, прежде всего партийных. Самодеятельная инициатива низов теплилась и поддерживалась преимущественно в области культуры: сам термин «самодеятельность» оказался прочно связан с эпитетом «художественная», а «политическая самодеятельность» регионов приобрела негативный оттенок. Похожий статус внутри РСФСР имели и национальные автономные республики и округа.

Переходя к характеристике статуса регионов в современной России, следует

учитывать, что вся жизнедеятельность населения регионов во многом зависит как от самого населения – индивидов и домохозяйств, социальных групп и организаций, так и от органов государственного управления – федеральных и региональных. Подчеркнем, что *государство принимает на себя социальные обязательства*, фиксируемые в Основном законе (Конституции), совокупности других законом и нормативных актов (14). Федеральные органы формируют стратегию, ориентированную либо на унификацию, выравнивание параметров различных регионов, либо на стимулирование их собственной активности, направленной на саморазвитие регионов, или же на динамичное сочетание этих двух стратегий, учитывающее специфику каждого региона и эволюционирующее соответственно эволюции каждого региона. Региональные органы, включая муниципальные, формируют свою стратегию и тактику функционирования региона, согласуя ее с федеральной. Комплексным критерием эффективности различных стратегий служит свободное развитие личности, демократии и гражданского общества, рост благосостояния населения, вклад регионов в развитие, целостность и безопасность государства и всего общества.

С середины 80-х годов XX столетия утверждение гласности открыло шлюзы для потоков местной инициативы. Конституция независимой Российской Федерации - России (декабрь 1993 г.) подтвердила принцип федеративного устройства; она предоставила бывшим республикам, краям, областям, автономным округам РСФСР *статус субъектов* Российской Федерации, т.е. форм государственности. Всего в составе РФ было фиксировано 89 субъектов. «Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны» (ст. 5, п. 4). Вместе с тем, выделены *шесть видов субъектов*: национальные республики (21 субъект) определены как государства (ст.5, п.2) , которые имеют свои конституции и законодательство; края, области, города федерального значения (57 субъектов) имеют свои уставы и законодательство, но не определены как формы национальной государственности; 1 национальная автономная область и 10 национальных автономных округов, которые также имеют свои уставы и законодательство.

В последние годы число субъектов РФ уменьшается за счет вхождения некоторых автономных округов в состав соседних краев и областей. Утвердилось верховенство федеральных законов над законами субъектов РФ, но сохраняется *асимметричный статус* различных видов субъектов. Между федеральными органами и многими субъектами РФ заключены специализированные договоры и соглашения (15). Органы федеральной власти имеют свои структуры в субъектах РФ.

Россия – не единственная страна со сложным государственно-территориальным устройством. США – федеративное государство, значительно меньше России по площади, но разделяется более чем на 50 штатов, законы которых существенно различны. Франция – унитарное государство, еще меньшее по площади, но разделяется на 95 департаментов. Асимметричный статус имеют ряд территорий Италии и Испании. Эти и другие особенности территориального устройства различных государств объясняются историко-культурными условиями их формирования. То же относится и к России.

В начале социокультурного портрета желательна справка о географическом положении региона и его *истории*: когда и какие этносы начали его заселять, основные этапы его этнодемографического развития, эволюции политического устройства, хозяйственной жизни, нравов и обычаев, верований, светской культуры. Такая справка может не только удовлетворить любознательность читателя, но и объяснить некоторые особенности современного состояния региона.

Административно-территориальная структура каждого субъекта РФ определяется его конституцией или уставом. Например, в Свердловской области действуют следующие органы *государственной власти*: двухпалатное Законодательное собрание, состоящее из областной думы и Палаты представителей; Губернатор и Правительство области; областной суд и Уставный суд; ряд комитетов и других структур при этих основных органах власти; а также около 60 структур, представляющих органы федеральной власти: Уральский региональный центр по делам ГО, ЧС и ликвидации последствий стихийных бедствий; Федеральный арбитражный суд по Уральскому округу, Управление федерального казначейства, Управление федеральной службы налоговой полиции и др. (16). В Волгоградской области законодательная власть представлена однопалатной областной Думой; исполнительную власть возглавляет Глава Администрации, который формирует Администрацию области в соответствии со схемой управления, утверждаемой областной Думой; судебную власть воплощают: областной суд, гарнизонный военный суд, арбитражный суд; в регионе также представлены около 50 органов федеральной власти (17).

Органы государственной власти региона имеют собственные бюджеты, формируемые за счет налоговых отчислений от доходов местных предприятий и организаций, а многие – еще и за счет поступлений из федерального бюджета. Они не только осуществляют решения федеральных органов, но разрабатывают и реализуют региональную концепцию социального развития региона, принимают соответствующие акты и акции социального характера. В их компетенции находится подготовка концепции социальной защиты населения региона и контроль за ее осуществлением. Они

координируют деятельность подведомственных организаций культуры, сферы услуг, поддержания общественного порядка и др., контролируют соблюдение узаконенных нормативов.

Каждый субъект РФ состоит из нескольких *административных районов*, состав которых определяется законодательным органом данного субъекта. В последние годы в ряде областей возник переходный тип административно-территориального деления: наряду с ранее сложившимся делением на районы и города здесь используется новое деление на управленческие округа и муниципальные образования. Это связано с тем, что в Конституции РФ большое внимание уделено местному самоуправлению как первичному уровню территориальной самоорганизации населения.

Согласно Конституции, *местное самоуправление* отделено от государственной власти и обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. Оно осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления. Структура его органов определяется населением самостоятельно. Эти органы самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения. Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными полномочиями. Местное самоуправление гарантируется запретом на ограничение его прав, правом на судебную защиту, а также на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти (Конституция РФ, глава 8, ст. 130-133).

Положения Конституции открывают значительные возможности для проявления *гражданской активности* населения, его инициативы на местном уровне. Однако реализация таких возможностей сдерживается отсутствием четких критериев, позволяющих отнести конкретные объекты к муниципальной собственности. Это препятствует формированию местного бюджета и решению соответствующих вопросов органами местного самоуправления. Определенные надежды на решение этих и других проблем появились в связи начавшейся реформой местного самоуправления. В ряде регионов возникли общественные ассоциации местных властей.

Важной формой *самоорганизации населения* региона служат политические и профсоюзные объединения граждан – партии, их блоки, общественные движения. Например, в Свердловской области в 2000 г. имелось более 5000 таких объединений и

организаций, в Волгоградской области в 2004 г. - 3500. Их деятельность наиболее активно проявляется во время массовых кампаний по выборам местных и федеральных органов власти. Другое направление – протестные действия (митинги, демонстрации, забастовки и др.) в связи с непродуманными акциями федеральных и местных властей, затрагивающими жизненные интересы населения, экологическими опасностями, грубыми нарушениями прав человека, безнаказанностью преступников, террористов. Во многих регионах явно недостаточна самоорганизация населения для конструктивного решения проблем благоустройства, соблюдения общественного порядка, развития учреждений культуры, инновационного развития экономики. Многое зависит от характера активности СМИ.

Вместе с тем, во взаимоотношениях между региональными и федеральными органами управления имеется немало проблем. Нередко они выплескиваются как национальные напряженности и конфликты. Основные из них вызваны низким уровнем экономического развития большинства регионов, благосостояния их населения. Эти проблемы требуют новых подходов к социально-экономическому развитию регионов.

Экономический статус региона во многом зависит от федеральных властей, прежде всего от текущих инициатив исполнительной власти, подкрепляемых законодательными актами. Не сформирована система конкурентного бюджетного федерализма. Напротив, от федерального центра исходит практика централизации финансовых ресурсов и последующего их перераспределения в виде трансфертов в регионы для «выравнивания» их бюджетной обеспеченности. При адресной помощи это помогает выживанию малообеспеченных слоев населения, но и в этом случае способствует усилению иждивенческих настроений, ослаблению стимулов развития регионов. Население регионов плохо информировано об объемах бюджетных трансфертов и механизмах их использования.

Еще менее определены *социальный и культурный статусы региона*. На регионы возлагались все новые социальные и культурные функции, но при этом изымались источники средств, позволяющих осуществлять эти функции. Значит, усиливался дисбаланс социокультурных функций и экономических возможностей регионов. Но возникли и противоположные тенденции: стали возрастать средства, направляемые из федерального бюджета в наиболее отсталые и низкоразвитые регионы; сверх того, с 2006 г. значительные средства направляются во все регионы для реализации приоритетных национальных проектов. Стоит задача контроля за использованием этих средств, вовлечения в этот контроль организаций гражданского общества.

В целом статус регионов в российском обществе остается рыхлым и противоречивым. Происходят изменения, которые в той или иной мере удовлетворяют потребности федерального Центра и интересы местных элит, но не большинства населения регионов. Налоговое законодательство и многочисленные бюрократические проверки препятствуют росту некоммерческого сектора, а значит и гражданского общества в регионах. Следовательно, общественный договор в основном звене социокультурного пространства страны по-прежнему не обретает необходимую ему горизонтальную структуру (18).

Нет сомнений, что вопросы статуса данного региона, его общие с другими регионами и особенные черты должны получить всестороннее и детальное освещение в подготавливаемом Портрете. Чем полнее и конкретнее они будут представлены, тем мотивированнее будут восприниматься последующие характеристики региона. Тем выше будет гражданская миссия Портрета.

Этот круг вопросов кратко фиксирован в *первом, вводном разделе Программы-проспекта* подготовки Портрета региона. С ним сопряжена характеристика представлений населения об особенностях данного региона и его проблемах, оценка социально-территориальной идентичности жителей, их удовлетворенности своей жизнью в целом. В итоге желательно уяснить и убедительно представить в Портрете *основные преимущества и главную проблему* (или совокупность таких проблем) развития данного региона как социокультурного сообщества.

В следующих разделах Портрета преимущества и проблема (проблемы) региона должны получить конкретизацию, включая варианты направлений, способов развития преимуществ и решения проблем. Концептуальным стержнем такого описания может служить анализ того, как реализуются основные социокультурные функции региона. Такой анализ не предполагает особого раздела в «Портрете» - разделы «Портрета» остаются такими, как они обозначены в Программе-проспекте, - но пронизывает содержание всех его разделов. Обобщенную характеристику этого содержания желательно дать в заключительном разделе Портрета - в «Выводах».

3. Социокультурные функции региона

Теперь обратимся к менее явным характеристикам региона – его социокультурным функциям – и попытаемся сделать их явными, т.е. выразить через совокупность параметров и показателей, содержащихся в программе-проспекте нашего Портрета. Мы будем следовать структуре проспекта, основным его разделам, но при этом будем преследовать более глубокую задачу: выявление латентных функций региона. Если это

удастся, то резюмируем полученные результаты в заключительном разделе Портрета – в обобщающих выводах.

3.1. Социокультурные функции и структуры

В соответствии с изложенным выше антропосоциетальным подходом, региону, как и обществу, свойственны четыре основные функции: жизнеобеспечивающая, духовно-интегрирующая, статусно-дифференцирующая, властно-регулирующая. Каждая функция осуществляется через соответствующую регионально-функциональную структуру, которая представляет собой совокупность социальных институтов, организаций, общностей, природных и созданных человеком ресурсов, а ее динамика предстает в виде взаимосвязанных пар процессов, охарактеризованных выше. Совокупность таких функций, структур и процессов образует непосредственную социокультурную среду жизнедеятельности человека и служит пространственной ячейкой общества как антропосоциетальной системы. Соответственно, функции, структуры и процессы территориального сообщества предстают в трех конфигурациях: одна обращена к самому региону как целому, другая – к человеку, а третья – к обществу.

Функция жизнеобеспечения включает использование ресурсов осваиваемой территории и человеческого потенциала ее жителей для поддержания безопасности и целостности региона; удовлетворение витальных, жизненно необходимых потребностей индивида в пище, одежде, жилище, здоровье; в отношении к обществу она реализуется в виде налогов и других отчислений для безопасности и целостности общества. Эта функция осуществляется через жизнеобеспечивающий комплекс региона; это прежде всего деловые организации региона, но также домохозяйства, правоохранительные службы и многое другое. В Портрете необходимо отразить их вклад в жизнеобеспечение региона, проблемы и возможности повышения их эффективности.

Функция интеграции конкретизируется в отношении региона: как поддержание порядка на территории региона, сеть коммуникаций (межличностных, транспортных, телефонных, интернет и т.п.) между поселениями, домохозяйствами (соседские отношения) и внутри профессиональных групп со сходными занятиями; в отношении к человеку она предстает как совокупность ценностей и норм, правил и образцов поведения, одобряемых большинством жителей данного региона; вклад в интеграцию общества регион осуществляет легитимацией социетальных ценностей и норм, правил и образцов – формальных и неформальных, развитием позитивных взаимодействий с другими регионами. Коммуникативная структура имеет преимущественно символический характер

и в целом может быть охарактеризована как культура региона; но сеть коммуникаций имеет и физические составляющие – транспорт, электронные каналы и др.

Функция дифференциации реализуется в социально-профессиональной и статусно-престижной структуре его жителей; она конкретизируется в совокупности статусов и ролей, которые мотивируют активность людей, непосредственно побуждают их к действиям разнообразными способами: от конструктивных образцов развития до разрушительных антагонизмов. Основной структурой, через которую воплощается функция дифференциации, служит социальная стратификация населения региона.

Властно-регулятивная функция выступает как сочетание координации и контроля со стороны органов управления и самоуправления, благодаря чему поддерживается социальный порядок в регионе. Действия жителей региона подлежат положительным или негативным санкциям, которые могут исходить как от официальных органов управления, так и от любого из жителей, придерживающегося традиций, обычаев, принятых в данном регионе или во всем обществе. Носителями данной функции служат структуры управления в масштабе региона, в деловых и общественных организациях, действующих в регионе, а также структуры муниципального и местного самоуправления, спонтанные институты социального контроля.

Социокультурные функции и структуры региона паритетны по своей природе и взаимосвязаны; в оптимальном состоянии они сбалансированы между собой*. За их сбалансированность непосредственно ответственна властно-регулирующая структура. Взаимосвязь социальных структур региона, средства их обмена представлены на рис.3.

Следует учитывать упрощенный характер этой схемы: на ней не отражены ни внутренняя сложность каждой структуры региона, ни их внешняя среда – отчасти аналогичные по функциям, но существенно отличающиеся по масштабам и содержанию.

3.2. Выявление социокультурных функций региона

Анализ реализации социокультурных функций региона включает характеристику:

- а) содержания каждой функции;
- б) субъектов, структур и процессов, благодаря которым это содержание становится реальностью;
- в) субъектов, которым оно адресовано;
- г) объема, уровня доступности этого содержания адресатам;
- д) качества его освоения

* Напомним: *паритетность* функций региона означает, что каждая функция имеет свое фундаментальное основание, не сводится к другим функциям и не выводится из них. Это исключает монодетерминизм, или принятие какой-либо одной функции за определяющую, из которой прямо или опосредованно выводятся остальные. Вместе с тем, *взаимосвязанность* функций включает разнонаправленные причинные зависимости между ними, в том числе изменяющие свое направление с изменением фазы эволюции региона или состояния окружающей его среды, общества. Такого рода релятивный детерминизм свойствен и взаимосвязям между функциональными структурами региона и способами их динамики, процессами.

адресатами, включая их оценку этого качества. Ниже будут отмечены лишь некоторые, ключевые аспекты осуществления тех или иных функций.

(1) Жизнеобеспечение населения региона

Круг вопросов, характеризующих жизнеобеспечение населения региона, представлен преимущественно *во втором и третьем разделах Программы-проспекта*.

Население региона, живущие и работающие в нем люди - главные действующие лица региона и его социокультурного портрета. Важно представить не только количественные, но и качественные характеристики населения. Прежде всего – обрисовать *этнодемографическую ситуацию* в регионе, ее динамику между переписями населения 1989 и 2002 гг. и, возможно, за более длительный период. При этом необходимо учитывать наличие в современной России нескольких базовых проблем в данной области: ухудшение состояния здоровья населения, рост алкоголизма и наркотизации, низкая рождаемость и высокая смертность, быстрая убыль численности населения, граничащая с депопуляцией; культурно-цивилизационная разнородность населения страны, многих ее регионов, лежащая в основе обострения межнациональных напряженностей, конфликтов; быстро выросшая межрегиональная и межстрановая миграция, сопровождающаяся уменьшением доли коренных (здесь родившихся) жителей регионов, увеличением числа мест и масштабов компактного проживания этнических меньшинств (иммигрантов из других регионов), размыванием региональной идентичности населения, изменением ее характера.

Соответственно, описание этнодемографической ситуации должно включать:

- 1) этнический состав населения, межэтнические культурно-цивилизационные дистанции, наличие и степень распространенности культурных интеграторов – толерантности, региональных и общероссийских ценностей;
- 2) характера идентичности населения с регионом, ее факторов и последствий;
- 3) характеристику состояния здоровья населения, позитивных и негативных факторов его прироста или убыли, изменения продолжительности жизни женщин и мужчин, демографической нагрузки, ложающейся на трудоспособных.

Специальное внимание необходимо уделить тому, как в регионе осуществляется *приоритетный национальный проект «Современное здравоохранение»*. Желательно с помощью экспертных опросов выяснить, как изменяется положение в первичном медицинском звене, влияют ли выделенные средства на улучшение первичной медицинской помощи населению по месту жительства, на вакцинацию и диспансеризацию широких слоев населения. Шире: как население региона воспринимает этот проект, в каком социокультурном контексте он реализуется.

Это относится и к другому приоритетному национальному проекту: «Доступное и комфортное жилье». Тем самым мы вступаем в круг вопросов следующего, третьего раздела Программы-перспективы. Он предполагает получение и анализ информации по широкому кругу социально-экономических параметров и проблем, характеризующих функцию жизнеобеспечения населения региона. Это прежде всего динамика уровня жизни различных социальных слоев (их доходы и расходы, состояние и структура домохозяйств, пенсионное обеспечение, масштабы бедности), а также социальное самочувствие населения.* В других разделах Программы-перспективы также имеются параметры, относящиеся к жизнеобеспечению населения.

(2) Социокультурная интеграция населения региона

Параметры, характеризующие интегративную функцию региона, в значительной мере содержатся в четвертом разделе «Программы-перспективы», но они представлены также в шестом и некоторых других его разделах. Характеристика данной функции должна дать ответ на фундаментальный вопрос: *что объединяет население данного региона* в социокультурное сообщество помимо общей территории жизнедеятельности?

По-видимому, первым интегратором служит *язык*, на котором подавляющее большинство жителей региона общаются между собой в быту, на работе и отдыхе. Следовательно, информация о языке общения не может сводиться к изложению статистических данных по этому параметру. Она предполагает анализ того, как различные категории населения используют тот или иной язык (один или несколько) в качестве средства взаимопонимания в регионе и за его пределами, в том числе за рубежом; как образовательные учреждения, СМИ и другие структуры региона способствуют или препятствуют решению этой задачи.

Язык служит интегратором не сам по себе, а благодаря тем смыслам, которые с его помощью люди сообщают друг другу. Современные общекультурные, общецивилизационные смыслы россияне усваивают в школах и вузах. Достаточно высокий уровень *образования*, получаемого большинством россиян, является важнейшим культурным интегратором населения регионов и страны в целом. Желательно ярко показать в Портрете эту роль образования и одновременно оценить дезинтегрирующие последствия непродуманных его реформ. В этой связи особенно важно показать значение *приоритетного национального проекта «Качественное образование»*, раскрыть процесс его реализации в данном регионе.

Опорными точками общения служат принимаемые большинством населения

* Данный круг вопросов рассмотрен в статье Л.А.Беляевой «Социально-экономические проблемы в социокультурном портрете региона», которая помещена в настоящем сборнике.

базовые ценности. Мониторинговое исследование «Наши ценности и интересы сегодня», которое ЦИСИ проводит с 1990 г., показало, что в структуре ценностей россиян неравномерно растет поддержка современных, либеральных ценностей. Особенно заметен рост поддержки инструментальных ценностей, таких как независимость, инициативность – на такие качества индивидов явно вырос спрос в условиях перехода к рыночной экономике. Что касается терминальных ценностей, то значительно выросла поддержка либеральной ценности свободы, но одновременно сохраняет высокую поддержку и ценность традиции. А максимум поддержки на протяжении всего периода трансформации имеют у россиян общечеловеческие ценности: порядок, семья, общительность(19).

Такова картина в среднем по России. Но она существенно меняется от региона к региону. Эта специфика должна получить отражение в Портрете каждого региона. В бланк интервью включен блок из 14 вопросов, позволяющий получить информацию о поддержке респондентами 14 базовых ценностей – 7 терминальных и 7 инструментальных. Социокультурная модель этих ценностей представлена в табл. 1. Дополнительную информацию можно получить путем контент-анализа материалов СМИ, а также программ учебников для средних и высших учебных заведений. Полезно также представить базовые ценности, содержащиеся в текстах, проповедях, характеризующих те религии, вероисповедания, которым следует население региона.

Таблица 1.

Социокультурная модель базовых ценностей

(В косых скобках обозначены виды потребностей: *вит* – витальные, *инт* – интеракционные, *соц* – социализационные, *см* - смысложизненные)

	Традиционные	Общечеловеческие	Либеральные
Терминальные	Традиция / <i>см</i> / Семья / <i>вит, см</i> /	Порядок / <i>инт</i> / Благополучие / <i>вит</i> / Работа / <i>вит, см</i> /	Жизнь индивида / <i>вит, см</i> / Свобода / <i>инт, см</i> /
Инструментальные	Жертвенность / <i>вит, см</i> / Своевольность / <i>см</i> /	Общительность / <i>инт</i> / Нравственность / <i>инт, соц, см</i> / Властность / <i>инт</i> /	Независимость / <i>соц</i> / Инициативность / <i>соц</i> /

Культура региона и тип поведения личности

Регион представляет собой социокультурную среду, в которой в основном происходит социализация личности и которая ориентирует личность на тот или иной тип поведения, мотивирует ее поступки, трудовую деятельность. Важно выяснить, какие типы поведения личности развивает среда данного региона, а какие – блокирует; соответственно: какие типы поведения позволяют жителям действовать в данном регионе успешно или неуспешно (для себя и для региона).

Следует сказать о *нормах поведения*, которые утверждаются в законах и нормативных актах федеральных и региональных органов государственной власти, в правосознании и повседневных социальных практиках населения региона, оценить их соответствие или не соответствие базовым ценностям. Факты отклоняющегося, преступного поведения жителей региона выступают как разрывы между ценностями и нормами поведения различных слоев населения.

Можно предположить, что в большинстве регионов, имеющих невысокий уровень развития по сравнению с продвинутыми регионами, существенно недоиспользуется созидательный, инновационный потенциал индивидов и организаций. Возможная причина этого – такая институционализация социальных практик в этих регионах, которая блокирует инновационно-деятельный тип поведения широких слоев населения и поддерживает иной, пассивно-репродуктивный тип. Напротив, в других регионах социальные институты не блокируют, а поддерживают, стимулируют инновационно-деятельный тип поведения.

С учетом сказанного следует также охарактеризовать плотность и доступность таких материальных средств коммуникаций в регионе как: дороги и транспорт, обычная телефонная, сотовая и интернет связь, стадионы и театры, храмы, клубы и др.

В итоге, надо попытаться ответить на ключевой вопрос: сложилась ли в данном регионе устойчивая *сеть духовных и материальных интеграторов* его населения, в какой мере существующая сеть обеспечивает сохранение и развитие региона как привлекательного социокультурного сообщества, жизнь в котором комфортна для человека?

(3) Социокультурная дифференциация населения региона

Это не антипод интегративной функции, а необходимое ее дополнение: социокультурная дифференциация сопряжена с многообразием людей как индивидов и личностей, создает эффективную мотивацию их деятельности и социальной мобильности. Параметры, характеризующие данную функцию, содержатся преимущественно в пятом и шестом разделах Программы-перспекта, но представлены также и в других его разделах.

Основная задача состоит в том, чтобы показать, какие изменения в содержании

данной функции и какими способами произошли в регионе за последние 15-20 лет. «Социальная однородность» сменилась социальной поляризацией работодателей и наемных работников, богатых и бедных. Механизмом этих изменений стала массовая мобильность трудоспособного населения: немногих – вверх, большинства – вниз, немалой части – на социальное дно общества. Наглядно это можно продемонстрировать с помощью данных о межпоколенной профессиональной мобильности: кем были отцы/матери и кем стали их дети. Немалую роль в этих процессах сыграли ценностные ориентации субъектов мобильности.

Желательно показать, какую «социальную цену» заплатило население региона за эту трансформацию социальной стратификации и как «работает» новая стратификация: действительно ли она эффективнее прежней «социальной однородности». И как это выражается в социальном самочувствии различных слоев населения региона.*

(Пропали 4 стр. текста).

(4) Властное регулирование и самоорганизация социокультурной жизни региона

Основные параметры этой функции содержатся в седьмом разделе Программы-проспекта, а также представлены в большинстве других его разделов. Но ее описание в Портрете сопряжено с недостатком необходимой информации и сложностями интерпретации имеющихся данных. Тем не менее, в содержании данной функции можно выделить, как минимум, три направления анализа и описания.

А) Конфликтность центра и периферии, тенденция регионов к закрытости

Слом партийно-командного централизма, безраздельного в СССР, возродил надежды некоторых регионов на былой удельный суверенитет, вплоть до отделения от России. Когда выяснилось, что Россия готова последовательно отстаивать свою территориальную целостность, вплоть до применения вооруженной силы, тяжбы между элитами центра и регионов за расширение своих прав и сокращение обязанностей приобрели затяжной парламентско-бюрократический характер. По мере того, как центр утверждал и расширял свои права, регионы окружали себя рвами закрытости.

Разные регионы существенно различаются по степени их открытости/закрытости. Определяющим фактором различий служит характер менталитета и действий *региональной элиты*, который, свою очередь, зависит от фазы ее жизненного цикла или, по Парето, стадии ее циркуляции. К важнейшим характеристикам элиты относятся: сплоченность, замкнутость и автономия от других страт общества (30). Особенно быстро

* Подробнее эти и смежные вопросы рассмотрены в упомянутой выше статье Л.А.Беляевой, которая помещена в настоящем сборнике.

и четко эти черты формируются на уровне региональных элит: в рамках каждого региона они сравнительно немногочисленны, что облегчает формирование трех «С»: Самосознания, Сплоченности, Сговора (Дж.Мейзель).

В большинстве случаев региональные элиты, политические и деловые, соединяют интересы политико-административной власти и бизнеса: власть коррумпируется и дистанцируется от остальных групп населения региона, население отчуждается от власти. Регион становится *закрытым сообществом*: население вынуждено действовать в пределах предписаний власти, его инициатива минимизирована. Помимо отмеченных характеристик элиты, три объективных фактора способствуют этому: экономическая периферийность; бедность населения; географическая удаленность. С этой точки зрения, Москва – наиболее открытый регион, в том числе для федеральных властей. А Республика Тыва – один из наиболее закрытых.

Чтобы обеспечить максимальную полноту власти внутри региона, его элита стремится возможно полнее закрыться от контроля извне – со стороны федеральных властей. В 90-е годы энергичные элиты многих регионов сумели далеко продвинуться в этом направлении. С 2000 г. администрация Президента РФ В.В.Путина стала выстраивать жесткую вертикаль власти, обеспечивающую контроль извне за действиями региональных элит. Это ограничило внешнюю закрытость региональных элит, но не уменьшило их коррумпированность и внутреннюю закрытость - от населения. Одновременно это значительно расширило сферу бесконтрольных действий самих федеральных властей. Вертикаль власти «сверху вниз» утвердилась, а противовес ей «снизу вверх» значительно ослабел.

Очевиден вывод: *необходимо повышать открытость региональных сообществ.*

Б) Преодолеть высокую локальную закрытость можно, лишь *открывая пространство для деловой и гражданской активности населения региона, укрепляя гражданские структуры регионального сообщества, развивая местное самоуправление.* Социокультурные предпосылки для такой активности имеются: повсеместно большинство россиян обладает высоким образованием и общей культурой, они стали выше ценить собственную свободу и независимость, расстаются с патерналистскими иллюзиями, многие адаптировались к плюрализму форм собственности. Но недостает политической воли федеральных властей, без чего региональные элиты сумеют долго удерживать внутреннюю закрытость «своих» регионов.

Важные предпосылки для поддержания минимального уровня открытости региона заложены в Конституции РФ – в главе 8 «Местное самоуправление». Однако на деле органы местного самоуправления почти лишены собственных ресурсов, борются за них и,

в свою очередь, имеют склонность становиться полужакрытыми локальностями - на субрегиональном, муниципальном уровне. Определенные надежды на расширение полномочий местного самоуправления возникли в ходе административной реформы. Но эти надежды подрываются отсутствием бюджетных средств для осуществления этих полномочий.

В последнее время возник новый фактор: центр направляет крупные инвестиции в регионы для осуществления приоритетных национальных программ. Этот фактор может способствовать повышению открытости регионов, по крайней мере, перед Центром, который должен контролировать использование средств, направляемых в регионы.

В) Третье, результирующее направление: конкретный анализ того, в какой мере региональные органы управления *обеспечивают или не обеспечивают согласование* всех социальных функций региона, позволяющее ему преодолевать спады и добиваться роста.

Таковы некоторые аспекты выявления и представления социокультурных функций региона в его портрете, опираясь преимущественно на данные этого региона. Но для более полной его характеристики желательно шире использовать данные по другим регионам, особенно смежным. Это позволит показать изучаемый регион в сравнении с другими регионами страны и составить общую картину всех регионов страны.

Для такой характеристики регионов полезно использовать комплексные индексы: качества жизни, уровня развития человеческого потенциала, инновативности региона и др. Это позволит раскрыть многоаспектную дифференциацию регионов России.

4. Социокультурная дифференциация российских регионов

4.1. Дифференциация регионов по уровню развития человеческого потенциала

Одним из комплексных является *индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП). Этот индекс ежегодно рассчитывается и публикуется в рамках Программы развития ООН (ПРООН). Он получается как средняя от трех показателей: доход (душевой ВРП, ППС в долл. США); долголетие (ожидаемая продолжительность жизни, число лет); образование (доля учащихся среди возрастов: 6-23 года) (31). По сути, это один из базовых социоэкономических индексов. Хотя известны и его недостатки (как и других индексов), особенно заметные при несовершенстве российской статистики.

Представительство ПРООН в РФ ежегодно, с 1995 г., на основании данных Госкомстата РФ определяет ИРЧП для 79 регионов России (без выделения Чеченской республики и автономных округов, кроме Чукотского). Расчеты ИРЧП для России затруднены тем, что индекс дохода опирается на данные официальной статистики,

которые не в полной мере учитывают неформальную часть доходов россиян. Тем самым ИРЧП по России оказывается занижен. Кроме того, не учитывается, что реально располагаемые доходы населения региона зависят не только от валового регионального продукта (ВРП), но и от того, какая его часть, централизуемая в федеральном бюджете, перераспределяется от регионов-доноров в регионы-реципиенты (32). О существенности таких перераспределений можно судить по данным, приведенным в табл. 2.

Тем не менее, ИРЧП позволяет строить определенные типологии регионов. Одну из первых многокритериальных типологий, опирающихся на ИРЧП, предложила Н.В.Зубаревич. Это пять типов регионов, которые различаются по среднему для каждого типа уровню ИРЧП, а внутри каждого типа выделены группы, учитывающие «генетические корни» региональных проблем (детально эта типология приведена в приложении 1):

1. *Наиболее развитые*: лидер по всем компонентам (Москва); лидеры только по доходу, но с позитивной динамикой других компонентов.
2. *Относительно развитые*: сбалансированные по компонентам; экспортные с более высокими доходами.

Таблица 2. Степень выравнивания душевых доходов бюджетов субъектов Российской Федерации

Годы	1998	1999	2000	2001
Отношение душевого дохода 10 самых богатых к душевому доходу 10 самых бедных субъектов Российской Федерации, раз				
До трансфертов	13,1	15,8	22,7	17,6
После трансфертов	5,3	5,7	6,5	4,8
Отношение реального душевого дохода 10 самых бедных субъектов Российской Федерации к среднему по России*				
До трансфертов	0,09	0,07	0,06	0,11
После трансфертов	0,23	0,33	0,48	0,65

* С учетом стоимости жизни, дефлятор — региональный индекс бюджетных расходов, используемый Министерством финансов Российской Федерации при расчете трансфертов.

Источник: Экономические обзоры ОЭСР 2001—2002. С. 166.

/Займствовано из Доклада ПРООН о развитии человеческого потенциала в РФ, 2002-2003/

3. *Средние*: более сбалансированные; экспортные, с повышенными доходами; ранее более развитые, но с негативной динамикой дохода; Центр и юг с более низкими доходами, но лучшим долголетием; менее развитые республики, но с позитивной динамикой.

4. *С относительно низким уровнем*: северные и восточные со средними доходами, но худшим долголетием и образованием; области Центра и запад с отставанием по всем компонентам; республики с крайне низким доходом.

5. *Наиболее отсталые*: русский юг с низкими доходами, но лучшим здоровьем; депрессивный центр с низкими доходами и долголетием; республики Кавказа с минимальными доходами и низким образованием; слаборазвитые регионы нового освоения с худшими показателями.*

Эта типология позволила автору сделать такие обобщения: «В экспортных ресурсных регионах нового освоения очевидны проблемы здоровья и образования, в староосвоенном центре лимитирующими компонентами являются доходы и здоровье, на русском юге и в республиках – прежде всего доходы, а слаборазвитые восточные округа и республики проблемны по всем компонентам. Типология показывает, что именно восточные слаборазвитые регионы становятся основной зоной острых проблем, а на Европейском юге часть республик, традиционно относимых к наименее развитым, более успешно выходит из кризиса» (33).

В целом автор констатирует крайне мозаичную картину, которая свидетельствует о том, что в настоящее время ни один параметр ИРЧП по отдельности не определяет уровень социального развития региона. Более того, методы количественного анализа явно недостаточны, «резко возрастает роль социологических методов, а также полевых, в том числе визуальных исследований» (34).

Разделяя эти констатации, мы предложим свою, сначала более формальную типологию. В качестве базовых мы возьмем данные за 2000 г. (35) (см. приложение 2) и соотнесем с ними данные за 2002 г. (36), что позволит судить о векторе динамики ИРЧП регионов (позитивный, негативный, без изменений). Согласно этим данным, в 2000 г. среднее для России значение ИРЧП составляло 0,763 (в 2002 г. - 0,766). Это значительно ниже всех индустриально развитых стран Европы и Северной Америки (высокий уровень начинается с ИРЧП = 0,800), но выше наименее развитых стран Азии и Африки. По данному индексу в 2000 г. Россия находилась в шестом десятке из почти 180 стран мира, по которым ведутся соответствующие расчеты; в 2002 г. страна поднялась на 57-е место. На уровне выше среднего Россию удерживает высокий уровень образования, а вниз ее склоняют низкие доходы и сократившаяся продолжительность жизни населения.

Низкое значение ИРЧП усугубляется значительной, часто контрастной его дифференциацией между субъектами Российской Федерации. В целом по стране

* Другой вариант типологии регионов, подготовленный НИСП, представлен в упомянутой статье Л.А.Беляевой, помещенной в данном сборнике. Разработчикам социокультурных портретов регионов полезно знать и учитывать различные типологии российских регионов

региональные различия по ИРЧП составляют 231 пункт (в 2002 г. этот разрыв сократился до 215 пунктов). Пространство между ними асимметрично: в интервале от низшего до среднего значения индекса находятся 66 регионов, а от среднего до высшего значения – всего 13 регионов. Индексы первых трех регионов (Москва, Тюменская область, Татарстан) и последнего (республика Тыва) значительно отстают от весьма плотного основного массива, который насчитывает 75 регионов. Этот массив удобно разделить по уровням ИРЧП на пять формально выделенных типов - по 15 регионов в каждом типе. В итоге мы получаем семь типов регионов (см. таблицу 3).

Согласно этой типологии, в регионах со средним уровнем ИРЧП жили в 2000 г. более одной пятой населения России, в регионах более высоких уровней – свыше половины, а в регионах более низких уровней – четвертая часть россиян.

Теперь представим эти различия на административной карте России (см. карту на след. стр.).

На *приграничной периферии* России (Дальний Восток, юг в российской Азии, запад в российской Европе) находились 10 (из 15) регионов с низким ИРЧП.

Таблица 3

Типология регионов России по уровню ИРЧП, 2000 г.*

№	№	Типы регионов по уровню ИРЧП	Рейтинги регионов	Диапазоны ИРЧП	Доля в населении России (в %%)
	I	Высший	1 – 3	0,804 – 0,864	12,0
	I	Высокий	4 – 18	0,757 – 0,780	24,8
I	I	Выше среднего	19 – 33	0,744 – 0,756	16,2
II	I	Средний	34 – 48	0,731 – 0,744	21,8
V	V	Ниже среднего	49 – 63	0,725 – 0,730	14,7
	V	Низкий	64 – 78	0,697 – 0,724	10,3
I	V	Низший	79	0,633	0,2
II					

* Подсчитано автором по источнику: Доклад «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации». М., ПРООН, 2003 г., с. 88-89. Доля населения по типам регионов определена на основе Всероссийской переписи 2002 г.

В *Уральских* регионах, включая южное и северное приграничье этого меридиана, также наблюдается чересполосица регионов с значениями ИРЧП от ниже среднего до высшего, но преобладают регионы с значениями выше среднего. Высший индекс имеет Тюменская область вместе с нефтедобывающими Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами.

На территориях к западу от Урала, вдоль меридиана *Европейский Север, Поволжье, Кавказ*, чередуются регионы с значениями ИРЧП от высокого до низкого. Контрастно Поволжье, где соседствуют регионы с низким и высоким значениями ИРЧП (республика Марий Эл и Татарстан – 69-е и 3-е места в общероссийском рейтинге).

Центрально-европейская и северо-западная части России, включая приграничные регионы, полны контрастов. К югу тяготеют регионы с более высокими значениями, а к северо-запад – с более низкими. По диагонали расположились три региона с низкими индексами (Псковская, Ивановская и Тверская области – 73-е, 76-е и 68-е места из 79). Но здесь же и несколько регионов с значениями ИРЧП выше среднего (Санкт-Петербург, Липецкая и Белгородская области), а в географическом центре - Москва с высшим значением ИРЧП.

С 2000 по 2002 годы произошли заметные изменения в дифференциации регионов по ИРЧП. В целом по России совокупный индекс повысился немного: с 0,763 до 0,766. На 16 пунктов уменьшилась разница максимальным и минимальным значениями ИРЧП регионов; аутсайдер (республика Тыва) остался прежним, но впервые *произошла смена лидера*: Тюменская область опередила Москву! Более существенно изменились составляющие ИРЧП: частный индекс дохода вырос на 27 пунктов (с 0,703 до 0,730), а частные индексы долголетия и образования, напротив, снизились на 7-8 пунктов.

11 регионов переместились на относительно более высокие уровни ИРЧП (по приведенной выше типологии); в том числе Чукотский АО, при новом губернаторе – сразу на четыре уровня: с низкого на высокий (с 75-го места на 11-е!), за счет скачка доходов почти в три раза (с 3455 до 9770 долл. США); Магаданская область переместилась на два уровня: со среднего на высокий (с 48-го места на 8-е). Повысился уровень таких приграничных областей как Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская и Ленинградская. Одновременно понизился относительный уровень 15 регионов. Среди них приграничные республики Северная Осетия и Кабардино-Балкария, Краснодарский, Приморский и Хабаровский края, Астраханская и Ростовская области; территориально обособленная Калининградская область опустилась на низкий уровень (с 58-го на 70-е место). Ставропольский край опустился с уровня выше среднего на уровень ниже среднего (с 33-го места на 55-е).

Доминирующей тенденцией эволюции регионов в 2000-2002 годах стал заметный рост душевых доходов: он отмечен в 63-х регионах из 79, в то время как снизились доходы лишь в 9 регионах и в 7 регионах они остались почти без изменений. Это можно рассматривать как *новое эмпирическое подтверждение* тех выводов о динамике социального самочувствия населения России, которые мы сделали уже в конце 2002 г. по

результатам четвертого опроса в рамках мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (37) и которые поначалу некоторые коллеги оценили как слишком оптимистичные.

Это отнюдь не значит, что уменьшилась дифференциация между регионами. Напротив, сохранились и даже обостряются рекордные дистанции между регионами по ИРЧП; налицо широкий разброс этих дистанций на карте России; остается устойчивой тенденция периферийного, приграничного расположения регионов с низким ИРЧП; равно как и контрастность соседств регионов, особенно в Центральном и Поволжском федеральных округах. Все это свидетельствует о *разнородности социокультурного пространства России*.

Имеется немало трудных вопросов, по-разному воспринимаемых при взгляде снизу, из социокультурно различных регионов. Мы будем подходить к их пониманию через уяснение социальных функций российских регионов. Попытаемся осмыслить конфигурации соотношений различных функций между собою, параметры этих конфигураций и траектории их эволюции в современном российском обществе.

4.2. Разбалансированность социокультурных функций регионов

Напомним, что региону, как и обществу, свойственны четыре основные функции: жизнеобеспечение, интеграция, дифференциация, регулирование. Каждая из них может соотноситься с другими функциями того же региона в трех сочетаниях: взаимное соответствие (сбалансированность) функций; их несоответствие (дисбаланс); их контраст (разбалансированность). Эволюция конкретного региона означает и эволюцию соотношения его функций.

(1) Два цикла эволюции соотношения функций регионов

В общем, эта эволюция имеет циклический характер. Если мы возьмем за исходное некоторое соответствие функций региона, то со временем из него вырастает несоответствие, которое может перерасти в контраст. Возникшая разбалансированность означает острый конфликт, кризис, который получает то или иное разрешение, продвигает регион к новому соответствию его функций или к устойчивому, депрессивному несоответствию. Тоже циклическую структуру мы получим, если за исходное возьмем иное состояние региона - несоответствие или контраст его функций.

Однако конкретное содержание циклов может быть весьма различным, даже противоположным. Так, в одних случаях возникшее новое соответствие или несоответствие означает подъем и последующее его воспроизводство, т.е. развитие региона; следовательно, налицо *цикл развития*. В других случаях те же сочетания будут

означать деградацию и дальнейшее воспроизводство низкого уровня региона; соответственно, наблюдается *цикл стагнации*.

Оба цикла взаимосвязаны, могут превращаться один в другой. Процесс их взаимного превращения есть *кризис* эволюции региона как социальной общности. Его можно представить как синергетическую область бифуркаций, в которой реализуется та или иная возможность эволюции данной общности. Реализация возможностей зависит как от самого региона, его социальных акторов, так и от его среды – ближней (соседние регионы) и более широкой (общество, глобальное сообщество).

Взаимосвязь двух циклов эволюции социальных функций региона, в контексте трех вариантов их сочетаний, схематично представлена на рис.4. На нем сначала обозначен цикл стагнации, затем – область бифуркаций и цикл развития; это, на наш взгляд, соответствует реальной их последовательности во многих регионах. Вместе с тем, в достаточно развитых регионах возможна и обратная последовательность. Переход от одного состояния в другое возможен без кризиса или через кризис – это зависит от конкретной ситуации региона, а также от стратегии и тактики действий его органов управления.

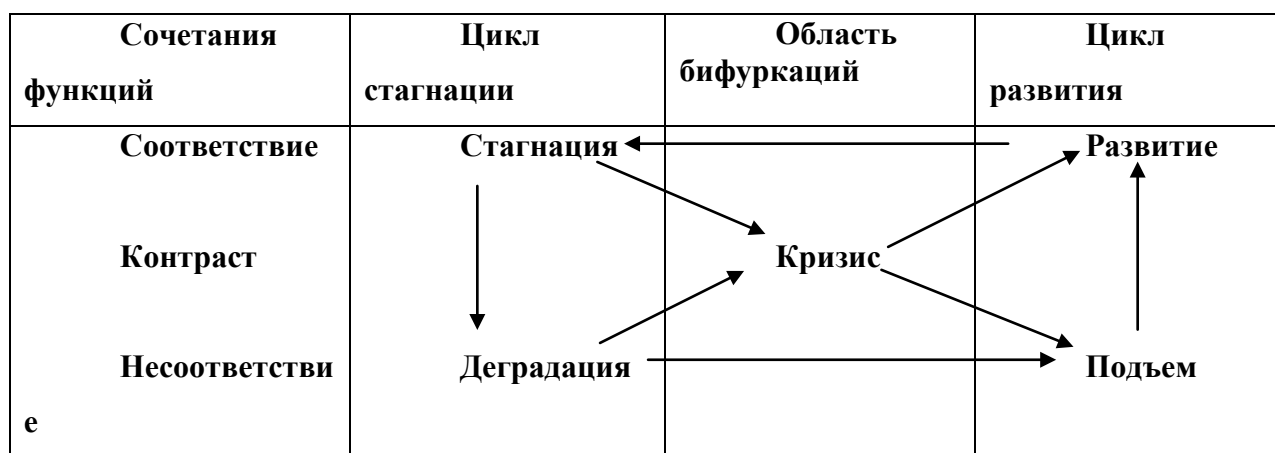

Рис. 4. Взаимосвязь двух циклов эволюции социальных функций регионов

Обрисованные циклы находятся в сложных соотношениях с уровнями развития регионов. Выделим три основных уровня их развития: низкий, высокий, средний.

Низкий уровень развития региона как социальной общности означает контрастное, разбалансированное удовлетворение потребностей индивидов, организаций и социальных групп, принадлежащих к данному региону, его неспособность удовлетворительно отвечать на вызовы внешнего мира; такое состояние можно рассматривать как свидетельство неэффективности властно-регулирующей функции данного региона, его институтов и органов управления, спонтанных процессов самоорганизации. При таком

состоянии региона функциональные несоответствия указывают на стадию деградации, а соответствия – на стагнацию основных процессов. Словом, соотношение функций такого региона, скорее, эволюционирует в рамках цикла стагнации. Вместе с тем, наличие контрастов в соотношении его социальных функций может означать такое углубление кризиса, которое позволяет заинтересованным субъектам изменить вектор его траектории в направлении цикла развития.

Высокий уровень развития региона чаще означает взаимное соответствие его функций, сбалансированное удовлетворение потребностей социальных акторов этого региона, его способность адекватно отвечать на вызовы внешнего мира; такое состояние свидетельствует о достаточной эффективности властно-регулирующей функции данного региона, его органов управления. В целом соотношение его функций эволюционирует в рамках цикла развития. Функциональные несоответствия сигнализируют о частичном дисбалансе его функций и возможности контрастов. Наличие контрастов служит предпосылкой потенциального кризиса и последующей деградации, смены траектории развития на цикл стагнации, к которой его могут толкнуть амбициозные, но недалекновидные социальные акторы.

Средний уровень развития региона оказывается принципиально амбивалентным в эволюции соотношения его социальных функций. Для него характерно несоответствие функций друг другу; оно указывает на существование дисбаланса, который чреват двумя возможностями: с одной стороны, кризисными контрастами с последующей деградацией, а с другой - посткризисным подъемом и дальнейшим развитием. Реализация той или иной возможности во многом зависит от действий органов управления и иных, в том числе спонтанных акторов – индивидов, социальных групп и организаций, массовых движений, обладающих сильными ресурсами.

Для большей конкретности анализа целесообразно выделить еще два уровня: *ниже среднего* и *выше среднего*. Они позволяют лучше учесть многообразие, высокую дифференциацию российских регионов, промежуточный характер многих из них между основными типами. Таким образом, разумно принять в качестве исходной 5-уровневую (3+2) типологию регионов.

Эти общие положения нуждаются в операционализации с помощью измеряемых показателей. Решение этой сложной задачи возможно различными способами. Ниже используется рассмотренный выше комплексный международный Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

(2) Конфигурация составляющих ИРЧП региона
как характеристика структуры его социокультурных функций

Напомним, что ИРЧП включает три составляющих: душевой доход; ожидаемая продолжительность жизни; образованность (доля учащихся среди возрастов 6-23 года).

Будем рассматривать соотношение этих составляющих как *характеристику структуры социокультурных функций региона, качества этой структуры*. Действительно, *доход* в сочетании с *долголетием* служат показателями функции жизнеобеспечения. Уровень доходов и их дифференциация характеризуют социальную стратификацию населения. *Образованность* демонстрирует характер духовной интегрированности населения региона. Правда, среди составляющих ИРЧП отсутствует параметр, непосредственно представляющий властно-регулирующую функцию; но нетрудно заметить, что ее социальное качество результируется во взаимном соответствии/ несоответствии, сбалансированности/ разбалансированности составляющих. *ИРЧП*.

Конкретизируем эту типологию: ранжируем индексы 79 субъектов РФ (2000 г.) по каждой из составляющих ИРЧП - доход, долголетие, образованность (см. таблицу в приложении 3, колонки 4-6).

Это позволяет определить структуру функций каждого региона: чем выше ранг той или иной составляющей по сравнению с двумя другими, тем выше приоритетность соответствующей функции. В итоге мы получили типологию регионов России по приоритетности их социокультурных функций (см. табл. 4).

Как видим, большинство типов регионов распределены среди всех пяти основных уровней ИРЧП. Впрочем, высший и высокий уровни больше сопряжены с приоритетностью доходов; уровень выше среднего – с тандемом «образованность и долголетие». Налицо и противоречивые сопряжения: уровень ниже среднего, подобно высокому, тяготеет к приоритету доходов, а низкий – к образованности.

Таблица 4.

Типология регионов России по приоритетности их социокультурных функций (2000 г.)

Т Типы регионов по уровням ИРЧП	Типы регионов по приоритетности их функций*						Всего регионов
	1 Доход, образов-ть, долголетие	2 Доод, долголетие, образов-ть	3 Образ-ть доход, Долгол.	4 Образ-ть, долголетие доход	5 Долголет., образов-ть, доход	6 Долголетие, доход, образов-ть	
I. Высший		2	1				3
Высокий	5	5	3		1	1	15
III. Выше среднего	3	3	1	4	4		15
IV. Средний	3	3	1	3	2	3	15
V. Ниже среднего	5	3	2	2	3		15
VI. Низкий	2	3	4	3	1	2	15
VII. Низший			1				1
Всего регионов	18	19	13	12	11	6	79

* Первой названа та составляющая ИРЧП, которая имеет наиболее высокий ранг по сравнению с другими составляющими данного типа регионов; далее названы составляющие в порядке убывания их рангов. В клеточках указано количество регионов данного типа.

Наконец, учтем качественные соответствия/контрасты функций регионов. Будем считать взаимно *соответствующими* такие составляющие ИРЧП одного региона, места которых в ранжированных рядах различаются не более чем на величину одного уровня различий между типами регионов - 15 пунктов; взаимно *несоответствующими* будем считать такие составляющие, места которых в различаются на величину от одного до двух уровней - от 16 до 30 пунктов; *контрастными* будем считать такие составляющие, места которых различаются на величину более чем два уровня - 31 пункт и больше. На основе этих правил получаем данные о соответствии/контрастности составляющих ИРЧП по каждому региону (см. таблицу в приложении 3, колонки 7-15).

Полученные конфигурации составляющих (функций регионов) разделяются на две категории: гомогенные и гетерогенные. *Гомогенными* мы называем такие конфигурации, в которых соотношения всех трех составляющих ИРЧП одного региона принадлежат одному типу: только соответствия между собой (16 регионов). *Гетерогенными* мы называем конфигурации, включающие контрасты и/или несоответствия составляющих ИРЧП одного региона (63 региона, все уровни регионов по ИРЧП).

В массиве гетерогенных конфигураций *соответствия* составляют около 38%, а доля *контрастов* и *несоответствий* на всех уровнях - около 55%. Это означает, что среди российских регионов широко распространена, диффузно разлита *разбалансированность* их социокультурных функций.

Чтобы определить функциональность различных конфигураций в отношении региона как целого, необходимо учесть *вектор изменения ИРЧП региона с 2000 по 2002 годы*: если это положительный вектор, то будем считать конфигурацию функций данного региона развивающей; если вектор отрицательный, то будем считать конфигурацию деградирующей; если ИРЧП почти не изменился, то такую конфигурацию можно считать инерционной, но чреватой стагнацией региона.

(3) Функционально гомогенные регионы

Соответствия всех трех параметров ИРЧП – доходов, долголетия и образования - характерны для 16 регионов; они находятся на всех уровнях ИРЧП, кроме низшего. Из них ровно половина регионов демонстрируют положительный вектор изменений ИРЧП в 2000-2002 гг., т.е. гомогенность их функций сопряжена с их ростом; следовательно, ее можно назвать *развивающей*.

Наблюдаются 8 таких регионов: Удмуртская республика (высокий уровень ИРЧП), республика Калмыкия и Нижегородская область (выше среднего), Рязанская область (средний уровень), Владимирская область (ниже среднего), Амурская, Брянская и Читинская области (низкий уровень).

Из всех 15 регионов низкого уровня ИРЧП только в названных трех регионах конфигурация их функций полностью сбалансирована, т.е. гомогенна, и именно они характеризуются позитивным вектором изменения ИРЧП на изучаемом промежутке времени. Это обеспечивается за счет того, что рост душевых доходов сопрягается с повышением индекса образования. Такая же связь наблюдается и в других регионах функционально гомогенной группы, кроме Нижегородской области, индекс образования не изменился. Следовательно, можно сделать предварительный вывод: для развития регионов, особенно ниже среднего уровня ИРЧП, недостаточно одного роста доходов – необходим одновременный рост индекса образования его жителей.

Напротив, там, где эта связь нарушается, где снижается индекс образования, там, несмотря на рост душевых доходов, развитие региона начинает тормозиться, возникают *риски стагнации*. Это демонстрируют все функционально гомогенные регионы с негативным вектором ИРЧП. Характерен случай Калининградской области: несмотря на существенный рост доходов (на 29 пунктов), снижение индекса образования (на 20 пунктов) в сочетании со снижением долголетия (на 23 пункта) опустило ИРЧП этого региона на 5 пунктов, а в сравнении с другими регионами весьма существенно - до низкого уровня (с 58-го места на 70-е).

В этом контексте привлекает внимание тот факт, что и лидеры регионального рейтинга – Москва, Татарстан, Башкортостан – также стали демонстрировать отсутствие роста и даже снижение индекса образования, что сопровождается снижением их индекса ИРЧП. Это тревожные звонки из недалекого будущего.

(4) Функционально гетерогенные регионы

Контрасты и их сочетания с соответствиями/несоответствиями наблюдаются в 45-х регионах, которые относятся ко всем уровням ИРЧП, кроме низшего. Рассмотрим основные их конфигурации в такой последовательности: контрасты доходов и образования, доходов и долголетия, образования и долголетия.

Контрастность всех составляющих ИРЧП демонстрировала в 2000 г. Карачаево-Черкесская республика: доход низкий (75-е место), долголетие высокое (3-е место), образование среднее (34-е место), общий уровень ИРЧП ниже среднего (55-е место). В 2002 г. зафиксирована небольшая позитивная динамика ИРЧП (на 8 пунктов) за счет роста доходов (на 39 пунктов) и долголетия (на 12 пунктов) при снижении индекса образования

(на 30 пунктов). Учитывая естественную ограниченность ресурса долголетия, в целом такую контрастность можно охарактеризовать как конфликтно-стагнирующую.

Контрасты доходов и образования наблюдались в 2000 г. в трети регионов страны (в 27 субъектах РФ). Начнем с наиболее значимого.

Контраст 1. Доходы низкие и ниже среднего, образование выше среднего и высокое – 12 регионов (семь республик и пять областей). Данный контраст демонстрирует занижение оплаты труда работников с высоким образованием. В его основании лежит упавший в 90-е годы спрос на многие технические и гуманитарные специальности, которые расширенно воспроизводились в советское время и требовали высокого образования. Он выражает несоответствие произвольно заниженных доходов высокому образованию работников, очевидное недоиспользование образовательного, шире - культурного потенциала населения многих регионов.

Понятно, что таких контрастов (именно контрастов, с интервалом между индексами более чем в 30 пунктов) нет в регионах с высшим и высоким уровнями ИРЧП. В регионах от среднего до низкого уровней ИРЧП такие контрасты были сопряжены в 2000-2002 гг. с негативной динамикой ИРЧП в республиках Адыгея, Кабардино-Балкария, Мордовия, Северная Осетия. Напротив, подобные контрасты сопровождались позитивной динамикой в Ивановской, Нижегородской, Новосибирской, Саратовской областях. Видимо, в одних регионах культура позволяет образовательному потенциалу населения выполнять роль активного фактора и оказывать давление на повышение уровня доходов, благодаря этому контраст приобретает развивающий, функциональный характер. Напротив, в других регионах возможности для реализации образовательного потенциала населения весьма ограничены, поэтому рассматриваемый контраст способствует стагнации данных регионов.

Контраст 2. Доходы высокие и выше среднего, образование ниже среднего и низкое – 9 регионов, в основном от высокого до среднего уровней ИРЧП. Это Архангельская, Вологодская, Магаданская, Мурманская, Сахалинская, Смоленская области, Краснодарский край, республики Коми и Саха-Якутия. Во многих случаях высокая оплата труда означает компенсацию за удаленность и суровые природные условия. Вместе с тем, в ряде случаев это псевдоконтраст, который на деле выражает нормальный для достаточно развитых стран уровень дохода работников с образованием ниже среднего. Динамика ИРЧП этих регионов в 2000-2002 гг. весьма противоречива.

Контрасты доходов и долголетия наблюдаются в 31 регионе.

Контраст 3. Доходы от высокого до среднего, долголетие ниже среднего и низкое - 11 регионов, от высокого до среднего уровней ИРЧП. Это преимущественно русские

края и области (Красноярский и Хабаровский края, Архангельская, Иркутская, Пермская, Самарская, Томская, Челябинская области и др.), а также республики Карелия и Саха-Якутия. Большинство этих регионов расположены в суровых климатических зонах страны, чем объясняются относительно высокие доходы их населения. В динамике ИРЧП этих регионов наблюдаются позитивные изменения или изменения отсутствуют, но не заметны негативные изменения.

Контраст 4. Доход ниже среднего и низкий, долголетие выше среднего и высокое – 13 регионов, от среднего до высокого уровней ИРЧП. Среди этих регионов республики Кавказа: Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия; в 2000-2002 гг. в этих регионах доход снизился, а долголетие населения повысилось. Напротив, в Ставропольском и Алтайском краях, Воронежской, Новосибирской, Омской, Пензенской областях, Чувашской республике, Чукотском автономном округе доходы выросли, подчас существенно, а долголетие уменьшилось. Природа данного контраста отчасти сопряжена с благоприятными климатическими условиями и жизненными традициями этносов Кавказа, но даже в этих случаях не может быть сведена к названным факторам. Она нуждается в изучении с помощью дополнительных показателей и индивидуализируется по каждому региону.

Контрасты долголетия и образования наблюдаются в 15 регионах, т.е. вдвое реже, чем контрасты доходов и долголетия.

Контраст 5. Долголетие высокое и выше среднего, образование от среднего до низкого – 6 регионов, от низкого до высокого уровней ИРЧП. Это такие приграничные регионы как Мурманская область и Ингушетия, Краснодарский и Ставропольский края, Алтайский край и Чукотский АО. Их климатические условия и этнические традиции весьма разные. Но динамика ИРЧП в 2000-2002 гг., как правило, негативная.

Контраст 6. Долголетие ниже среднего и низкое, образование высокое и выше среднего – 5 регионов, для которых также характерны уровни ИРЧП от низкого до высокого: Ивановская, Новгородская, Самарская, Хабаровская области и республика Алтай. Эти регионы находятся в различных геоклиматических условиях, одни из них развиваются, другие находятся в состоянии стагнации, некоторые нащупывают выход из нее.

Таким образом, более половины российских регионов характеризуются *контрастами* уровней осуществления основных социальных функций – духовно-интегрирующей, жизнеобеспечивающей, статусно-дифференцирующей. Это свидетельствует также о кризисе четвертой, властно-регулирующей функции данных регионов, которая не обеспечивает согласование основных социальных функций.

В таблице 5 представлено распределение структуры компонентов ИРЧП регионов: гомогенная и гетерогенно-контрастная структуры, с дифференциацией последней на подвиды; но не все регионы попали в эту типологию.

Таблица 5

Типология регионов по уровням ИРЧП и структуре их компонентов (2000 г.)

Типы соответствия → Уровни по ИРЧП	Гомогенные	Г е т е р о г е н н ы е - к о н т р а с т н ы е					
		Доходы – образов.		Доходы - долголетие			
		Дох.низ- обр.выс.	Дох.выс- обр.низ.	Дох.выс- долг.низ.	Дох.низ- долг.выс	олг. низ- ох.с ред	
1. Высший	2						
2. Высокий	3		5	4			
3. Выше среднего	4	5		4	5		
4. Средний		1	3	3	2		
5. Ниже среднего	3	6	1		3		
6. Низкий	3				3		
7. Низший							
Всего	15	12	9	11	13		

Как видим, гомогенное соотношение компонентов ИРЧП представлено на всех уровнях типологии ИРЧП, кроме среднего и низшего. Если последнее вполне понятно (низший уровень включает 1 регион – республику Тыву, где все компоненты ИРЧП находятся в соотношении несоответствия), то отсутствие гомогенности на среднем уровне неожиданно, требует дальнейшего анализа.

Более ожидаема на этом уровне относительная редкость контрастных соотношений функций регионов: 9 из возможных 15. Вместе с тем, контрастное соотношение наблюдается чаще нормы на смежных со средним уровнях ИРЧП: 19 и 18 из нормальных 15. Географическое расположение этих регионов и этнический состав их населения весьма разнообразны: исторический центр России, ее Север и Юг, Кавказ, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток. Функциональными контрастами охвачены все федеральные округа страны. 38 контрастных регионов – это края и области с преимущественно русским населением, еще 20 субъектов РФ – национальные республики, автономные округа, области. Так что не приходится говорить лишь о культурно-этнической обусловленности функционально контрастных регионов, хотя данный фактор необходимо внимательно анализировать.

Можно показать, что не только контрасты, но и *соответствия* или *несоответствия* базовых параметров в одних регионах функциональны, а в других – дисфункциональны. Например: доход и образование высокие, долголетие низкое и среднее – 5 регионов, относящихся к четырем уровням ИРЧП: Томская область (уровень ИРЧП выше среднего), Самарская область (средний уровень), Челябинская область и Хабаровский край (ниже среднего), Новгородская область (низкий уровень). Здесь налицо не частое для российских регионов соответствие высоких уровней дохода и образования населения. Его можно объяснить высоким производственным потенциалом и развитой социально-культурной инфраструктурой данных регионов. Причины низкого и среднего долголетия требуют анализа особенностей геоклиматических, производственных, культурно-бытовых условий каждого региона.

Общий вывод: *существует высокая разбалансированность социокультурных функций большинства российских регионов*. Она свидетельствует о различных состояниях, фазах социокультурной эволюции разных регионов, об асинхронности темпов эволюции разных функциональных структур (экономики, культуры, социальной структуры, управления) одних и тех же регионов. Это означает, что любая унифицированная политика федерального центра («выравнивание» уровней и т.п.) по отношению ко всем регионам будет малоэффективной или даст обратные результаты. Социокультурный облик каждого региона индивидуален, наблюдаются лишь своего рода кластеры территориально и социокультурно близких регионов. Их развитие требует индивидуализированного подхода, специализированной региональной политики. Она может родиться лишь внутри региона или регионального кластера, а успешно реализоваться – при корректирующей поддержке федерального центра. Иными словами, необходимо умелое сочетание общероссийской стратегии и региональной тактики.

5. Общее и особенное в этнорелигиозном пространстве России.

Знакомство с историей России позволяет предположить, что многие нынешние проблемы российских регионов имеют глубокие корни, которые уходят в различные пласты истории России и каждого региона, вновь проросли в условиях кризиса 90-х годов и продолжают оказывать свое влияние теперь, в условиях стабилизации. По-видимому, еще не завершилось формирование социокультурного пространства России как большого общества: часть жителей некоторых регионов ориентируется не на большой социум, подчас даже не на свой регион как его часть, а на более древние этнические и/или религиозные общности, сохранившиеся или возродившиеся в регионах.

Отсюда не следует негативная оценка такой ориентации самой по себе. Речь не

идет о желательности устранить естественные различия между регионами или нивелировать их особенности. Напротив, каждому региону как социокультурному сообществу людей присущи естественные особенности; соответственно, существуют желательные, даже необходимые различия между регионами. Такие особенности и различия должны сохраняться, более того – их желательно культивировать.

Вместе с тем, имеется немало негативных особенностей, различий, контрастов, которые желательно устранять, о чем пойдет речь ниже. Сейчас подчеркнем, что не в меньшей степени необходимо культивировать ценностные и иные интеграторы регионов как целостных сообществ и российского общества как такого целого, с которым хотели бы идентифицировать себя подавляющее большинство его граждан. Словом, речь идет о сложной, многослойной идентификации; разные ее слои не исключают, а дополняют друг друга. Недостаточная развитость такой идентификации, ее ограничение первичными общностями или ранними малыми обществами как раз и свидетельствует о незавершенности процесса формирования социокультурного пространства многих регионов и всей России как большого общества. Обратим внимание на несколько базовых проблем этого процесса.

Культурная разнородность регионов, дефицит интеграторов

К приведенным выше типологиям российских регионов и характеристикам их состояния следует добавить известный факт культурной их разнородности: наличие в них городских и сельских, индустриальных и аграрных, европейских и азиатских компонентов. Эти компоненты пришли в интенсивное движение и напряженные взаимоотношения под воздействием социетальной трансформации российского общества.

В регионе существуют не просто различные типы поселений (города, поселки, села, деревни), но различные типы территориальных общностей людей, живущих в этих поселениях. Важно показать различия и взаимодействия их субкультур и стилей жизни: городских и сельских, индустриальных и аграрных. Как они проявляют себя на территориях поселений, на их площадях и улицах, в общественных местах (включая базары, местные рынки) и в приватной жизни домохозяйств.

Фундаментальную особенность культурной разнородности многих российских регионов составляет исторически сложившееся сосуществование и взаимодействие компонентов европейской и азиатской культур.

- *Европейские компоненты:* христианство (преобладает православие, представлены также протестантизм и католицизм, христианские секты), гуманизм светской культуры, ориентация на рационализм в политике (конституционное

закрепление норм демократии), экономике, социальных отношениях.

- *Азиатские компоненты:* ислам (а также буддизм, язычество, восточные нетрадиционные религии), самодержавие (власть как вседозволенность), перераспределительность экономических отношений, укорененность родо-этнических общностей.

Базовым фактором культурной разнородности России и ее регионов является тип религии, а он сопряжен с этнической принадлежностью населения. Именно этнический состав регионов позволяет, хотя и с немалым упрощением*, представить региональную картину распределения европейских и азиатских компонентов в российском социокультурном пространстве. Воспользовавшись пересчетом абсолютных цифр в проценты в масштабе регионов, который выполнили А.В.Баранов и А.А.Вартумян,¹ и несколько видоизменив их методологию, мы выделили пять типов регионов по этнорелигиозному составу их населения (см. таблицу 6).

Тип I – подавляющее большинство регионов (58 из 89) с преобладанием (более 75%) русского и других этносов (украинцы, белорусы, армяне, немцы и др.), верующая часть которых, как правило, исповедует христианство. Тип II – 15 регионов с преимуществом (от 56 до 75%) тех же этносов, т.е. христиан. Тип III – 5 регионов с примерно паритетным соотношением христиан и мусульман, христиан и буддистов или язычников. Тип IV – 7 регионов с преимущественно (от 56 до 75%) мусульманскими или буддистскими этносами. Тип V – 4 региона с преобладанием (более 75%) мусульманских или буддистских этносов. Распределение всех 89 регионов РФ по этим пяти типам дано в приложении 4.

Таблица 6.

Типология регионов РФ и их число по этнорелигиозному составу их населения

Виды субъектов РФ	I. Преобладание христиан ** >75%	II. Преимущественно христиане** 56-75%	III. Паритет христиан, мусульман, язык: по 36-55%	IV. Преимущ. мусульмане или буддисты 56-75%	V. Преобл. мусульман или будд. >75%	Всего
Республики	2	7	3	4 + 1	3 + 1	21
Края	6					6
Области	46	3				49
Города ф.зн.	2					2
Автоном. Обл.	1					1
Автоном. округа	1	5	2	1 + 1		10
Всего	58	15	5	5 + 2	3 + 1	89
Федер. округа	5	2				7

Только в 13 регионах (10 областей, 1 край, 2 республики) более 95 % населения

* Упрощение связано с отсутствием надежных статистических данных о религиозности населения регионов.

** Точнее: среди верующих этого региона преобладают христиане.

относятся к одному этнорелигиозному типу; следовательно, эти регионы могут считаться моноэтническими и монорелигиозными. В остальных регионах сложились и взаимодействуют по два и более этнорелигиозных компонента. В том числе в большинстве краев и областей, среди населения которых преобладают русские (шире – славяне). Так, по переписи 2002 г., в Волгоградской области русские составляли почти 89% всего населения, а вместе с другими этносами (украинцами, белорусами, поляками, немцами), в которых среди верующих преобладают христианские конфессии, – свыше 93%; следовательно, население, верующая часть которого ориентирована на иную культуру (мусульманскую, буддистскую), составляло здесь около 7%. Вместе с тем, в четырех районах области концентрация этого населения превышала 16%, в двух из них достигала 33% и 46%. Из существующих в области 327 религиозных организаций и сооружений к христианским относились 264, а к другим религиям и вероисповеданиям – 65 (20 %).ⁱⁱ

Конечно, проблему нельзя упрощать, отождествляя ее компоненты с теми или иными этносами: ныне уже во многих этносах представлены разные религиозные, культурные компоненты. Но следы социокультурных ролей и статусов, сформировавшихся в исторически ранних общностях и малых обществах, живы в историческом сознании современных этносов, поселенческих и религиозных общностей. В конкретных исторических условиях, особенно кризисных, они могут определять поведение многих членов региональных сообществ. Поэтому следует выявлять конкретный исторический смысл подводных слоев этнокультурных айсбергов.

А главное: мало выявить различные культурные компоненты, необходимо уяснить, как они могут далее взаимодействовать, не ущемляя друг друга и способствуя благополучию всего населения региона. Как показывает исторический опыт, имеются два способа решения этой задачи. Во-первых, утверждение *толерантности* как ценности, означающей доверие носителей одной культуры к интеллектуальным и нравственным качествам людей иной культуры (европейской - к азиатской, азиатской - к европейской). Во-вторых, *выработка новых ценностных интеграторов* населения каждого региона: таких, которые не дискриминируют ценности какой-либо культуры, опираются на взаимную толерантность и представляют собой *региональные ценности* - общие для всего населения региона, а также *общероссийские ценности*. Это не обязательно новые ценности, они могут давно существовать, но без широкой культурной легитимации. Выявить их и найти способы их массовой легитимации, или предложить новые ценности, получающие такую легитимацию, - самая трудная, но и самая продуктивная задача.

6. Обобщающие выводы

Заключительный раздел Программы-перспективы должен содержать обобщающие оценки и выводы, которые следуют из проведенного ранее анализа. В этом разделе необходимо осуществить многоаспектную сборку-синтез полученных результатов, представить панорамную картину конкретного региона, субъекта РФ как территориального сообщества людей, его социокультурных преимуществ и проблем, тенденций и ориентиров его развития. Рискую повториться, перечислим важнейшие элементы желаемой панорамы. Их последовательность в Портрете может не совпадать с приведенной ниже.

- Обобщенная характеристика природных и социокультурных преимуществ данного региона, его реального статуса и престижа в глазах населения и элит соседних регионов, федеральных элит. Состояние и динамика здоровья, образования, жилищных условий населения; темпы реализации приоритетных национальных проектов в регионе, удовлетворенность массовых слоев населения их эффективностью.
- Социально-экономические достижения региона, базовые показатели. Качество, уровень жизни населения, характер их динамики; проблема бедности, направления ее решения. Социальное самочувствие населения региона, его динамика. Характер социальной мобильности и новой стратификации (устоялась ли она?), ее влияние на занятость, экономическую активность населения.
- Поселенческая структура региона. Социальные и культурные характеристики жителей городов и деревень региона, их субкультуры и стили жизни. Типы домохозяйств.
- Этно-религиозные и другие культурно-цивилизационные черты региона как сообщества людей, осваивающих определенную территорию и ее ресурсы. Культурный потенциал (капитал) населения, эффективность его использования для инновационного развития региона. Динамика индекса развития человеческого потенциала региона (с 1997 г.). Структура ценностей населения (соотношение традиционных, общечеловеческих, либеральных ценностей). Характер региональной идентичности, поведенческие типы личности (патерналистский – самостоятельный; инновационный – рутинный; иные), их распространенность.
- Стратегия деятельности органов государственной власти в регионе, эффективность ее осуществления, отношение населения к ее действиям. Динамика соотношения административно-командных и демократических методов управления. Состояние местного самоуправления, муниципального управления; их динамика. Наличие региональной концепции социальной защиты населения, ее реализуемость.

Степень управляемости региона: социальный протест, неправовые практики, преступность. Динамика электоральных предпочтений населения.

- Общая характеристика динамики региона (позитивная-негативная) в 1995-1999-2005 годах. Сбалансированность/разбалансированность его социокультурных функций. Главные факторы роста (преодоления депрессивности, развития), его способы: эволюционно-традиционный, качественно-инновационный и др. Задачи среднесрочного и краткосрочного характера.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Н.И.Латин*. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. М., 2005, № 2; *Н.И.Латин*. Общая социология. М., Высшая школа, 2006.

¹ *Турен А.* Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 7.

¹ *Парсонс Т.* Ценности, мотивы и системы действия//О структуре социального действия. М.,2000.С. 434.

¹ *Bertalanfy L.von.* Modern Theories of Development. N.Y., 1933. P. 9ff. // *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Отв. ред. А.Г.Здравомыслов. М., ССА, 1968. С. 86.

¹ *Мертон Р.* Там же. С. 146.

¹ *Брушлинский А.В., Поликаров В.А.* Мышление и общение. М., 1999.

¹ См.: *Кахаров А.Г.* Социология регионов. М., 1996; *А.А.Дрегалю, В.И.Ульяновский.* Регион: диагностика социального пространства региона. Архангельск, 1997; *И.П.Рязанцев.* Социально-экономические отношения «регион-центр»: теория, методология, анализ. М., МГУ, 1998; *О.В.Байдалова.* Развитие региона как социальной системы: социальные показатели и индикаторы. Волгоград, ВАГС, 2002; *Н.В.Зубаревич.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., УРСС, 2003; *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2004. Имеется немало публикаций по проблемам регионов в рамках таких дисциплин как государственное и муниципальное управление, экономическая география, региональная экономика; из новых публикаций назовем: *Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации.* Под ред. А.Г.Гранберга. М., Наука, 2004; *Стратегическое управление: регион, город, предприятие.* Под ред. Д.С.Львова, А.Г.Гранберга, А.П.Егоршина. М., Экономика, 2004.

¹ Специалисты различных дисциплин вкладывают свое содержание в термин «регион». Например: «Регион – территория в административных границах субъекта Российской Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления. Целостность региона означает рациональное использование природно-ресурсного потенциала региона, пропорциональное сочетание различных отраслей народного хозяйства, формирование устойчивых внутрирегиональных и межрегиональных производственных и технологических связей, наличие особого сообщества людей с определенными традициями, определенным образом жизни» // *И.В.Арженковский.* Введение в экономику региона. Часть 3. Региональное развитие и региональная политика. Учебное пособие. Н.Новгород, ВВАГС, 1999. С. 113 // Цит. по: *Стратегическое управление: регион, город, предприятие.* Под ред. Д.С.Львова, А.Г.Гранберга, А.П.Егоршина. М., Экономика, 2004. С. 130.

- ¹ В последнее время в теории местного самоуправления и социальной политики используется также понятие «местное сообщество», содержание которого сближается с *Gemeinschaft* Ф.Тённиса. См.: *В.А.Лапин. Местные сообщества и территории // Муниципальный мир, 1999, № 3; Л.В.Константинова. Социальная политика: концепции и реальность. Саратов, 2004. С. 177-185.*
- ¹ О четырех стратегических планах социологического исследования – формулятивном (разведывательном), описательном (дескриптивном), аналитико-экспериментальном и повторно-сравнительном – подробнее см.: *В.А.Ядов. Стратегия социологического исследования. М., Добросвет, 1998. С. 104 - 114.*
- ¹ См.: *Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?* М., Поматур, 2005. Эта книга родилась из интернет-проекта «Социальный атлас российских регионов» НИСП, руководитель проекта – д.г.н., директор региональной программы НИСП Н.В.Зубаревич. В книге представлены: факторы и тенденции социально-экономического развития регионов России; типы, рейтинги, интегральные оценки регионов; социальные портреты 22-х регионов страны. Разработчики социокультурных портретов регионов найдут немало полезного в данной книге.
- ¹ См.: *Россия федеративная: проблемы и перспективы.* Под общей ред. В.Н.Иванова. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2002. С. 14.
- ¹ *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1953.* Издание седьмое. М., Политиздат, 1953. Часть I, с. 472.
- ¹ *Лексин В.Н.* Мир человека и пространство власти // *Мир России. М., 2005, № 3.*
- ¹ *Мельников Ю.Ф.* Государственно-территориальное устройство // *Политическая энциклопедия. М., Мысль, 1999. Т. 1.*
- ¹ *Свердловская область.* Гл. ред. А.И.Татаркин // *ИЭ УрО РАН, НПО Экономика, 2003. С. 123-129.*
- ¹ *Волгоградская область.* Гл. ред. О.В.Иншаков // *Экономическая энциклопедия регионов России. М., Экономика, 2005. С. 109-115.*
- ¹ Об острой необходимости горизонтальных структур для развития гражданского общества в современной России см.: *А.А.Аузан. Общественный договор и гражданское общество // Мир России, 2005, № 3.*
- ¹ См.: *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // *Мир России, 2003, № 4. С. 136-150.*
- ¹ *Крыштановская О.В.* Современные концепции политической элиты и российская практика // *Мир России, 2004, № 4. С. 35-37.*
- ¹ Индекс развития человеческого потенциала // *Социальный атлас российских регионов.* Сайт НИСП: <http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index.shtml>.
- ¹ *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., УРСС, 2003. С. 64.
- ¹ Там же. С. 76-79.
- ¹ Там же, с. 102.
- ¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, с. 88-89 (табл. 6.5). Сайт НИСП: www.undp.ru.
- ¹ *Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?* Приложение, табл. 2. М., Поматур, 2005. С. 264-265.
- ¹ См.: *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // *Мир России, 2003, № 4.*
- ¹ См.: *Баранов А.В., Вартумян А.А.* Политическая регионалистика. Курс лекций. Выпуск 5. Приложение. М., изд-во МГСУ «Союз», 2005. С. 120-128.
- ¹ *Волгоградская область.* Гл. ред. О.В.Иншаков // *Экономическая энциклопедия регионов России. М., Экономика, 2005. С. 41-43.*

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ РЕГИОНА

Л.А.Беляева

Предварительные замечания

В дискуссиях по поводу изменений, которые произошли в российском обществе в последние 15 лет, большинство обществоведов солидарны в том, что внутренне общество изменилось в своих главных чертах – по политическому устройству, по системе экономических отношений, по взаимодействию граждан и государства, по жизненным стратегиям населения и его ценностным ориентациям. Одновременно есть основания говорить о том, что произошло углубление дифференциации социокультурного пространства Российской Федерации. Часть территорий, но их меньшинство, получили стимулы для своего развития за счет включения в международное разделение труда, став поставщиками природных ресурсов, или, как столица, за счет концентрации и притягивания финансовых, людских и инновационных ресурсов. Социально-экономические показатели этих территорий значительно превышают общероссийские. Но некоторые регионы и территории оказываются в состоянии «исключенности» из развития, деградируя в сторону социальной и культурной маргинальности. Происходит это вслед за длительным экономическим спадом, падением уровня жизни населения, миграцией наиболее активной и потенциально успешной части населения за пределы данной территории. Население не остается безразличным к этим процессам и на уровне самоидентификации противопоставляет свои слабые территории более успешным, прежде всего Москве, демонстрируя «социальную зависть», ущербность своего положения. Глубокие социальные контрасты между регионами оказывают пагубное влияние на самоидентификацию гражданами со своей страной через признание общности жизненных судеб, целей, интересов.

В связи с этим изучение уровня жизни и социального расслоения в регионе является непременным условием подготовки его Социокультурного портрета. Но из всего многообразия процессов, которые воздействуют на уровень жизни, для отражения в Портрете следует отобрать только те, которые удовлетворяют определенному критерию. Таким критерием, как мне кажется, должно служить его непосредственное воздействие на жизнедеятельность человека, социальной группы, населения региона как единого целого, на их интересы и взаимоотношения. Приоритетной функцией процесса должно быть влияние на распределение жизненных возможностей и качество жизни населения региона.

Может показаться, что всякая проблема имеет свойство оказывать влияние на эти объекты, но здесь необходимо ввести принцип достаточности и необходимости, чтобы не утонуть в море информации. Поэтому едва ли не самой сложной задачей при составлении социологического портрета региона станет оптимальный отбор показателей. Здесь надо действовать по принципу «оптимальной достаточности» и при этом соблюсти три условия, которые диктуются самой целью составления социокультурного Портрета региона по типовой методике.

Первое условие - сопоставимость показателей субъектов Федерации с ближайшими регионами-соседями, которые зачастую имеют сходные объективные условия деятельности; с федеральным округом, в котором расположен регион и со страной в целом.

Второе условие – динамичность социологического портрета. По многим проблемам есть возможность проследить динамику за довольно большие периоды времени. Желательно представить не только девяностые года и начало XXI века, но взять для сравнения 1985 г. Важно знать тренд развития региона за длительный период времени, охватывающий не только реформы и предыдущие этапы развития, и прокомментировать эти тенденции, если даже комментарии будут не очень приятны некоторым властью придерживающим: какова траектория развития региона, что он приобрел, а что потерял за годы трансформации, каковы тенденции последних лет, когда стали проявляться новые векторы во внутренней политике, достигнут ли некоторый уровень адаптированности населения региона к переменам и возникают ли позитивные тенденции социокультурного роста.

И последнее – *третье условие* для достижения оптимальной достаточности – возможность типологизации регионов по результатам составления их социокультурного Портрета. Это позволит на основе сравнения регионов ответить на два вопроса: первый - какое место занимает регион в округе и на общероссийском фоне по социокультурным параметрам; второй вопрос – главный - есть ли у региона социальные резервы развития, обладает ли его население инновационными ресурсами.

Типология регионов - довольно сложный этап анализа, и он требует разработки и использования комплексных индексов с учетом разнообразных ресурсов региона и их использования сейчас и в перспективе. Наш подход должен дать возможность сочетать объективные и субъективные показатели жизнедеятельности населения и построить именно социокультурный Портрет региона на основе сочетания официальной статистической информации и данных, полученных социологическими методами –

интервью по репрезентативной для региона выборке, фокус-групп, экспертных оценок и т.д.

При составлении социокультурного Портрета региона надо стремиться получить всестороннее представление о качестве жизни в регионе, это будет наиболее адекватное измерение условий жизнедеятельности и функционирования личности на конкретной территории. Качество жизни более широкое понятие, чем уровень жизни, оно включает в себя огромный спектр параметров. В международных сопоставлениях качество жизни объединяет следующие блоки показателей: доходы населения; бедность и неравенство; безработица и использование рабочей силы; динамика демографических процессов, образование и обучение; здоровье, продовольствие и питание; состояние жилища (населенных пунктов), инфраструктура, связь; ресурсы и состояние природной среды; культура, социальные связи, семейные ценности; политическая и социальная стабильность (безопасность); политические и гражданские институты (демократия и участие). Столь широкий спектр оценок качества жизни делает на современном этапе подобное исследование весьма затруднительным для России и трудоемким для нашего начинающегося проекта. Тем более, что многие аспекты качества жизни в переходный период уступают наиболее острым проблемам – недостатку материальных средств для полноценной жизни, массовой бедности, углубляющейся имущественной дифференциации.

Можно предположить, что, совершенствуясь со временем социологический портрет региона, мы будем приближаться к характеристике качества жизни в регионе, сочетая в этой характеристике статистические показатели с субъективными оценками населения и, что самое важное, раскрывая возможности или препятствия для развития человеческого потенциала в регионе, в том числе для инновационной деятельности и развития личности. Сегодня, в начале процесса отработки типовой методики в регионах, преждевременно говорить о том наборе показателей, которые оптимальным образом будут характеризовать качество жизни в регионе. Особенность нашего подхода заключена в сочетании статистических данных и данных опросов населения. Как они будут дополнять друг друга, выявится после того, как пройдет апробация методики в регионах.

В литературе в течение десятков лет активно обсуждается набор показателей, которые характеризуют качество жизни. Если обобщить разные подходы, то можно выделить, во-первых, **объективные** показатели, характеризующие качество природной среды, качество социальной среды. По каждому компоненту можно выделить позитивные и негативные индикаторы, которые в совокупности определяют качество жизни в отдельных регионах. Во-вторых, **субъективные** оценки существования самих людей. В

субъективных оценках в той или иной мере представлены психологические индикаторы - вплоть до измерения счастья, удовлетворенности жизнью по большому перечню жизненных проблем. В других типологиях преобладают показатели развития институциональной среды и экономических характеристик. Отличием большинства методик является огромный перечень показателей, которые необходимо агрегировать для целей сопоставления регионов. Это делает их применение технически довольно сложным. Примером такой методики является система показателей качества жизни, включающая следующие интегральные группы: финансово-экономическая, медико-биологическая, материальное благосостояние и духовное благосостояние. Общее число предложенных к использованию показателей равняется 72¹. Впрочем, есть попытки ограничиться небольшим набором показателей и составить на их основе комплексный индекс качества жизни. Например, Н.В. Зубаревич предложила кризисный индекс качества жизни, который включает 5 частных индексов, и полный индекс, рассчитываемый по 11 частным индексам¹. Интересные предложения по измерению качества жизни содержатся и в других публикациях последних лет¹.

Для оценок качества жизни в регионе существенно то, как сами жители определяют характер и обеспеченность тех или иных сторон своей собственной жизни, ее качество. Некоторые параметры таких измерений используют социологи в общероссийских опросах, в исследованиях по отдельным территориям. Но большим пробелом в изучении регионов России является отсутствие сравнимых социологических данных, характеризующих отношение жителей к широкому кругу параметров качества жизни своего региона. Только социологическими методами можно учесть связь качества жизни с жизненным циклом человека, ведь то, что важно и необходимо ребенку или молодому человеку, для человека средних лет или пожилого возраста может иметь меньшее значение, или быть совершенно безразличным. Поэтому при субъективных оценках качества жизни его индикаторы наполняются вполне конкретным содержанием удовлетворения потребностей возрастных, гендерных, профессиональных, имущественных и других групп. Таким образом, разработка объективных и субъективных показателей качества жизни и их соотнесение между собой является довольно сложной методологической и методической проблемой, достойной внимания междисциплинарных научных коллективов.

Качество жизни является обобщенной характеристикой развитости страны, региона. Оно, в свою очередь, в существенных чертах определяется уровнем жизни, который характеризует качество жизни со стороны его экономических параметров. Как показывают многочисленные социологические исследования, в переходный период для

населения на первое место вышла проблема обеспечения уровня жизни и поступления соответствующего дохода. Анализ структуры потребления (а это важнейшая характеристика качества жизни) групп людей с существенными различиями дохода, а также движимого и недвижимого имущества, показывает разное качество жизни этих людей.

Сложившаяся дифференциация уровня жизни требует, по возможности, оценить ее масштабы, обсудить ее положительные и отрицательные стороны, угрозы единству социокультурного пространства России. В этом контексте в данной статье будут рассмотрены: проблемы измерения уровня жизни; межрегиональные и внутрирегиональные различия уровней жизни населения, в том числе жилищных условий населения; распространение в регионах бедности; имущественная дифференциация и социальная стратификация.

Социально-пространственный (горизонтальный) подход к анализу проблем уровня жизни (региональный и поселенческий) в совокупности позволят в дальнейшем провести типологию регионов и поселений по уровню экономического развития и уровню жизни населения. Связь этих показателей дает возможность актуализировать проблему соотношения эффективности использования трудового потенциала и качества жизни населения на территории России.

1. Уровень жизни и социальное самочувствие населения

1.1. Проблемы измерения уровня жизни

Статистическая информация, характеризующая уровень жизни населения, обладает такими достоинствами, как повсеместный охват всей территории страны и единообразная методология и методика получения данных. При этом используется группа показателей, характеризующих разные аспекты уровня жизни: валовый внутренний продукт на душу населения, реальный размер денежных доходов населения, среднедушевые денежные доходы населения в месяц, величина прожиточного минимума, денежные расходы и сбережения населения, располагаемые ресурсы домашних хозяйств и другие; для характеристики степени социального расслоения в обществе используются: распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов, распределение общего объема денежных средств по 20-ти или 10-ти процентным группам населения, коэффициент фондов (соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими и 10 % населения с самыми низкими доходами), индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения; особое место занимают показатель, характеризующий уровень бедности, который рассматривается как уровень душевого дохода ниже величины прожиточного минимума. С этим уровнем соотносятся многие вышеназванные показатели и он, таким образом, составляет некий эталон для измерения уровня жизни. Эти и некоторые другие статистические показатели представлены в материалах Всероссийской переписи населения 2002 г., статистических сборниках «Регионы России», других официальных статистических изданиях. При всех имеющихся недостатках используемых показателей

(о некоторых из них будет сказано ниже), наличие единообразного методического подхода к оценке уровня жизни населения, сплошной и выборочный учет, осуществляемый органами статистики, позволяет сравнивать регионы и разные типы населенных пунктов страны по этим показателям.

Кроме того, в качестве показателей уровня жизни используются потребительские бюджеты, оценка покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения, удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума и выше минимального потребительского бюджета, дается оценка социально-экономической дифференциации и стратификации российского общества. С точки зрения социолога, имеющиеся статистические данные во многом отражают средние тенденции, за которыми не видно реального человека с его профессией, возрастом, полом, другими личностными характеристиками, наконец, его оценку своего уровня жизни. Оптимальным было бы дополнять статистику субъективными данными, но полученными не разрозненными способами, а по единой методике с применением репрезентативных региональных выборок. Существующие сейчас региональные социологические исследования не сопоставимы между собой именно из-за различий используемого инструментария.

Специалисты отмечают несколько существенных недостатков статистического учета доходов. Главные из них – укрытие реальных доходов, что характерно для стран с переходной экономикой, когда широко практикуется неформальная занятость и сокрытие прибыли для ухода от налогов (это становится возможным при высокой коррумпированности чиновников), а также неполный учет доходов от личного подсобного хозяйства и производства сельскохозяйственных продуктов на продажу. Некоторую корректировку последней проблемы вносит учет располагаемых ресурсов в выборочных обследованиях домохозяйств. Но при этом имеет место неполнота учета дохода в наиболее богатых домохозяйствах, которые уклоняются от участия в выборочных исследованиях.

Для оценки уровня жизни существенное значение имеет методология и методика определения величины прожиточного минимума (ВПМ), так называемой черты бедности. Методика расчета прожиточного минимума оказывается важным инструментом оценок бедности, а также используется в качестве социального норматива для расчетов минимального размера оплаты труда, стипендий, пособий, других социальных выплат, фиксируемых на федеральном уровне. ВПМ складывается из стоимостной оценки потребительской корзины и обязательных платежей и сборов. В его основе лежит минимальная потребительская корзина, рассчитываемая для основных социально-демографических групп населения (трудоспособных людей – мужчин и женщин, пенсионеров и детей). Состав потребительской корзины в России учитывает климатические условия проживания, уровень цен, другие факторы и поэтому районирован. В каждом федеральном округе имеются регионы с высоким и низким ВПМ (табл. 1).

Таблица 1

**Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения),
руб. в месяц, IV кв. 2002 г.**

	все население	в том числе по социально-демографическим группам		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
Российская Федерация	1893	2065	1432	1880
Центральный федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Тульская область	1496	1637	1198	1557
<i>Максимум:</i> г. Москва	2918	3325	2041	2735
Северо-Западный федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Псковская область	1571	1749	1170	1534
<i>Максимум:</i> Ненецкий автономный округ	3612	3926	2658	3552
Южный федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Республика Северная Осетия-Алания	1445	1576	1117	1431
<i>Максимум:</i> Астраханская область	1746	1897	1344	1691
Приволжский федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Республика Марий Эл	1562	1664	1149	1629
<i>Максимум:</i> Самарская область	1977	2162	1476	1942
Уральский федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Курганская область	1816	1980	1385	1838
<i>Максимум:</i> Ямало-Ненецкий автономный округ	3138	3242	2315	3036
Сибирский федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Алтайский край	1514	1649	1109	1527
<i>Максимум:</i> Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	3649	3795	2695	3600
Дальневосточный федеральный округ				
<i>Минимум:</i> Еврейская автономная область	2200	2387	1706	2136
<i>Максимум:</i> Чукотский автономный округ	5032	5282	3835	4965

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. М., 2004. С. 148 –149.

По своей экономической природе потребительская корзина должна состоять примерно на 50 % из продуктов питания. Сейчас же она составляет только 45 %¹. При этом бюджетные обследования домашних хозяйств показали, что калорийность питания в целом по населению не достигает рекомендуемого Всемирной Организацией Здравоохранения 2600 - 2800 ккал., а в первых пяти децильных группах ниже 2500 ккал. в сутки¹. Особенно ощущается недостаточность питания в городских малоимущих слоях, поскольку даже в целом по городскому населению энергетическая ценность питания

составляет только 2383 ккал. Сокращение в составе прожиточного минимума доли продуктов питания, по мнению В.Н. Бобкова, является ошибочным¹. Он отмечает, что для малоимущих слоев населения не своевременно принимать те пропорции в расходах на питание, которые сложились в развитых странах и в зажиточных слоях россиян (30-35 % от общесемейных расходов). Ведь даже в благополучных для России имущественных стратах – 6-м и 7-м децилях, фактическая доля расходов на питание составляет соответственно более 43 и 39,5 %.

Существенное расхождение структуры прожиточного минимума и структуры фактических расходов малоимущего населения имеет такое негативное социальное следствие как сокрытие статистикой фактического недоедания значительного числа жителей страны, не говоря уже о полноценности питания по белкам, жирам, углеводам и витаминам. Пролонгированные последствия такого положения будет ощущать на себе все общество и его важнейшие институты – армия, правоохранительные органы, образовательные учреждения, в конечном счете.

Если по новой методике расчета прожиточного минимума расходы на оплату услуг, в том числе жилищно-коммунального хозяйства, будут составлять фиксированный процент от ее стоимости, то ускоренный рост оплаты услуг ЖКХ будет вынуждать бедные слои, да и не только их, сокращать продовольственное потребление для погашения этих платежей. Особенно больно это ударит по городским бедным семьям. Подобное формирование прожиточного минимума принято в странах с умеренной инфляцией, а для России с неодинаковыми темпами роста цен в регионах и для групп товаров и услуг, оно социально вредно. Установленное в момент введения соотношение доли продуктов питания и других расходов будет нарушено в сторону уменьшения доли продуктов питания. Кроме того, сегодня идет изменение структуры расходов населения за счет роста оплаты образования и лечения, услуг связи и проч., и это также должно учитываться при формировании прожиточного минимума. Изменение методики расчета прожиточного минимума еще больше отразится на уменьшении фактического потребления продуктов питания, ухудшит его структуру, следовательно, отрицательно скажется на здоровье членов бедных семейств, особенно детей.

Важным источником статистических данных об уровне жизни населения является учет расходов. Доходы и расходы должны в принципе соответствовать друг другу. Но, в силу разных причин, статистические данные дают приблизительное представление о первых и о вторых.

Наиболее точный учет расходов населения осуществляется в выборочном обследовании бюджетов домашних хозяйств, которое проводят органы

государственной статистики по двухступенчатой выборке во всех регионах России. Но сравнение официальных данных 2002 г. о среднедушевых денежных доходах (3972 руб. в месяц) и о располагаемых ресурсах на одного члена домохозяйства (2806,2 руб. в месяц) показывает, что учитываемые ресурсы, которые, естественно не ограничиваются денежными доходами, ниже, чем денежные доходы населения. А это означает только то, что домохозяйства с наиболее высокими доходами не попадают в выборку, как они зачастую не обследуются и при всероссийских выборках в социологических исследованиях. Тем не менее, учет расходов по бюджетам домохозяйств обладает тем преимуществом, что позволяет сравнивать структуру и состав расходов домохозяйств разных социально-экономических категорий.

В сборниках статистических комитетов приводится информация о размере и структуре располагаемых ресурсов и расходов на конечное потребление, потреблении основных продуктов питания, их пищевой и энергетической ценности, наличии у населения предметов длительного пользования и распределении их по домохозяйствам различных социально-экономических категорий. Эти данные при соответствующей обработке могут дать представление об уровне жизни различных домохозяйств: с детьми до 16 лет, в городских и сельских поселениях, в домохозяйствах, состоящих из одного, двух, трех, четырех, а также пяти и более человек. Кроме того, есть возможность анализировать 10-ти и 20-ти процентные доходные группы при обсуждении проблем имущественной дифференциации населения. Данные о расходах и потреблении домашних хозяйств публикуются с 1998 г. и это дает возможность изучить динамику уровня жизни хозяйств различных социально-экономических категорий.

Измерение уровня жизни населения страны, региона имеет смысл только тогда, когда рассматривается не уровень жизни «среднего человека» (что применимо для сравнения различных стран, или, например, регионов между собой), а соответствующие показатели по различным территориям и типам населенных пунктов, в разрезе социальных слоев, профессиональных групп, возрастных и поколенческих когорт, гендерных групп и т.д. Опубликованные статистические показатели по регионам предоставляют эти возможности лишь отчасти, но за неимением других данных приходится довольствоваться имеющимися.

Социологические методы измерения уровня жизни также имеют свои ограничения, но их существенным преимуществом является то, что они фиксируют мнение самого населения о тех или иных сторонах своей жизни и отражают субъективное самочувствие и оценки уровня жизни даются респондентом в реальном контексте своей собственной жизни. Положительная сторона социологического

исследования заключена также в возможности анализировать данные по различным срезам: гендерным, возрастным, профессиональным, поселенческим и т.п. группам

Субъективные оценки населением своего материального положения показали, что в 2002 г. уровень жизни населения по сравнению с 1998 г. повысился, но это повышение не решило проблему существования в обществе бедных и нищих слоев населения. Динамика субъективных оценок уровня жизни в 1994 – 1998 – 2002 гг. представлена в табл. 2¹.

Таблица 2

Какое из приведенных высказываний лучше подходит для характеристики Вашего материального положения?

	1994	1998	2002	
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	6,9	24,2	15,2	«нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	31,0	29,0	24,3	«бедные»
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28,9	20,5	27,2	«необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22,4	14,4	22,0	«обеспеченные»
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	6,7	9,5	10,5	«зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	1,1	1,4	0,8	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3,0	1,0	-	

Представленная в табл. 2 дифференциация населения – это обобщенная характеристика состояния бедного общества, в котором около 2/3 может быть отнесено к нищим, бедным и необеспеченным. Но в разные периоды реформ численность тех или иных групп колебалась весьма существенно. Так, обращает на себя внимание, что в 1998 г. резко увеличилась доля лиц, ощущающих себя «нищими» - такими считала себя почти одна четверть населения. Раскалившаяся инфляция, обесценение денег сократили реальные доходы тех, кто ранее мог быть отнесен к «необеспеченным» и «обеспеченным» и сообщали пессимистические настроения респондентам. Но в 2002 г. - спустя 4 года - положение изменилось: почти на 14 % уменьшилось число остро нуждающихся, тех, которые на шкале занимают две верхние строчки. И все же около 40 % населения относили себя к двум самым бедным слоям населения. Доля «необеспеченных» и «обеспеченных» возросла на 14,3 %. Немного выросло также число зажиточных.

Свое ощущение большей материальной защищенности и обеспеченности респонденты проецировали в 2002 г. и на будущее (табл. 3). Беспрецедентно высокая за годы наблюдений доля опрошенных (22,5 %) высказала уверенность, что в будущем году они станут жить лучше. При этом численность тех, кто ожидает ухудшения своей жизни,

впервые за 12 лет исследований снизилась столь стремительно - в среднем в два раза по сравнению с прошлыми годами.

Таблица 3

Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002
Будем жить лучше	13,1	16,5	12,2	22,5
Ничего не изменится	22,9	36,6	31,0	38,3
Будем жить хуже	34,1	36,4	31,9	17,6
Не знаю, отказ от ответа	29,9	10,5	24,9	21,6

Насколько предопределяются субъективные показатели уровня жизни теми реальными доходами, которые получают респонденты? Как можно объяснить изменение численности доходных групп, определяемых на основе опроса – действуют ли понижающие стратегии адаптации или реально произошел перелом в уровне жизни части населения? Каков уровень дохода самых бедных слоев, средних и обеспеченных? Как соотносятся доходы разных социальных групп населения и их социальное самочувствие? Ответы на эти и другие вопросы нужно постараться получить, сопоставляя статистические данные и данные социологических исследований по конкретным регионам.

Сложившаяся дифференциация уровня жизни, отраженная в Портретах регионов, позволит обсудить ее масштабы, положительные и отрицательные стороны, оценить угрозы единству социокультурного пространства России.

1.2. Межрегиональные и внутрирегиональные различия уровней жизни

В последние 15 лет уровень жизни населения различных регионов кардинально изменился. Ушло в прошлое всеохватывающее регулирование, когда стоимость жизни была примерно одинакова во всех регионах страны, а коэффициенты денежных доходов компенсировали в основном тяжелые природно-климатические условия. Государство, по сути, устранилось от регулирования уровня жизни населения, и в результате под влиянием этого и других факторов произошла его регионализация.

Кроме того, существует проблема углубления внутрирегиональных социальных различий по нескольким направлениям: по возрасту, гендеру, социальным и профессиональным слоям, по внутрирегиональным территориям, по типам населенных пунктов, находящихся в регионе. Разные группы общества заплатили за реформы разную цену. В стране сформировался довольно большой слой людей с таким уровнем жизни, который можно охарактеризовать как застойная бедность. Нельзя недооценивать негативного влияния этого факта на жизненные шансы и ценностные ориентации обездоленных слоев населения, в том числе новых поколений, выходцев из этих слоев. Такое состояние социальной структуры стало уделом многих регионов, и не только окраинных и слабоосвоенных, но и в европейском центре России. Этот аспект дифференциации социокультурного пространства будет длительно воздействовать на

систему политических, социальных и психологических отношений общества в силу инерции социальных процессов.

На другом полюсе образовалась группа сверхбогатых людей, сделавшихся владельцами огромных состояний. Негативное влияние на моральное состояние общества оказывает показное потребление «новых русских», особенно тех, кому огромные состояния достались в результате передела государственной собственности, прежде всего природных ресурсов и предприятий монопольных отраслей экономики.

Для формирования социального самочувствия жителей региона, их самоидентификации важны не только показатели внутрирегиональной дифференциации, сравнения своей жизни с непосредственным окружением, но и более широкий социальный фон. При современных средствах массовой информации население сопоставляет свой уровень жизни и с теми, кто живет в регионе, и непосредственно рядом по соседству, а также и с жизнью в других регионах, в крупных городах и в столице. Во многих регионах с низким уровнем доходов у жителей возникает чувство неприязни к жителям столиц и крупных городов с чертами «роскошной жизни», «избытка» денег у населения. Для развивающихся экономик и стран в переходном периоде большая дифференциация доходов чревата социальной напряженностью и острым антагонизмом между бедными и богатыми. Он может не выливаться в массовые народные выступления, но психологическое и моральное состояние общества таково, что те, кто находятся в нижних и средних слоях, с большой неприязнью относятся к богатым, особенно к тем, кто получил богатство в результате передела государственной собственности. Такие настроения для некоторой части радикалов служат побуждением к активным противоправным действиям.

На фоне углубляющейся межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации уровня жизни населения стали развиваться сепаратистские настроения в местных элитах и транслироваться в массы. Часто эти настроения приобретали форму национализма и движения за суверенизацию регионов. Эта причина является не последней в череде других, остро поставивших в начале нового века вопрос о повышении уровня жизни населения страны и сокращении дистанций межрегиональных различий. Кроме того, что повышение уровня жизни обозначено как целевая функция внутренней политики, ее решение определяет и место России в мировом сообществе как страны, способной обеспечить определенное качество жизни своего населения.

В межрегиональных различиях уровня жизни населения, которые визуально видны каждому непредвзятому наблюдателю, существенное значение имеет уровень социально-экономической развитости регионов. Он может определяться на основе многих параметров: душевого валового регионального продукта (ВРП), отношения денежных

доходов к прожиточному минимуму, уровня бедности, общей безработицы, плотности населения, миграционного коэффициента, ожидаемой продолжительности жизни и т.д. Если эти показатели поместить в систему координат, характеризующую степень освоенности территорий, то получается довольно сложная классификация регионов. Именно такую классификацию предложила Н.В. Зубаревич¹. Сходная типология, но с акцентом на уровень жизни населения и эффективность использования экономического потенциала региона, была опубликована В.Н. Бобковым¹. Здесь были привлечены помимо уровня бедности такие показатели, как уровень экономического неравенства, покупательная способность населения и показатели средней и высокой обеспеченности. Для целей нашего анализа межрегиональных различий можно ограничиться двумя показателями: 1) отношение душевого валового продукта в регионе к среднему по Российской Федерации с учетом различий в стоимости жизни; 2) отношение денежных доходов домохозяйств к прожиточному минимуму. Количественные распределения регионов по этим показателям представлены в табл. 4.

Четыре уровня развитости регионов (регионы-лидеры, развитые, среднего развития и слаборазвитые) определяют существенные особенности уровня жизни населения. Лидеры находятся в большом отрыве от всех других регионов России. Напротив, регионы-аутсайдеры пребывают в глубоком отставании. Разрыв максимального и минимального среднедушевого ВРП составляет почти 18 раз, а средние денежные доходы различаются почти в 5 раз.

Обращает на себя внимание Центр России, где в староосвоенных регионах – Костромской, Тверской, Владимирской, Калужской, Ульяновской, Кировской, Псковской, Брянской, Тамбовской, Курской, Воронежской областях - среднедушевой ВРП составляет менее 65 % от среднего по России.

Соответственно, и уровень жизни в этих регионах низок при довольно высокой урбанизированности территорий. Уровень ВРП в трех регионах - Ямало-Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО и Ненецком АО - превосходил значения в регионах с наименьшим уровнем ВРП – в Ивановской области, Республике Тыва и Алтайском крае в 50 раз.

Межрегиональная дифференциация по этому показателю продолжает углубляться. В постсоветский период в России произошло падение уровня экономического развития большинства регионов, не связанных с добычей энергоресурсов. На тех же территориях, где было реализовано вступление России в мировые глобальные связи как поставщика сырья, а также в столице, где сосредоточена финансовая и деловая активность, показатели экономического развития

и, следовательно, уровня жизни населения заметно выше остальной России. Но таких территорий в России не так уж и много. Процесс межрегиональной экономической дифференциации, несмотря на несколько благоприятных в экономическом отношении последних лет, даже усугубляется¹. Структурная перестройка экономики и формирование предпосылок для экономического роста в регионах осуществляются очень медленно. Решение проблемы повышения уровня жизни только через перераспределение финансовых ресурсов между регионами не может дать оптимального эффекта, поскольку не мобилизуются внутренние резервы развития регионов, закрепляются тенденции всегда ждать помощи из Центра, не искореняется привычное иждивенчество. Для определения места конкретного региона по уровню развитости целесообразно использовать показатели среднедушевого ВРП в сравнении с другими регионами, с федеральным округом и страной в целом.

Довольно четкую картину межрегиональной дифференциации показывает распределение регионов по уровню среднедушевых денежных доходов в соотношении с прожиточным минимумом. Это важная обобщенная характеристика уровня жизни населения региона. В целом по стране соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума в 2002 г. составляло 245,8 %. На фоне всех регионов, даже нефтедобывающих, средний уровень денежных доходов в столице значительно выше, он превышает российский уровень в 2,7 раза, в 1,4 раза уровень Ямало-Ненецкого АО – второго по денежным доходам населения. Три региона с максимальными значениями: Москва – 557,1 %, Ямало-Ненецкий АО – 481,3 %, Ханты-Мансийский АО – 423,8 %. В столице значительная доля населения имеет доход, сопоставимый с доходом среднего класса развитых стран. В то же время в четырех регионах: Эвенкийском АО (77,6 %), Агинском Бурятском АО (91,8 %), республике Ингушетии (92,1%) и Коми-Пермяцкий АО (94,3 %) средний доход не дотягивал в 2003 г. до прожиточного минимума. Интересно, что если посмотреть соотношение не совокупного дохода, а официальной заработной платы и прожиточного минимума в регионах, то оказывается, что в Москве не самое высокое его значение. Столица уступает по этому показателю 14 регионам России, и не только газо-и нефтедобывающим, но и Томской, Иркутской, Вологодской областям, Краснодарскому краю и другим регионам. В большой мере это объясняется высокой долей скрытой зарплаты в столице и другими источниками доходов. Надо отметить, что за годы реформ структура источников дохода по регионам заметно дифференцировалась, хотя статистика не в полной мере отражает эти различия. Но тенденции просматриваются и на ограниченном статистическом материале. Для

характеристики конкретных регионов весьма важно привлечь как данные местной статистики, так и результаты социологических исследований.

Региональные особенности структуры денежных доходов населения

Уровень жизни населения определяется, прежде всего, денежными поступлениями в форме заработной платы, пенсий, стипендий, пособий. Определенную роль стали играть и другие денежные источники – предпринимательская деятельность, собственность (см. табл. 5)

Таблица 5

СОСТАВ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ (в процентах)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Денежные доходы - всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
доходы от предпринимательской деятельности	14,4	12,4	15,4	12,6	11,9	12,0
оплата труда ¹⁾	64,9	66,5	62,8	64,6	65,8	63,9
социальные выплаты	13,4	13,1	13,8	15,2	15,2	14,1
доходы от собственности	5,5	7,1	6,8	5,7	5,2	7,8
другие доходы	1,8	0,9	1,2	1,9	1,9	2,2

1) Включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 141.

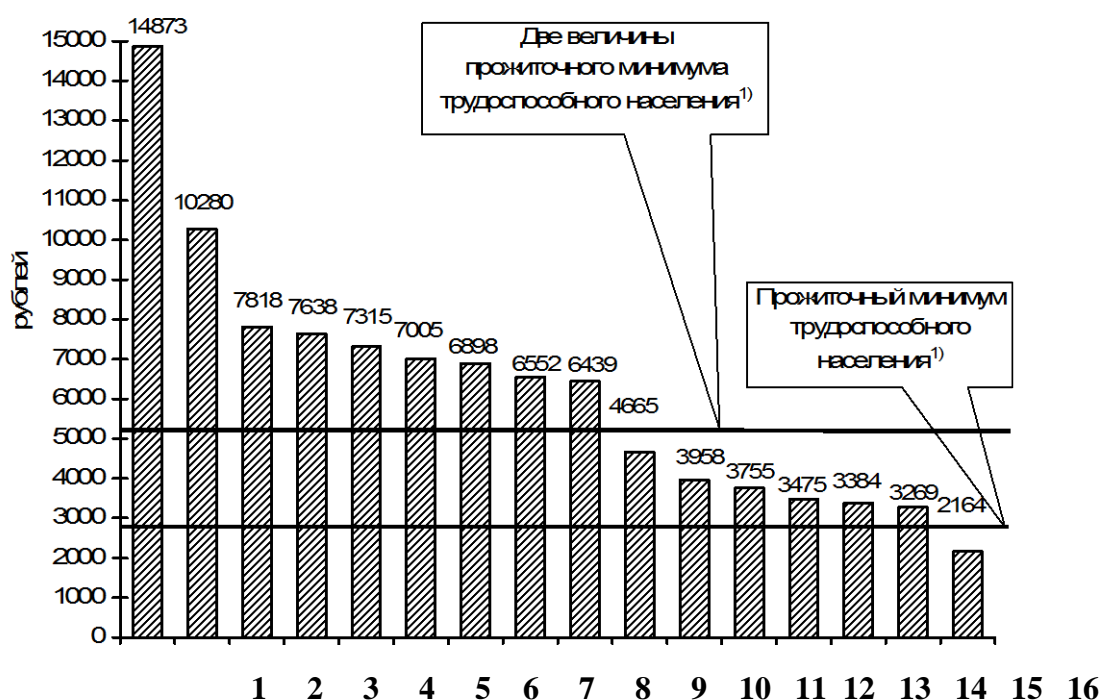
Для анализа уровня и структуры доходов населения конкретного региона весьма важно представлять, из каких источников они формируются, их объем, постараться оценить достоверность официальных статистических данных и, по возможности, скорректировать показатели.

Заработная плата. Реальная начисленная заработная плата в целом по России в 2000 – 2002 гг. росла более высокими темпами, чем доходы в целом и пенсии (только в 2000 г. рост пенсий обогнал заработную плату). В целом по России, по данным статистики, официальная оплата труда равнялась в 2002 г. 41 % денежных доходов населения, скрытая заработная плата составляла 24 %¹. По регионам уровень скрытой заработной платы можно, видимо, оценить по местным данным. В сборнике «Регионы России» эти данные включены в статью «другие доходы, включая скрытую заработную плату», и они по России в целом показаны в размере 26,6 %¹. Максимум был зафиксирован в Москве – 43,1 %, в Кабардино-Балкарии - 40,7 % и в Дагестане - 35,4 %¹. Как распределяются эти доходы по источникам, не совсем ясно.

Сопоставление заработной платы с прожиточным минимумом в регионе показывает существенные межрегиональные различия. Реальная начисленная заработная плата в целом по России в 2000 – 2002 гг. росла более высокими темпами, чем доходы в целом и пенсии (только в 2000 г. рост пенсий обгонял заработную плату). Но по регионам это соотношение было разным. В Портрете следует проследить динамику заработной платы и в соотношении с темпами изменения других видов доходов за последние годы. Здесь есть региональная специфика, которая сказывается на формировании уровня жизни населения. Также различается уровень заработной платы, если ее сопоставить с прожиточным минимумом в регионе. В целом по России превышение зарплаты над прожиточным минимумом составляло в IV кв. 2002 г. 243 %. Но в ряде отсталых регионов оно было менее 140 %, в Центре России подобный уровень зарплат демонстрировала и Ивановская область (145,2 %)¹.

Наибольшее влияние на уровень оплаты работающего населения оказывает тот набор отраслей хозяйства, которые развиты в регионе. Самые большие зарплаты в газовой (25646 руб.), нефтедобывающей (20077 руб.), топливной (15505 руб.) отраслях промышленности и в секторе финансов, кредита и страхования (14873 руб.). Оценка соотношения начисленной заработной платы в укрупненных отраслях экономики и величины прожиточного минимума приводится ниже на рис. 1¹

СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ НОМИНАЛЬНАЯ НАЧИСЛЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОТРАСЛЯМ ЭКОНОМИКИ И ВЕЛИЧИНА ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА в 2003 г.¹

Обозначения:

1. Финансы, кредит и страхование
2. Геология, разведка недр, геодезия и гидрометеослужба
3. Информационно-вычислительное обслуживание
4. Транспорт
5. Связь
6. Наука и научное обслуживание
7. Управление
8. Строительство
9. Промышленность
10. Жилищно-коммунальное хозяйство; непроизводственные виды бытового обслуживания населения
11. Оптовая и розничная торговля, общественное питание
12. здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение
13. Культура и искусство
14. Образование
15. Лесное хозяйство
16. Сельское хозяйство

Рис. 1

Как показывают данные, только в пяти отраслях – 1. финансы, кредит и страхование; 2. геология, разведка недр, геодезия и гидрометеослужба; 3. информационно-вычислительное обслуживание; 4. транспорт и 5. связь, заработная плата превышала прожиточный минимум более чем в три раза. В семи из шестнадцати групп отраслей уровень заработной платы не достигает величины двух прожиточных минимумов трудоспособного населения. Для наемных работников, имеющих детей, такое незначительное превышение порога бедности, учитывая сколь скудный состав материальных благ включает в себя прожиточный минимум, означает невозможность вести нормальный по современным представлениям образ жизни.

Следует отметить, что в 1990 – 2003 гг. резко выросла дифференциация в стоимости рабочей силы между отраслями промышленности и экономики. Значительно выше средней по стране был уровень оплаты труда в топливно-энергетических отраслях, цветной металлургии, на транспорте, в финансовых и кредитных учреждениях, тогда как в сельском хозяйстве, легкой промышленности, машиностроении, отраслях социальной сферы уровень заработной платы намного ниже средней. Если в 1990 г. в топливной промышленности наемный персонал получал содержание в виде заработной платы в 1,5 раза больше средней зарплаты по экономике, то в 2001 г. уже в 3,2 раза. В сельском хозяйстве в 1990 г. зарплата составляла 95 % от средней по экономике, а в 2001 г. - только 40 % . Оплата труда в так называемой бюджетной сфере устойчиво отстает от средней по экономике, а ее покупательная способность чрезвычайно низка. В 2001 г. она составляла 68 % от средней зарплаты по экономике, и только 49 % к 1990 г. с поправкой на индекс потребительских цен¹.

Рост оплаты труда в отраслях, и так находящихся в преимущественном положении, оказывает решающее влияние на концентрацию доходов от оплаты труда у высокодоходных групп, усугубляя и без того глубокое межотраслевое неравенство.

Другой фактор, влияющий на уровень жизни в регионе, - развитость в нем предприятий частного сектора. Социокультурный Портрет региона должен отражать, как воздействует занятость в частном секторе на доходы населения. Сейчас, по материалам статистики, в целом по экономике среднемесячная заработная плата на предприятиях государственного сектора выше, чем в частном секторе. Можно предположить, что здесь во всю силу проявляются тенденции сокрытия заработной платы от налоговых органов. Лишь в таких отраслях как связь, геология, разведка недр, образование, на частных предприятиях зарплата выше, чем в государственном секторе. А вот предприятия иностранной собственности более прозрачны – статистика показывает, что оплата их работников до 4 раз выше, чем в государственном и частном российском секторе¹. Самые низкие заплаты в муниципальном секторе. В Портрете целесообразно отразить действительную картину различий в оплате труда работников различных секторов в разрезе отраслей экономики, чтобы представлять, как это влияет на мотивацию перемещения работников между секторами. Эти данные целесообразно сопоставить с данными опроса населения по фактической занятости на предприятиях разных форм собственности и по высказанному желанию на них работать (**в. 24-25 Интервью**). Этот материал может стать предметом для размышления по поводу преимуществ государственной и частной формы собственности в различных отраслях экономики, базирующихся на территории региона.

Но даже статистика показывает, что по наличию высокооплачиваемых работников частный сектор опережает государственный и муниципальный. В последних секторах численность работников со среднемесячной зарплатой выше 5 тыс. руб. составляет 25,9 %, а в частном секторе 39,6 %¹.

Доходы от предпринимательства составляют по России около 12 %, при этом максимум этих доходов демонстрируют южные регионы: Ингушетия – 25,1 %, Северная Осетия-Алания – 24,3 % и Дагестан – 22,4 %¹. В Москве эти доходы составляют всего 11 %. Но вероятно, что официальная статистика не учитывает некоторый объем предпринимательских доходов, особенно в тех регионах, через которые проходят потоки потребительских товаров из-за рубежа.

Доходы от собственности в целом по стране составляют 7,8 %. В Москве, также как и в Санкт-Петербурге, они приближаются к 9 %, что выше, чем во всех регионах кроме Ханты-Мансийского АО, где они равны 10,7 %.

Два последних вида доходов – от собственности и от предпринимательства недостаточно полно учитываются и условно входят значительной частью в категорию «другие доходы». По расчетам А.Ю. Шевякова, эти доходы, а также доходы от продажи валюты и прочих источников составляют 48,3 % всех доходов населения. Именно эти источники вносят решающий вклад в поляризацию доходов и уровня жизни жителей России. При этом доходы от собственности и продажи валюты имеют самые большие индексы поляризации. Таким образом, происходит усиление дифференциации уровня жизни за счет доходов, не связанных с производственной деятельностью¹. Более подробно проблемы поляризации доходов из разных источников по имущественным группам населения целесообразно отразить в разделе 6 Портрета «Социальная стратификация и мобильность».

Социальные трансферты занимают значительное место в доходах населения – 14,1 %, при этом прослеживается зависимость объема этих доходов от развитости региона, возрастной структуры и наличия нетрудоспособного населения, в том числе пенсионеров (см. табл. 6). Максимальные социальные выплаты имеются в депрессивных регионах и в регионах с высокой долей пенсионеров. Основную часть (70 – 80 %) социальных выплат составляют пенсии, но в ряде регионов велика доля пособий и социальной помощи: в Корякском АО – 42,1 %, в Эвенкийском АО – 31,8 %. Анализ в Портрете данных о социальных трансфертах позволяет ставить проблему уровня социального потенциала региона, наличия в нем «слабых» и «сильных» социальных групп, и актуализировать вопрос о расширении возможностей населения в повышении дохода за счет собственной экономической активности.

Таблица 6

Максимальная и минимальная доля социальных выплат в структуре доходов населения регионов по федеральным округам. 2003 г.

(% от общего объема доходов)

Федеральные округа	Регион с наименьшим объемом социальных выплат	%	Регион с наибольшим объемом социальных выплат	%
Уральский ФО	Ямало-Ненецкий АО	6,1	Курганская обл.	19,4
Северо-Западный ФО	Г. Санкт-Петербург	16,5	Ленинградская обл.	20,6
Дальневосточный ФО	Чукотский АО	7,0	Амурская обл.	16,3
Центральный ФО	Г. Москва	10,4	Ивановская обл.	28,0
Приволжский ФО	Пермская обл.	11,7	Коми-Пермяцкий АО	27,3

Южный ФО	Астраханская обл.	13,6	Республика Калмыкия	23,7
Сибирский ФО	Эвенкийский АО	9,9	Усть-Ордынский Бурятский АО	31,2

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 157 -159.

Средний размер пенсии по России в конце 2003 г. только на 7,3 % превышал прожиточный минимум пенсионера¹. При этом по регионам размер пенсий в сравнении с прожиточным минимумом значительно колеблется: от 132,5 % в Орловской области до 54,7 % в Эвенкийском АО. В большинстве регионов Сибирского округа и во всех регионах Дальневосточного средний размер назначенных пенсий был ниже прожиточного минимума. Даже в Москве это соотношение равнялось 82,1 %. При увеличении стоимости жизни периодическое повышение пенсий не успевает поддерживать достигнутый уровень жизни пенсионеров. Особенно тревожная ситуация складывается в связи с ростом расходов на ЖКХ в 2006 г. Социокультурный Портрет региона мог бы выявлять состояние этой проблемы в регионе на основе анализа фактической стоимости услуг ЖКХ в соотнесении с уровнем пенсий, а также анализа отношения пенсионеров и других жителей к этой проблеме.

Вообще положение пенсионеров в регионе должно являться специально выделяемой проблемой в социокультурном Портрете. В той части Портрета, где будет анализироваться уровень жизни пенсионеров, важно показать, как изменялся в регионе реальный размер назначенных пенсий за последние годы. В целом по России, начиная с 2001 г., темп роста по отношению к предыдущему году уменьшался. В 2000 г. рост составил 128,0 %, в 2001 г. 121,4 %, в 2002 г. – 116,3 %, в 2003 г. – 104,3 %¹.

На конец 2003 г. в стране было 38,2 млн. пенсионеров, на каждую тысячу человек населения приходилось 268 пенсионеров. Для многих регионов, где велика численность лиц пенсионного возраста, а это, прежде всего, регионы Центрального округа (здесь 9 регионов с числом пенсионеров более 300 на каждую тысячу человек населения), стала острой проблема баланса возрастных групп и групп занятых и незанятых в экономике. В целом по России на одного пенсионера приходится 1,7 работающих (в 1995 г. 1,8), а в некоторых регионах значительно меньше¹. Нельзя не отметить, что это оказывает понижающее воздействие не только на средние доходы по региону, но и на социальную инфраструктуру поселений, на уровень услуг, качество и стиль жизни всего населения.

Соотношение пенсий со средней заработной платой в целом по стране составляло в 2003 г. только 29,8 %. Причем это соотношение за 1998 – 2003 гг. изменялось не в пользу пенсионеров. Рост пенсий отставал от роста зарплат (табл. 7).

Таблица 7

Соотношение среднего размера начисленной пенсии со средним размером начисленной заработной платы

	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Соотношение средней пенсии и средней зарплаты (%)	31,9	29,5	31,2	31,6	31,6	29,8

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 234.

В целом по России, начиная с 2001 г., реальный размер назначенных пенсий по отношению к предыдущему году уменьшался. В 2000 г. рост составил 128,0 %, в 2001 г. 121,4 %, в 2002 г. – 116,3 %, в 2003 г. – 104,3 %¹.

Невысокий размер пенсий является одной из причин того, что значительная доля - 18,5 % всех категорий пенсионеров, работают. В 2003 г. работали 20,5 % мужчин и 17,5 % женщин пенсионного возраста. Уровень занятости пенсионеров по регионам различается более чем в 7 раз. Две зоны повышенной занятости – Север и крупные города. В северных территориях работают 32 – 52 % пенсионеров, в Москве и Московской области – 26 – 31 % пенсионеров-мужчин и 20 – 25 % женщин¹. Больше всего работают пенсионеры-госслужащие – 25 %. Видимо, проблему трудовой занятости пенсионеров также следует отразить в Портрете, поскольку региональные различия и здесь могут быть весьма значительными

Думается, что численность работающих пенсионеров занижена, если учитывать неформальную занятость многих из них в мелкой торговле, в разовых приработках и т.д. А личное подсобное хозяйство является зачастую основным видом дохода для пенсионера в сельской местности. Вполне очевидно, что прожить на пенсию без дополнительного заработка практически невозможно.

Вообще наличие нескольких источников средств к существованию является характерной чертой жизнеобеспечения населения. Материалы Всероссийской переписи 2002 г. дают возможность проанализировать, какие из них имеют наибольшее

распространение в том или ином регионе, в разных возрастных и гендерных группах.

Данные в целом по России представлены в табл. 8.

Таблица 8

Население, указавшее два источника средств существования
(от общей численности населения, указавшего два источника, %)

	Городское и сельское население	В том числе	
		Городское население	Сельское население
Доход от трудовой деятельности и			
- личное подсобное хозяйство	19,7	13,3	27,3
- пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	9,0	14,9	2,0
- пособие (кроме пособия по безработице)	1,2	1,8	0,4
Личное подсобное хозяйство и			
- пенсия	13,1	12,5	19,2
- на иждивении отдельных лиц	3,7	2,1	5,7
- пособие по безработице	0,5	0,2	0,7
Пенсия (кроме пенсии по инвалидности) и			
- на иждивении отдельных лиц	1,8	2,4	1,2
- пособие (кроме пособия по безработице)	1,2	0,5	0,4
- сдачи внаем или в аренду имущества	0,1	0,1	0,1

Источники средств к существованию. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том.5. М., 200?. С. 824 – 825.

Один источник средств существования отметили 103,3 млн. человек, а у 40 млн. городских и сельских жителей имеются два источника доходов. Наряду с доходом от трудовой деятельности наиболее значим доход от личного подсобного хозяйства, пенсия, помощь отдельных лиц и пособие. Другие источники дохода, например, сбережения и доход от сдачи внаем или в аренду имущества, играют роль только для небольшой части населения (менее 0,1 %) и это косвенное свидетельство неразвитости элементов рыночной экономики и бедности населения, которое не располагает какими-то излишками собственности, значимыми для получения дополнительного дохода.

Регионы обладают значительной спецификой структуры располагаемых ресурсов населения, что связано с долей городского и сельского населения, наличием

источников денежных доходов в регионе, численным составом семей и другими причинами. В Портрете целесообразно возможно полно изучить и показать уровень, структуру и источники доходов населения, используя не только статистику, но и другие источники данных.

Статистика дает неполное представление о структуре и размере доходов населения, но даже по ее данным видно - в большинстве регионов структура доходов деформирована, лишена оптимальных пропорций, поскольку во многих регионах занижена доля оплаты труда, как вследствие низких уровней заработной платы, так и из-за безработицы. За 1990 – 2000 гг. падение доли оплаты труда в структуре доходов населения России составило 1,5 раза. Парадокс сформированной структуры доходов и уровня оплаты труда состоит в том, среди бедных семей высок удельный вес тех, которые возглавляются наемными работниками. В 2003 г. 58,2 % бедного населения составляли занятые в экономике. Поэтому важнейшим средством преодоление бедности является повышение заработной платы и пенсии. Осуществление жилищной реформы актуализирует эту проблему. Опасность инфляции, по мнению некоторых специалистов, в частности, руководителя Всероссийского центра уровня жизни В.Н. Бобкова, сильно преувеличена¹. Дело в том, современная российская экономика наследует сложившиеся в советский период воспроизводственные пропорции в экономике. Сейчас доля заработной платы в ВВП очень низка и составляет примерно 26 %, а норма прибыли, наоборот, очень высока – 30 %. Для сравнения, в экономике США эти макроэкономические пропорции следующие: доля официальной заработной платы – около 48 %, а норма прибыли – примерно 15 %. Для того, чтобы поднять реальную заработную плату, надо изменить вектор экономического развития – ускорить рост потребительского сектора и доли заработной платы в доходах населения.

Невысокий уровень оплаты труда негативно сказывается на мотивации трудовой деятельности населения. Страх нищеты и необеспеченности не самый эффективный стимул для качественной работы, особенно в сферах, где требуется квалифицированный труд, в социальных отраслях. Мотивация к производительному труду предполагает определенный уровень доходов, который никак не может приближаться к величине прожиточного минимума и не удовлетворять современных социальных потребностей работника и его семьи. Обесцененный труд снижает мотивацию работника к повышению качества продукции и услуг, не может выступать конкурентом на мировом рынке.

Располагаемые ресурсы, потребление домашних хозяйств и жилищные условия населения

В располагаемые ресурсы домохозяйства включаются денежные доходы населения, стоимость натуральных поступлений продуктов питания, стоимость предоставляемых в натуральном выражении льгот и прирост сбережений. В целом по России в 2003 г. из 100 % располагаемых ресурсов 87,8 % составляли денежные расходы, 6,3 % - стоимость натуральных поступлений продуктов питания, 1,8 % - стоимость предоставленных в натуральном выражении льгот, 4,1 % прирост сбережений. Заметные различия можно фиксировать в регионах по структуре располагаемых ресурсов между городскими и сельскими поселениями (**рис. ????**). Основное различие – в удельном весе денежных расходов (90,4 % в городе, 75,9 % на селе) и в натуральном поступлении продуктов питания (3,7 % в городе и 18,0 % на селе). Прочие ресурсы близки по количественным характеристикам.

**СТРУКТУРА РАСПОЛАГАЕМЫХ РЕСУРСОВ
ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ в 2003 г.**

Городская местность

Сельская местность

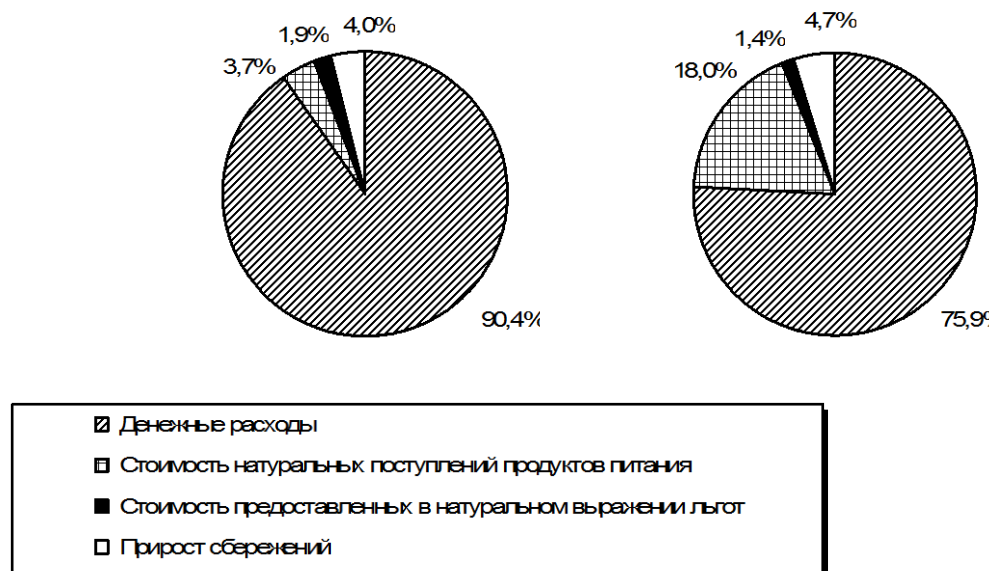

Рис. 2

Регионы обладают значительной спецификой структуры располагаемых ресурсов населения, что связано с долей городского и сельского населения, наличием источников денежных доходов в регионе, численным составом семей и другими причинами¹. Социокультурный Портрет должен отражать эту специфику, поскольку

это важно для характеристики уровня жизни и деятельностного потенциала населения и его использования в регионе.

Особенности регионов могут быть проанализированы и с точки зрения структуры расходов на конечное потребление домашних хозяйств. Данные по России в целом за 1990 – 2002 гг. представлены в табл. 9. За эти годы структура расходов населения значительно изменилась. Прежде всего, происходил неуклонный рост оплаты за услуги. Это связано с возрастанием затрат населения на платные услуги со стороны образовательных, лечебных, оздоровительных учреждений, а также рост затрат на услуги ЖКХ, связи, транспорта и т.д. Отмечается корреляция уровней расходов на продукты питания и на непродовольственные товары. С ростом расходов на первые снижались расходы на вторые, причем эти данные наглядно демонстрируют состояние экономики, инфляции и уровня благосостояния населения в отдельные годы этого периода. При изменении экономической ситуации население пересматривает структуру своих расходов. Так, со стабилизацией и ростом экономики в начале века стала уменьшаться доля расходов на питание и расти доля расходов на непродовольственные товары. Но по конкретным регионам эта общая тенденция имеет свою специфику, которая должна найти отражение в социокультурном Портрете региона.

Таблица 9

**СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; в процентах)**

	Покупка продуктов питания				Покупка непродовольственных товаров				Покупка алкогольных напитков				Оплата услуг			
	1990	1995	2001	2002	1990	1995	2001	2002	1990	1995	2001	2002	1990	1995	2001	2002
Российская Федерация	35,5	52,0	48,3	44,1	46,2	31,8	34,4	36,2	4,9	2,5	2,5	2,2	13,4	13,7	14,8	17,5

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С. 154.

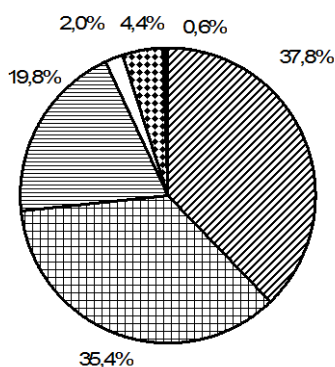
Структура потребительских расходов домохозяйств сильно зависит от типа и размера домохозяйства. Так, самый большой вес продуктов питания в одиноких домохозяйствах (53,5 %), в домохозяйствах с числом жителей 5 и более человек (48,9 %) и в домохозяйствах, где 3 и более человек детей (52,7 %). В целом же по России этот показатель равен 44,1 %. Эти домохозяйства в большей мере подвержены бедности, так как высокая доля расходов на питание – ее косвенный показатель.

Например, если сравнивать Россию с другими странами мира, то при всей разнице структуры конечного потребления видна явная тенденция – доля продуктов питания больше в странах среднего и низкого уровня развития, чем в богатых странах. Так, в 1999 г. доля продуктов питания, напитков и табака составляла в России 38,7 %, на Украине 45,4 %, в Латвии 31,3 %, в Литве 33,9 %, а в богатых европейских странах 12,5 – 14,5 %¹.

Эта закономерность подтверждается и данными о структуре расходов на конечное потребление в городской и сельской местности России (рис. 3).

*СТРУКТУРА РАСХОДОВ НА КОНЕЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ в 2003 г.*

Городская местность

Сельская местность

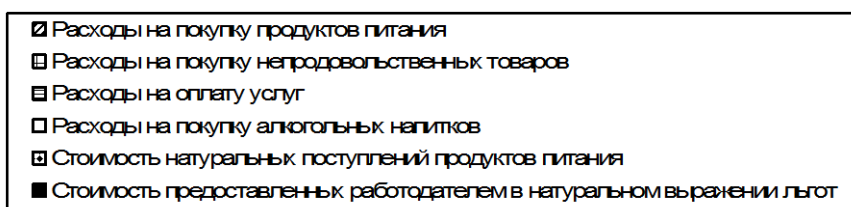
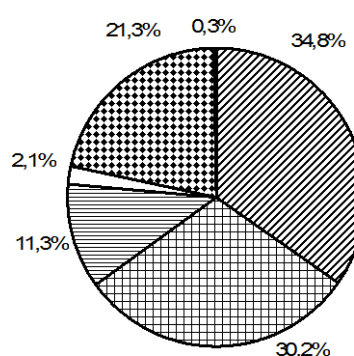

Рис. 3

Расходы на питание в городе составляют 42,2 % всех расходов, а в сельской местности, где ниже доходы жителей, 56,1 %. Расходы на непродовольственные товары различаются не так сильно, как расходы на оплату услуг. В переходных экономиках сфера услуг находится в неразвитом состоянии, а с другой стороны, уровень доходов населения таков, что едва удовлетворяет основные потребности в продуктах питания и непродовольственных товарах.

Регионы России демонстрируют значительные различия по структуре расходов на конечное потребление домохозяйств. Так, в ЦФО стоимость питания максимальна в Тульской области – 58,3 % всех расходов, в Москве этот показатель составляет 37,9 %. Еще больше контраст в ЮФО – в республике Ингушетии стоимость питания составляет 80,5 % всех расходов, а в Астраханской области только 42,8 %¹.

Уровень, да и качество жизни населения региона довольно выпукло характеризует потребление продуктов питания – их пищевая и энергетическая ценность. Помимо традиций в питании во всю силу сказывается и уровень дохода населения. Возможно полное представление структуры и динамики потребления продуктов питания населением поможет отразить в Портрете важные характеристики уровня жизни в сравнении с другими регионами и странами мира. Нельзя оставить без внимания и проблему уровня потребления в регионе продуктов питания, поставляющих белок: мяса, молока и молочных продуктов, рыбы и рыбопродуктов, а также энергетическую составляющую питания. Сейчас заметны значительные различия регионов по этим показателям, а в среднем по России потребление этих продуктов далеко от рационального. Так, слишком велика доля жиров в поставке в организм энергии, низкое потребление ягод и фруктов, нехватка полноценных белков. Даже в высокодоходных группах, не говоря о низкодоходных, велик объем потребления хлеба и картофеля. Свое влияние оказывают и сложившиеся традиции питания.

Принято считать, что население России в целом живет небогато. Это действительно так, но состав накопленного имущества (нередко с большими сроками использования) и возможности для некоторых категорий населения обновлять его, позволяет говорить, что обеспеченность непродовольственными товарами длительного пользования в стране улучшается, хотя и отстает от развитых стран мира¹. При этом городские домохозяйства на 5 – 20 % лучше обеспечены наиболее распространенными товарами: радиоприемниками, телевизорами, холодильниками, стиральными машинами, электропылесосами. Но и в городе и в селе эти товары распространены в абсолютном большинстве семей. Другое дело те предметы, которые появились сравнительно недавно - музыкальные центры, компьютеры, видеокамеры. Здесь различия велики не только между регионами, но и между городом и селом, а также между категориями домохозяйств. Например, в семьях с детьми до 16 лет при наличии одного ребенка на 100 домохозяйств в городе имеется 21 компьютер, двух детей – 22, трех детей – 13. В сельских поселениях соответственно 7,6 и 1 компьютер на 100 домохозяйств. Не нужно говорить, насколько отсутствие компьютера ограничивает возможности для развития детей в многодетных семьях.

Интересным индикатором дифференциации уровня жизни является наличие в домохозяйствах личных автомобилей. Фактор автомобилизации населения регионов является косвенным свидетельством повышения уровня жизни населения при одновременной его дифференциации. За 13 лет – с 1990 по 2002 гг. наличие

автомобилей в личной собственности увеличилось в России в 2,5 раза¹, при этом каждый пятый автомобиль - иностранного производства. Самое большое увеличение парка машин произошло в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО - в 4,1 раза, в Москве и в г. Калининградской области – в 3,6 раза. При этом Москва опережает все регионы по числу машин на 1000 человек населения - 256,2. Примечательно, что в и регионах с низким уровнем развития рост парка личных автомобилей близок к среднему по России, исключение составляет только Южный Федеральный округ. Даже в проблемной Ивановской области за 13 лет произошло увеличение числа автомобилей в 2,25 раза, хотя машин на 1000 человек значительно меньше, чем по России в целом (90,4).

В Южном Федеральном округе низкие темпы роста парка автомобилей демонстрируют все республики, кроме Северной Осетии-Алании, но края и области этого округа находятся на среднем для России уровне. Очевидно, что в республиках сдерживает рост парка машин неспокойная криминальная обстановка.

В 2003 г. по России в целом на 100 домохозяйств приходился 31 легковой автомобиль. В 23-х регионах, как правило, с низкими доходами населения, менее 20 машин. При этом нельзя сказать, что оказывает влияние проживание в городской или сельской местности, большее значение имеет разный состав домохозяйств (см. табл. 10).

Таблица 10

*НАЛИЧИЕ ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ
В ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВАХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ в 2003 г.
(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств;
на 100 домохозяйств; штук)*

Домашние хозяйства в городской местности Все домашние хозяйства	30	Домашние хозяйства в сельской Местности Все домашние хозяйства	31
Домашние хозяйства, состоящие из:		Домашние хозяйства, состоящие из:	
1 человека	5	1 человека	3
2 человек	23	2 человек	29
3 человек	39	3 человек	39
4 человек	45	4 человек	48
5 человек	42	5 человек	43
Домашние хозяйства, имеющие		Домашние хозяйства, имеющие	

детей в возрасте до 16 лет:		детей в возрасте до 16 лет:	
1 ребенка	37	1 ребенка	41
2 детей	40	2 детей	41
3 и более детей	33	3 и более детей	34

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С.279.

В одиноких домохозяйствах число автомобилей незначительно, во всех других типах домохозяйств оно составляет от 23 до 48 машин на 100 домохозяйств. Причем наличие одного-двух детей не уменьшает число автомобилей, только при трех и более детях число автомобилей уменьшается до 33-34 на 100 домохозяйств. Для сельских жителей личный автомобиль стал необходимым транспортным средством. Реально он нужен сельской семье больше, чем компьютер (при сопоставимой стоимости подержанного автомобиля и компьютера), поскольку обеспечивает поступление в семью дохода.

При составлении социокультурного Портрета региона данные официальной статистики целесообразно сопоставить с данными опроса населения, обратив внимание на такие аспекты: материальное положение семьи в зависимости от наличия детей, а также типа населенного пункта, где проживает респондент.

Приемлемое качество жизни населения нельзя обеспечить без определенного уровня комфорта, обеспечиваемого благоустроенным жильем, развитой инфраструктурой, экологической безопасностью проживания в населенном пункте. За прошедший после 1990 г. период жилищный фонд в России увеличился на 16 %, при этом площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя в среднем по России выросла почти на 4 метра, и сейчас на одного человека приходится 20 кв. м. Кроме роста жилого фонда на среднюю обеспеченность жильем оказало влияние сокращение численности населения России.

Максимальный размер жилой площади на человека был в республике Северная Осетия–Алания – 25,9 м, в Эвенкийском АО – 25,7 м и Новгородской области – 23,0 м. Минимальной жилой площадью на одного человека располагали: республика Ингушетия – 6,4 м, республика Тыва – 12,4 м, Агинский Бурятский АО – 13,1 м. Эти регионы отстают в своем развитии и находятся в состоянии кризиса. И в некоторых быстро развивающихся, но слабо освоенных регионах обеспеченность жильем намного ниже средней по России, например, в Ханты-Мансийском АО приходится на человека 16,7 кв.м. В целом по России быстро снижается доля тех, кто в наименьшей степени обеспечен жильем (домохозяйства, занимающие только одну комнату, проживающие в общежитиях и в коммунальных квартирах), при стабильной доле тех домохозяйств,

которые занимают две комнаты. И довольно сильно увеличивается число домохозяйств, занимающих три и более комнат. В 2003 г. таких домохозяйств было 43,3 % в целом по России.

Распределение домохозяйств по площади, приходящейся на одного жителя по России в целом, представлено в табл. 11. На площади от 13 до 25 кв. м. на человека проживает почти половина жителей, и эта цифра стабильна для 1998 – 2003 гг. С начала 2000-х годов растет число домохозяйств с высокой обеспеченностью жилой площадью – свыше 30 кв. м на человека. В 2003 г. уже 23 % домохозяйств проживали на такой площади. Но исторически сложившаяся теснота и скученность проживания преодолеваются пока только на уровне квадратных метров, среднее число жильцов на 1 комнату остается с 1998 г. неизменным – 1,3 человека в городской и 1,1 человек в сельской местности.

Таблица 11

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ ПО ПЛОЩАДИ ЖИЛИЩ,
ПРИХОДЯЩЕЙСЯ В СРЕДНЕМ НА ОДНОГО ЖИТЕЛЯ**

(по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств;
на конец года; в процентах)

	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Распределение домашних хозяйств по площади жилищ, приходящейся в среднем на проживающего, м ² :						
до 9,0	5,8	5,6	5,5	5,7	5,6	5,4
от 9,1 до 11,0	7,8	7,9	7,5	7,6	7,2	7,8
от 11,1 до 13,0	10,0	9,7	9,4	9,5	9,1	9,0
от 13,1 до 15,0	11,7	11,2	11,3	11,7	11,6	11,7
от 15,1 до 20,0	21,7	21,3	22,0	21,3	20,6	20,0
от 20,1 до 25,0	14,5	15,2	15,4	14,1	15,3	15,4
от 25,1 до 30,0	9,1	8,9	8,9	9,3	9,4	8,7
от 30,1 и более	19,4	20,2	20,0	20,8	11,2	23,0
Среднее число жильцов на 1 комнату – всего, человек	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2
в том числе:						
в городской местности	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3
в сельской местности	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1	1,1

В целом по России жилой фонд благоустроен явно недостаточно, а в ряде регионов заметно сильное отставание от российского уровня (табл. 12). В 1995 – 2003 гг. в среднем за год благоустраивалось только 1-3 % площади. Если такие темпы

сохранятся, то решение проблемы растянется на несколько десятилетий. В некоторых округах и регионах острота этой проблемы особенно выражена.

Наибольшее негативное влияние на качество жизни оказывает отсутствие в жилищах водопровода и канализации. В городах этих удобств нет соответственно на 14 % и 16 % площади жилищного фонда. В сельских пунктах соответственно - на 61 % и 70 % площади.

Таблица 12

БЛАГОУСТРОЙСТВО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА в 2002 г.
(в процентах)

	Удельный вес площади, оборудованной						
	водопроводом	Канализацией	центральным отоплением	ваннами (душам и)	газом	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
Российская Федерация	74,2	70,0	75,0	64,4	70,2	61,0	16,5
Центральный федеральный округ	77,7	75,3	80,8	70,6	77,6	66,8	14,7
Северо-Западный федеральный округ	79,2	77,3	77,7	71,7	70,3	70,4	16,8
Южный федеральный округ	69,7	62,9	62,6	55,4	84,6	51,9	2,3
Приволжский федеральный округ	72,6	66,2	76,5	59,9	85,6	57,2	5,7
Уральский федеральный округ	77,6	74,9	78,3	69,8	60,2	66,3	24,8
Сибирский федеральный округ	68,3	62,8	68,3	57,2	35,0	54,5	41,2
Дальневосточный федеральный округ	72,8	71,4	76,2	67,8	29,6	58,3	34,3

За средними цифрами кроются специфические для каждого населенного пункта проблемы. И это не только обеспеченность жильем, но и состояние жилого фонда: его благоустройство, сохранность жилищ (доля ветхих и аварийных площадей), размер очереди на получение жилья и скорость получения квартир очередниками, возможности приобретения квартир в собственность граждан, состояние рынка жилья, темпы жилищного строительства, развитость кредитования, в том числе ипотечного, и прочие проблемы, которые оказывают существенное влияние на жилищные условия населения. Отражение этих проблем в социокультурном портрете является необходимой стороной характеристики уровня жизни населения и может быть осуществлено с использованием данных из центральных и местных статистических

сборников, ведомственной статистики, а также данных опроса населения (**например, в. 65 анкеты**).

Следует обратить внимание в Портрете и на структуру жилищного фонда региона по формам собственности. Тенденция последнего десятилетия – увеличение доли жилья в собственности граждан, в собственности юридических лиц и муниципалитетов. Соответственно сокращается владение жилой площадью государственными предприятиями (в 6 раз по сравнению с 1990 г. по России в целом). При этом существует значительная специфика регионов по соотношению разных форм собственности на жилье¹. Самая большая доля частного сектора в 2003 г. была в Южном федеральном округе – 85,8 %, самая низкая – в Дальневосточном округе – 59,6 %. Увеличение доли частной собственности обуславливается не только процессом приватизации жилья, долей сельского населения, где традиционно большая часть жилья была частной, но и ростом доходов некоторой части населения, которая строит жилье за счет собственных средств. Из 427 тыс. квартир, построенных в 2003 г., одна четверть была построена за счет средств населения. При этом средний размер построенных таким образом квартир был значительно выше остальных и составлял в среднем 132 кв. м. Характерно, что в течение 1998 – 2003 г. ежегодно по стране строится примерно одинаковое число квартир за счет финансирования населением: 104 - 115 тыс. Такая стабильность позволяет говорить о постепенном расширении слоя зажиточных людей, которые могут позволить себе большие квартиры. Но толщина этого слоя весьма незначительна и расширяется он примерно на 0,2 % в год. Очевидно, что по регионам эта картина будет существенно различаться.

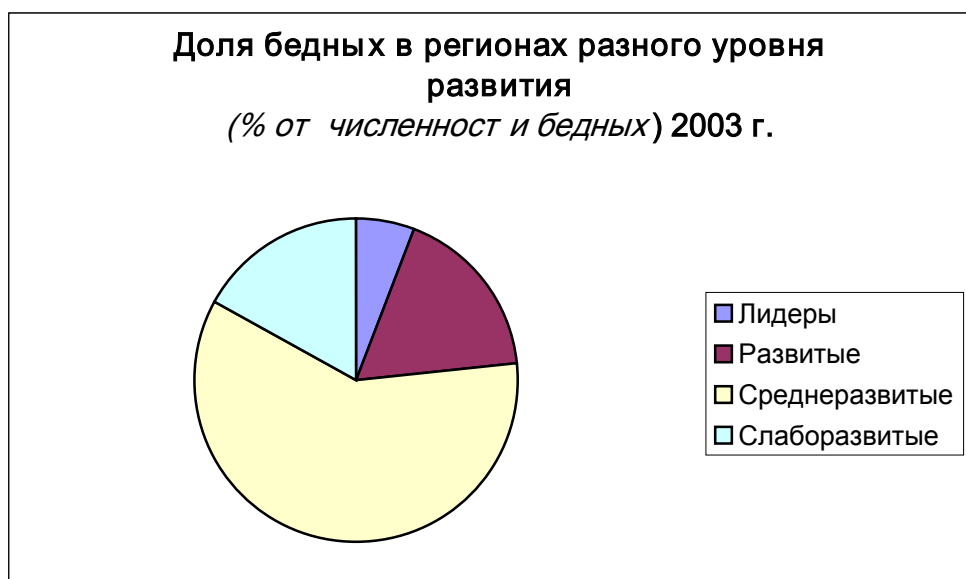
Дополнить сюжет о жилищной обеспеченности населения региона могут данные и другого характера. Известно, что широко распространено наличие второго жилья горожан - дач, загородных домов, садовых домиков и проч. В целом по России 20 % домохозяйств, кроме постоянного места жительства, имеют такое жилье¹. Распределение этого жилья по социально-экономическим категориям населения дополнило бы картину жилищной обеспеченности в регионе.

Бедность в регионах России

Ярким индикатором глубины межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации уровня жизни населения является наличие бедных - тех, которые по официальным статистическим данным имеют доход ниже величины прожиточного минимума (ПМ), а, по сути, находятся за чертой бедности. В 2003 г. денежный доход 20,6 % жителей страны был ниже величины ПМ¹, а с учетом располагаемых ресурсов

домашних хозяйств уровень бедности составил в 2003 г. 16,9 %. Таким образом, в тех регионах и особенно в сельской местности, где больше доля ресурсов, поступающих от личного подсобного хозяйства, расчетный уровень бедности может быть скорректирован в сторону его понижения. Тем не менее, главным фактором бедности являются низкие денежные доходы населения. Кроме бедных статистика выделяет крайне бедное население – тех, чьи доходы более чем в 2 раза ниже прожиточного минимума.

Концентрация бедности на территории России неравномерна. В 2003 г. 50 % бедного населения проживало в 22 регионах, а еще 50 % в других 65 субъектах Российской Федерации. Как показано на рис. 4, 5,9 % общей численности бедных сосредоточено в трех регионах с наиболее высоким уровнем развития – Москве, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах. В относительно развитых регионах - 17,3 %, в среднеразвитых – 59,9 %, в слаборазвитых регионах - 16,9 %.

Рассчитано по: В.Н. Бобков. Уменьшение бедности: к разработке национальной программы//Уровень жизни населения регионов России.2005. №3. С. 44.

Рис. 4

По данным официальной статистики, в 2003 г. самая высокая доля бедных в населении региона была зафиксирована в Республике Ингушетии – 83,0 %, в Усть-Ордынском Бурятском АО – 82,8 %, и Коми-Пермяцкий АО – 64,3 %. В Европейской части России беспрецедентно высокий уровень бедности в Ивановской области – 58 % населения располагают ресурсами ниже прожиточного минимума. Самая меньшая доля бедных в следующих регионах: Ямало-Ненецкий АО – 8,0 %, Санкт-Петербург – 16,5 %, в Ярославской области – 19,3 % (см. табл. 13). Москва, как это ни неожиданно,

занимает только 11-е место в рейтинге по уровню бедности, отставая от таких областей как Магаданская, Вологодская, Ярославская, Свердловская и еще шести регионов.

Таблица 13

**Максимальный и минимальный уровни бедности
в регионах по федеральным округам 2003 г.
(% от численности населения региона)**

Федеральные округа	Регион с наименьшим уровнем бедности	%	Регион с наибольшим уровнем бедности	%
Уральский ФО	Ямало-Ненецкий АО	8,0	Курганская обл.	41,3
Северо-Западный ФО	Г. Санкт-Петербург	16,5	Ленинградская обл.	38,1
Дальневосточный ФО	Магаданская обл.	18,5	Еврейская АО	36,3
Центральный ФО	Ярославская обл.	19,3	Ивановская обл.	58,0
Приволжский ФО	Республика Татарстан	19,8	Коми-Пермятский АО	64,3
Южный ФО	Волгоградская обл.	22,3	Республика Ингушетия	83,0
Сибирский ФО	Кемеровская обл.	20,2	Усть-Ордынский Бурятский АО	82,8

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 201 - 203.

Преодоление бедности в 2000 – 2003 гг. происходило очень неравно по территории страны. В целом по России бедность сократилась на 8,3 %, при очень небольшом сокращении в Москве – всего на 2,5 %. Между тем при уровне бедности в 20,1 % в столице проживает около 2 миллионов жителей, чей доход ниже прожиточного минимума. В Ханты-Мансийском АО бедность сократилась на 1 % и на 2 % в Ямало-Ненецком АО. В двух последних регионах уровень бедности и так самый низкий по стране. Один из самых низких темпов снижения бедности (2,3 %) демонстрирует республика Адыгея, где уровень бедности превышает средний по России более чем в 4 раза. Высокие темпы снижения бедности показывает Читинская область - 33,8 %, Омская область – 23,5 %, Еврейская автономная область – 23,2 %. Из регионов Центрального округа лучшие показатели снижения бедности у Ярославской области – 11,4 %¹, Ивановская область хотя и сократила бедность на 11,9 %, но ее уровень один из самых высоких в стране – 58,0 %. Но самые удивительные результаты демонстрирует Чукотский АО, где за 2000 – 2003 гг. бедность снизилась более чем в 2 раза и составляет теперь 28,4 % от численности населения.

При всем многообразии комбинаций факторов, которые оказали влияние на уменьшение бедности в регионах, можно отметить, что справиться с бедностью основной группе регионов не удастся и ее уровень остается очень высоким.

Две основные причины способствуют высокому уровню бедности в России: низкие доходы занятого населения, особенно в сельской местности и малых городах, и неполный состав семей или большая семейная нагрузка на работающих в семьях с детьми. Поселенческий аспект бедности будет рассмотрен ниже, а здесь отметим, что в целом по России в семьях, состоящих из 1-2 человек уровень бедности составляет 25,9 %, для семей же, включающих 3 и более человек, уровень бедности 74,1 %. В семьях без детей этот уровень 47,4 %, а в тех семьях, где есть дети до 16 лет – 52,6 %¹. Таким образом, причины бедности кроются в повышенной семейной, в том числе детской нагрузке, на домохозяйство. В бедных домохозяйствах только 42 % заняты трудовой деятельностью. При наличии 1-2 детей доля бедных полных семей возрастает на 23 % по сравнению с домохозяйствами без детей. При наличии 3-х и более детей доля бедных домохозяйств полных семей составляет уже 70,2 %¹.

Еще хуже обстоят дела в неполных семьях. При наличии 3-х и более детей число бедных домохозяйств приближается к 100 %. Таким образом, дети составляют значительную часть бедного населения России – одна четвертая часть детей проживает в семьях с доходом ниже величины прожиточного минимума на человека¹.

Выше мы уже отмечали, что дифференциация жителей по уровню жизни может быть зафиксирована при анализе структуры расходов на конечное потребление домашних хозяйств в регионе. Высокая доля расходов на питание – косвенный показатель бедности. Так, в 10-ти процентной группе с наибольшими располагаемыми ресурсами доля продуктов питания в расходах составляет 25,7 %, в группе с наименьшими ресурсами 56,8 %¹. С ростом числа детей в семье ухудшается питание. В тех семьях, где четверо и более детей заметно хуже питание – энергетическая ценность на одного члена домохозяйства ниже, чем в семьях с одним ребенком, на 323 ккал. в сутки и не достигает 2000 ккал.¹.

Свою весомую лепту в сохранение бедности в России вносит и экономическое неравенство в распределении денежных доходов между бедными и богатыми, что порождает высокую относительную бедность. Хотя, как будет показано в разделе 2, коэффициент фондов по заработной плате снизился, высокая степень неравенства в распределении средств на заработную плату сохраняется.

Среди субъективных причин бедности очень часто на первые места выходят такие составные человеческого потенциала как плохое здоровье, низкое общее и

профессиональное образование, и, как следствие, недостаточная конкурентоспособность на рынке труда, а также социальные патологии, ограничения в трудоспособности.

Низкие доходы, равные или ниже величины прожиточного минимума, обуславливают невозможность получать социально приемлемый набор услуг социального и культурного назначения, поскольку эта сфера быстрыми темпами коммерциализируется и платные услуги составляют все увеличивающуюся долю в бюджете населения. Невозможность следовать типичным для общества образцам потребительского и культурного поведения вызывает ослабление контактов с обществом, своего рода социальную изоляцию. Для этих групп населения наиболее приемлемой стратегией выживания является использование традиционных связей и отношений и надежда на патернализм государства.

Сокращение бедности - это одна из острейших проблем поднятия уровня жизни населения страны и уменьшения внутри- и межрегиональных различий. По своей сложности и комплексности эта проблема такова, что программа для ее решения должна иметь статус национальной и включать в себя разнообразные методы и средства, соответствующие причинам бедности в отдельных регионах и ее последствиям для бедных слоев и для общества в целом. Чрезвычайно важно учесть *гуманитарный аспект* преодоления бедности, а для этого необходимо провести всестороннюю оценку качества жизни бедного населения – не только дохода, но и его здоровья, образования детей и профессиональной подготовки взрослых, другие параметры жизни. Подобно тому, как в международных докладах рассчитывается комплексный индекс нищеты для развивающихся и развитых стран (каждый из них включает разные индикаторы), так и для переходного российского общества необходимо разработать на основе нескольких параметров *индекс бедности*. Он не должен ограничиваться только оценкой дохода и располагаемых ресурсов в соотношении с прожиточным минимумом, но и учитывать дистанцию в доходе бедного населения и населения, чьи доходы составляют моду и медиану на данном этапе развития общества. Эти показатели могут приблизить к пониманию того, насколько бедные лишены социально приемлемого уровня жизни и уровня жизни, среднего для данного региона и общества в целом.

Кроме того, было бы целесообразно провести мониторинговое социологическое исследование бедного населения в регионах страны с использованием единой методики и инструментария с целью выявления тех возможностей преодоления бедности, которые связаны с активизацией человеческого потенциала бедных слоев. Это даст возможность проводить межрегиональные сравнения, определять остроту проблем на тех или иных территориях, стратегию и тактику их решения не только через социальные трансферты, но

и используя возможности к самостоятельному зарабатыванию денег самим бедным населением. Даже если сейчас не удастся преодолеть бедность этих слоев, нужно думать о молодом поколении, чтобы оно смогло переместиться в более высокие доходные группы, накапливая свои собственные ресурсы. Очевидно, что без помощи извне сформировать подобные ресурсы многие молодые люди из бедных семей не могут. Рекомендации по результатам таких исследований, думается, были бы полезны для решения проблемы преодоления бедности в регионах. Бедность населения не может быть оценена без ее социокультурных составляющих и последствий, в том числе отложенного действия.

Поселенческий аспект разнородности уровня жизни

Горизонтальная дифференциация социокультурного пространства России в значительной степени обусловлена неодинаковым качеством жизни в различных типах поселений: селах, малых городах и поселках городского типа, средних и крупных городах, федеральной столице. По комплексу экономических показателей, характеризующих качество жизни: уровень дохода, обеспеченность жильем, в том числе благоустроенным, доступность современной медицинской помощи, развитость культурной инфраструктуры отмечается зависимость качества жизни от типа поселения. Существенную роль имеет также географическое положение региона, его уровень развития, наличие высокотехнологичных производств, а также пространственное размещение поселений относительно крупных городов, сосредоточивающих основные тенденции экономической модернизации и развитый человеческий потенциал.

Исследование социального развития различных типов поселений затруднено из-за малого объема сопоставимой статистической и социологической информации. Особенно это относится к сельским поселениям, где социологические исследования почти не проводятся, а поляризация доходов, жизненных стратегий, образа жизни не менее значимы, чем для города. В условиях становления рыночной экономики село поляризуется как в региональном разрезе, так и внутрирегиональном. Черты модернизации, рождаемые рынком, стали проявляться точечно в отдельных типах сел – пригородах больших городов, селах южного региона с крупнотоварным сельскохозяйственным производством, в селах с растущим товарным производством в личных подсобных хозяйствах. Большинство же сельских поселений нашли опору в личном подсобном хозяйстве для нужд внутреннего потребления и имеют ограниченные ресурсы для своего развития, часть населения (особенно его мужская часть) маргинализировалась.

Городские населенные пункты также несут в себе своеобразие черт, связанных с пространственным размещением относительно крупных городских агломераций, наличием работающих предприятий, отраслевой спецификой производств, численностью жителей. К городам с диверсифицированной структурой приложения труда, относительно развитой социальной инфраструктурой, преимущественно городским образом жизни населения относятся, по оценкам, города с числом жителей свыше 250 тыс. человек¹. Это, как правило, города-центры субъектов РФ, а также крупные индустриальные города. Для большинства остальных городов (кроме закрытых городов военно-промышленного комплекса, городов-научных центров) характерно промежуточное положение между городскими и сельскими поселениями, а период рыночных реформ усугубил эти черты, вызвав стагнацию и деградацию производств, разрушение социальной инфраструктуры, городских элементов образа жизни жителей, его рураризацию.

На длинных временных отрезках дифференциация качества жизни в поселениях различного типа отражается на направлениях внутренней миграции жителей и на притоке эмигрантов. В обобщенном виде эти процессы можно проследить по материалам двух последних Всероссийских переписей населения – 1989 и 2002 гг.

По данным переписи 2002 г., в которой были учтены 145 167 тыс. человек, 73,3 % населения проживало в городских и 26,7 % в сельских поселениях. За время между двумя переписями, несмотря на общий значительный миграционный прирост, численность населения в целом по стране сократилась на 1855 тыс. человек. При этом доля городского населения осталась практически неизменной по сравнению с 1989 г., когда она составляла 73,4 %. В табл. 14 представлена группировка городских и сельских населенных пунктов по численности населения в 1989 и 2002 гг.

Таблица 14

Группировка городских и сельских населенных пунктов по численности населения

	Число населенных пунктов		Число жителей в них	
	1989 г.	2002 г.	1989 г.	2002 г.
Все населенные пункты России	156152	158829	147 022 тыс.чел.	145 167 тыс.чел.
Все городские населенные пункты из них с числом жителей, тыс.человек:	3230	2940	107959 тыс. чел. 100 %	106429 тыс.чел. 100 %
до 100	2934	2773	37,6 %	35,9 %
100-499,9	131	134	26,1 %	26,7 %
500-999,9	22	20	13,0 %	11,6 %
1 млн. и более	12	13	23,3 %	25,8 %

Все сельские населенные пункты из них с числом жителей, человек:	152922	155889	39063 тыс. чел. 100 %	38738 тыс. чел. 100 %
До 100 включительно	92938	60591	6,8 %	5,8 %
101-500	40072	76380	24,8 %	23,0 %
501-3000	18508	17238	48,4 %	45,3 %
3001 и более	1404	1680	20,0 %	25,9 %

Рассчитано по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Итоги Всероссийской переписи населения. Официальное издание. Т. 14. М., 2005. С. 43, 44.

Процесс урбанизации в России остановился, или, возможно, приобрел новые формы в условиях перехода к рынку. Его отличительной особенностью является рост численности населения, проживающего в крупнейших - свыше 1 млн. человек - городах. Таких городов в 2002 г. насчитывалось 13 и проживало в них почти 26 % городского населения, на 2,5 % (2395 тыс. чел) больше, чем в 1989 г.

Подобная тенденция характерна и для сельских населенных пунктов – доля крупных сел (свыше 3 тыс. человек) в численности сельских жителей выросла почти на 6 %, тогда как доля жителей всех других типов сел сокращается. Исключения составляют только самые малочисленные деревни – до 10 человек. Но это не позитивный процесс, а процесс их умирания. Число таких поселений за 13 лет увеличились на 17 тыс., выросло и число жителей в них, но в среднем на одно селение приходится теперь не 5,1 человек, как в 1989 г. а только 3,6 человека. Отражение этих проблем в Портрете на материалах соответствующего региона могло бы дополнительно привлечь внимание к депрессивным и умирающим населенным пунктам.

Перераспределение населения по территории страны происходит вслед за сокращением рабочих мест, падением уровня жизни, ухудшением социальной инфраструктуры. Большинство бедных домохозяйств (ресурсов на одного члена домохозяйства приходится меньше ВПМ) проживает в городах – 65,4 %, в сельской местности - 34,6 %. Причем за 2000 – 2003 гг. численное соотношение бедных домохозяйств города и села изменилось в пользу города. В сельских поселениях число бедных и крайне бедных домохозяйств (ресурсы на одного члена домохозяйства составляют менее половины прожиточного минимума) в 2000 – 2003 гг. увеличилось на 4,1 и 10,3 % соответственно. Распределение крайне бедных домохозяйств по населенным пунктам разного типа представлено на рис. 5.

Самая большая доля крайне бедных домохозяйств проживает на селе. Среди городских поселений таких домохозяйств много в городах до 250 тыс. человек.

Большинство из них это моногорода, образованные вокруг одного-двух промышленных предприятий, которые в условиях становления рыночных отношений пришли в упадок.

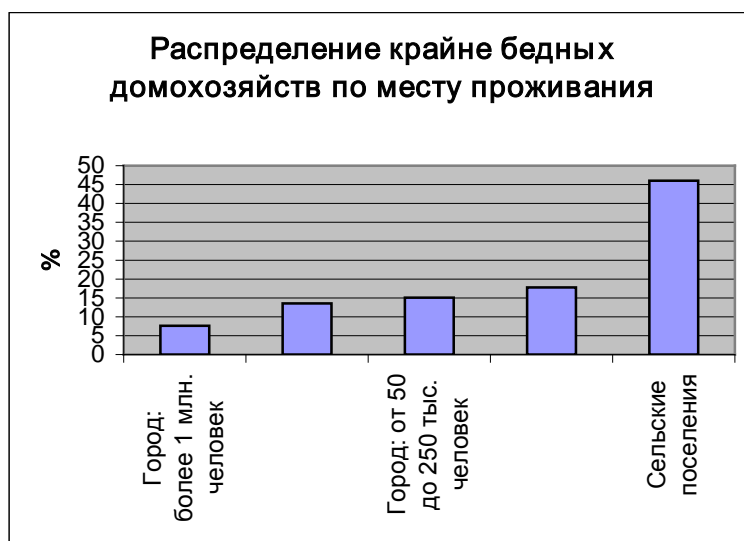

Рис. 5

Города с числом жителей до 50 тыс., по существу, это крупные сельские поселения, где жители почти ничем не отличаются от жителей сел и деревень. Наличие большой доли бедного населения в малых и средних городах снижает уровень жизни и тех, кто не относится к бедным. И не в статистическом смысле, а в реальном житейском, так как во многих семьях происходит перераспределение средств для оказания внутрисемейной или родственной помощи.

Два основных фактора усугубляют проблему бедности в России в поселенческом аспекте: низкие доходы занятого населения, особенно в сельской местности и малых городах, а также высокий уровень безработицы в поселениях с числом жителей менее 500 тыс. человек. Безработица в сельских поселениях - понятие «фантомное», поскольку в большинстве сел произошла натурализация домашних хозяйств и отказ от продажи собственной рабочей силы на рынке, который предельно свернут и не может предложить более или менее приемлемую оплату труда¹. Более выгодным стало самостоятельное обеспечение семьи продуктами питания, в котором заняты все члены семьи – и стар и мал. Но в то же время отказ от активного обмена ресурсами означает ухудшение материального положения и нехватку доходов.

В структуре ресурсов сельского населения натуральные поступления составляли в 2003 г. 18,0 %, тогда как у городского населения - только 3,7%. Заметим, что в последние годы отмечается устойчивая тенденция сокращения доли натуральных

поступлений среди ресурсов домашних хозяйств и в городской и в сельской местности. Еще недавно - в 1997 г. - они составляли 6,7 %, и 27,4 % соответственно (табл. 15).

Таблица 15

Располагаемые ресурсы городских и сельских домашних хозяйств в 1997 и 2001 годах

(по материалам обследований бюджетов домашних хозяйств, в %, в среднем на члена домашнего хозяйства)

	Структура располагаемых ресурсов членов домашних хозяйств, проживающих в			
	Городской местности		Сельской местности	
	1997 г.	2001 г.	1997 г.	2001 г.
Располагаемые ресурсы – всего	100	100	100	100
из них: валовой доход	93,8	97,6	95,7	97,5
В том числе:				
денежный доход	87,1	90,8	68,3	74,3
поступления в натуральной форме	6,7	6,8	27,4	23,2
привлеченные средства и сбережения	6,2	2,4	4,3	2,5

Источник: Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: 1992 – 2002 гг. (по материалам статистических наблюдений). М., 2003. С. 43.

Учет по располагаемым ресурсам позволяет уточнить объем поступающего населению валового дохода и оценить уровень бедности в целом по стране не в размере 20,8 %, а примерно 17 %, что также очень много. Но, несмотря на эту корректировку, бедность в сельской местности более распространена, чем в городе, к тому же бедность в городе и бедность на селе имеют разную глубину. В городе малоимущее домохозяйство располагает в 1,2 раза большими ресурсами, чем малоимущее домохозяйство на селе.

Конкретные особенности структуры и величины доходов населения могут оказаться весьма существенными вследствие преобладания населения сел и небольших городов над крупногородским населением в конкретном регионе.

Статистика по городским и сельским поселениям региона, если она доступна составителям Портрета, позволит более полно представить поселенческий аспект внутрирегиональных различий. Определенный объем информации может дать социологическое исследование в регионе, по крайней мере, появится возможность сравнить стратегии адаптации к новым условиям жизни жителей разных типов поселений.

1.3. Социальное самочувствие населения

Статистические данные могут дать только ориентировочное представление о социально-экономическом положении населения региона и его уровне жизни. Не менее важно, а, скорее всего и более важно знать, как само население оценивает свой уровень жизни: удовлетворяет ли он его, дает ли возможность полноценно жить, соответствует ли он представлениям самого человека о достойном уровне жизни. По целому ряду конкретных аспектов уровня жизни – жилья, качества обслуживания и потребления, безопасности жизни, медицинской помощи и проч. респондентам предлагается высказать свое мнение.

Кроме того, в социологическом опросе населения региона предлагается несколько вопросов, дающих обобщенную характеристику социального самочувствия респондентов. Мы предполагаем, что эти характеристики связаны, прежде всего, с оценками уровня жизни. **В вопросах 17, 18, 19, 29** предлагается оценить по шкалам текущий год по сравнению с прошлым, высказать мнение о ближайшем годе, самому респонденту предположить, каким будет будущее для него и его семьи. На основе этих данных может быть рассчитан результирующий индекс «социального оптимизма». Он может дать субъективную оценку положения населения в регионе в целом, по демографическим группам, социальным слоям, поселениям и т.д.

В исследованиях 1990 – 2002 гг., проведенных по всероссийской выборке ЦИСИ ИФ РАН, были заданы вопросы в следующей формулировке (приводим распределение ответов на вопросы интервью в 2002 г.).

Вы и ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?

- 2,1% – Стали жить намного лучше
- 23,0% – Стали жить несколько лучше
- 47,6% – Ничего не изменилось
- 19,6% – Стали жить несколько хуже
- 5,6% – Стали жить намного хуже
- 1,7% – Не знаю
- 0,5% – Отказ от ответа

Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

- 4,2% – Будем жить значительно лучше
- 18,3% – Будем жить несколько лучше
- 38,3% – Ничего не изменится
- 11,9% – Будем жить несколько хуже
- 5,7% – Будем жить значительно хуже

Насколько Вы сегодня спокойны или не уверены относительно своего будущего?

- 6,3% – Вполне спокоен (спокойна)
- 15,5% – Скорее да, чем нет
- 27,0% – Не могу сказать точно
- 20,2% – Скорее нет, чем да
- 26,8% – Совершенно неуверен(а)
- 3,4% – Не знаю
- 0,9% – Отказ от ответа

Индекс оптимизма может рассчитываться как разность позитивных и негативных ответов на три приведенные выше вопроса, деленная на 300 % . При значении индекса +1 уровень оптимизма в регионе максимально возможный, при -1 минимальный. В 2002 г. уровень оптимизма в целом по России (- 0,068) повысился по сравнению с прошлыми годами наблюдений: 1998 г. (- ?????), 1994 г. - (-0,54), 1990 г. (-0,33). Самое низкое значение индекса было в 1994 г., что соответствует состоянию общества в этот период, когда были уже разрушены прошлые социалистические отношения, а новые рыночные были в самом начале становления. Основная масса населения была дезориентирована. Думается, что отрицательные значения индекса во все годы наблюдений соответствуют довольно напряженной ситуации в России с уровнем жизни и социальным самочувствием основной массы населения, но некоторая стабилизация в экономике к 2002 г. отразилась на росте индекса социального самочувствия. Прохождение нулевой отметки и рост положительного значения индекса будет означать нарастание социального оптимизма в обществе. Этот расчетный показатель, конечно, условен, но при сравнении регионов между собой он может послужить ориентиром для оценок социального самочувствия населения региона, а также его демографических, поселенческих, имущественных и других групп населения. Кроме того, при составлении Социокультурного портрета в мониторинговом режиме индекс может быть использован для анализа изменения ситуации в регионе.

Для оценок уровня социального самочувствия может быть полезен также индекс, рассчитываемый по шкале «патернализм – самостоятельность». Ответы на вопрос **13 (10)** анкеты могут быть интерпретированы как ориентация респондентов на собственные силы, на свои социальные связи, или на помощь каких-то руководителей, властей. Соотношение этих ориентаций может рассчитываться в виде индекса самостоятельности-патернализма разных социальных групп или населения в целом. Например, в 2002 г. опора на собственные силы и своих близких была высказана в 1,85 раз чаще, чем надежда на начальника по работе. В более ранних исследованиях, например, в 1994 г. этот индекс был равен 1,3. Изменение индекса за эти годы свидетельствует о постепенном «вписывании» населения в рыночные отношения в России.

Возможны и другие варианты комбинации ответов на этот вопрос анкеты. Но, безусловно, есть возможность анализировать тенденции адаптации различных групп населения к продуктивной деятельности в современных условиях в контексте совершенствования социально-экономической политики в регионе. Кроме того, могут сравниваться различные регионы по уровню адаптации к реформам и росту самостоятельности населения в повышении уровня своей жизни.

Таким образом, предварительные анализ, проведенный выше, позволяет отметить высокую степень разнородности регионов по уровню жизни населения и дальнейшее углубление межрегиональных различий по целому ряду показателей. Тенденции сближения моделей потребительского поведения наталкиваются на ограниченный объем располагаемых ресурсов домохозяйств различных социально-экономических категорий.

Неравномерность экономического развития регионов, заниженная доля оплаты труда в доходах населения и сокращение государственного перераспределения доходов спровоцировали углубление межрегиональной дифференциации уровня жизни. В результате население страны оказалось расколото по качеству жизни: в одних регионах все больше развиваются черты модернизированного образа жизни, с соответствующим потреблением высокотехнологичных материальных благ; в других сохраняется уровень, достигнутый в советский период; третьи в значительной мере архаизировались. На социокультурном пространстве России сложились чрезвычайно высокие, социально не оправданные межрегиональные различия уровней жизни населения, в результате *произошла глубокая межрегиональная дифференциация качества жизни населения*. Эта дифференциация накладывается на систему имущественных различий и социальной стратификации населения региона.

2. Социальное расслоение населения

2.1. Внутрорегиональная дифференциация доходов и потребления

Сейчас существуют большие различия регионов по степени дифференциации населения по доходам, и, следовательно, по уровню жизни. Статистические данные позволяют с определенной степенью достоверности оценить внутрорегиональные различия уровня жизни. Для этого используются коэффициенты концентрации доходов в разных доходных группах населения. Помня о тех изъянах, которые имеет официальная статистика доходов, но не имея другой официальной и стандартно представленной информации, приходится довольствоваться данными статистических сборников. В табл. 16 представлены данные за 2000 – 2003 гг. по России в целом.

Таблица 16

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕГО ОБЪЕМА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ ПО 20-ПРОЦЕНТНЫМ ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ

	2000	2001	2002	2003
Денежные доходы – всего, процентов	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:				
первая (с наименьшими доходами)	5,8	5,6	5,6	5,6
вторая	10,4	10,4	10,4	10,3
Третья	15,1	15,4	15,4	15,3
Четвертая	21,9	22,8	22,8	22,7
пятая (с наибольшими доходами)	46,8	45,8	45,8	46,1
Коэффициент фондов, в размах	13,9	14,0	14,0	14,3
Коэффициент Джини	0,395	0,398	0,398	0,400

Децильный коэффициент, в разгах	...	6,6	6,6	6,7
---------------------------------	-----	-----	-----	-----

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С.166.

За 2000 – 2003 гг. дифференциация доходов населения не только не сократилась, но и выросла. И в последние два года рост материального расслоения продолжился. В начале 2005 г. доход 10 % самых богатых превысил доход 10 % самых бедных в 14,9 раз. Между тем, по оценкам ВТО, уже с превышения в 14,2 раза стране грозят социальные волнения. В первом квартале 2005 г. на долю 10 % самых богатых приходилось 29,8 % общего объема денежных доходов населения, и лишь 2 % на долю 10 % самых бедных.

Внутрирегиональные различия в уровне дифференциации доходов населения наиболее выражены в регионах-лидерах и регионах с высоким уровнем развития. Самое большое значение коэффициента Джини в 2003 г. было в г. Москве – 0,615, Ханты-Мансийском – 0,443 и Ямало-Ненецком автономных округах - 0,430, а также в Самарской области – 0,430. Превышение дохода 20-ти процентов самых богатых над доходами 20-ти процентов самых бедных (коэффициент фондов) максимальным было в 2003 г. в Москве – 51,8 раз, в Тюменской области – 20,6, в том числе в Ханты-Мансийском округе 19,6, в Ямало-Ненецком округе 17,8, при среднероссийском показателе 14,3 раз.

Меньше степень экономического неравенства в регионах, где денежные доходы населения находятся на низком уровне, а сами регионы относятся к слабо и среднеразвитым районам европейской России. Так, коэффициент Джини в Ленинградской области и Удмурдской республике составлял в 2003 г. 0,313, в Тверской области - 0,311, во Владимирской области - 0,317. Самые низкие значения коэффициента фондов были в Удмурдской республике – 7,8, в Тульской области и республике Ингушетии - 8,0, в Кировской области – 8,2 раза¹.

Прослеживается такая тенденция – при большей развитости и динамизме региона и более высоком среднем уровне доходов населения, растет экономическая дифференциации в регионе и, наоборот, - там, где не развивается экономика и застой в деловой жизни и бизнесе, там и доходы распределяются более равномерно. Здесь действует уравнительное распределение, в том числе за счет социальных трансфертов, рыночные факторы расслоения действуют более сглажено.

Глубокая дифференциация доходов рождается несколькими факторами. Во-первых, высокой степенью неравенства в объемах заработной платы, распределяемой по 20-ти процентным группам работников. Первые две группы с наименьшими

доходами получают 11,8 % средств, а две последние с наибольшими доходами 74,7 % (см. табл. 17). И хотя в 2003 г. отмечалась тенденция снижения коэффициента фондов по заработной плате, его значение - 30-ти кратное превышение суммы заработной платы пятой группы над первой, едва ли социально оправдано. Причем характерно, что в отдельных отраслях экономики разрыв в уровнях заработной платы достигает астрономических размеров. Первенство держит банковский сектор, где соотношение размеров средней заработной платы 10% наиболее и 10% наименее оплачиваемых работников, составляет 33,6 раз, на предприятиях связи это соотношение составляет 25 раз, в строительстве - 24,7 раз, в лесном хозяйстве - 23 раза. Минимальные различия зафиксированы в электроэнергетике – 10,2, в химии и нефтехимии – 12,5, в промышленности строительных материалов 12,5 раза¹. Такие уровни дифференциации заработной платы, очевидно, влияют на дифференциацию доходов населения в регионах, где доминируют те или другие отрасли.

Таблица 17

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕЙ СУММЫ СРЕДСТВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ, ПО 20-ПРОЦЕНТНЫМ ГРУППАМ РАБОТНИКОВ (по данным выборочных обследований организаций за апрель)

	Общая сумма средств, направленных на заработную плату, процентов			
	2000	2001	2002	2003
Всего	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам работников:				
первая (наименее оплачиваемые работники)	3,4	3,0	3,7	3,6
вторая	8,0	7,5	8,4	8,2
Третья	13,4	12,7	13,6	13,5
Четвертая	21,8	20,7	21,3	21,7
пятая (наиболее оплачиваемые работники)	53,4	56,1	53,0	53,0
Коэффициент фондов, в разгах	34,0	39,6	30,5	30,0
Коэффициент Джини	0,483	0,507	0,477	0,483

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 168.

Второй фактор, влияющий на дифференциацию дохода – наличие у высокодоходных слоев источников доходов, которые в значительно меньшей степени доступны низкодоходным слоям. Речь идет о доходах от собственности и доходах от предпринимательской деятельности. По расчетам А.Ю. Шевякова, эти доходы

распределялись следующим образом: доходы от предпринимательства первой низкодоходной группы были в 24,1 раза ниже, чем доходы пятой высокодоходной группы, еще больше различались доходы от собственности – в 131,1 раза¹. Эти виды доходов играют сегодня решающую роль в поляризации общества. Особенно в таком регионе как Москва, где сосредотачиваются денежные потоки и располагаются основные площадки инвестирования капиталов. Рыночная среда с неотвратимостью увеличивает долю этих доходов и это нормально для рыночного общества, но проблема состоит в том, что в России сохраняется слишком большой слой людей, пораженных абсолютной бедностью, причем, большинство из них работают. Преодолеть бедность без совершенствования оплаты труда и определенного перераспределения доходов вряд ли удастся. Речь не идет о том, что все нужно «поделить» и «уравнять», но нужна система более эффективной заработной платы и налогообложения.

Дифференциация по доходам не исчерпывает имущественное расслоение общества, в том числе и населения отдельных регионов. Разный уровень материального достатка обуславливает различия доходных групп в потреблении: энергетической ценности суточного рациона, структуры питания, обеспеченности товарами длительного пользования, возможностей потребления платных услуг и т.д. Особенно заметно имущественное расслоение по таким признакам как владение так называемыми новыми товарами: в богатых слоях на 100 домохозяйств в 3-7 раз больше автомашин, музыкальных центров, компьютеров, чем в бедных семьях. Имущественная дифференциация имеет свои особенности в регионах России, и в Социокультурном портрете она может быть проанализирована на материалах местной статистики.

2.2. Социальная стратификация

Имущественная и доходная дифференциация не адекватны социальной стратификации общества, поскольку ограничиваются критериями, лежащими исключительно в плоскости распределения и потребления. Она может успешно применяться в изучении стратификации потребителей. Но социальная стратификация – более сложное общественное явление, она характеризует расслоение общества не только по материальным, но и по другим социальным критериям. Такими дополнительными критериями являются выполнение управленческих функций и наличие профессиональной подготовки. Статистические материалы не дают возможности использовать эти критерии для анализа социальной стратификации

общества в целом и по отдельным регионам. Но можно попытаться решить эту проблему на ограниченных выборках, репрезентативных для всего общества или для населения отдельного региона по основным показателям – пол, возраст, образование, тип поселения. Такое исследование по России в целом было проведено нами в 2002 г¹.

Для анализа стратификационного строения общества была применена процедура кластерного анализа или распознавания образов. Вся совокупность респондентов была разделена на группы, имеющие характеристики, не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого. В основу анализа были положены три критерия – наличие властных функций, материальный уровень жизни и образование. Все критерии были представлены в анкете в виде шкал. Так, наличие властных функций фиксировалось в ходе ответа на вопрос: имеете ли Вы на работе подчиненных? Для оценки уровня материального благосостояния применялась шестиуровневая шкала, по которой респонденты распределились от самого низкого уровня (условно «нищих») до самого верхнего (условно «богатых»). В фиксации уровня образования, который является свидетельством наличия профессиональной и культурной подготовки, или, по Бурдье, символического капитала, использовалась стандартная шкала.

Оптимальное количество кластеров было установлено экспериментальным путем. Оно оказалось равно пяти. Во-первых, это обеспечивало достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов; во-вторых, - наполняемость кластеров: в самом меньшем из них оказалось 6 % опрошенных. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к неоправданному уменьшению их полноты. По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социальными слоями, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, другими объективными характеристиками, а также определенными личностными параметрами: отношением к проводимым в стране реформам, ценностными установками, интересами.

Особенностью сформированных слоев является наличие у них центра, который отражает доминирующие черты каждого кластера (см. табл. 18). Наряду с этим, в каждом из них имеется периферия, где эти черты представлены в ослабленном виде.

Таблица 18

Кластерные центры

	Кластеры и их объем (в % от числа опрошенных)				
	Первый 6 %	Второй 20 %	Третий 38 %	Четвертый 11 %	Пятый 25 %
Власть	3	1	1	1	1
Доход	5	4	4	2	2

Образование	5	5	3	5	2
-------------	---	---	---	---	---

Первый кластер количественно самый небольшой - 6 %, но в его центре признаки обладания властными ресурсами (с числом подчиненных 5-10 человек), и символическим капиталом в виде высшего образования. Центр кластера образуют респонденты, относящиеся к зажиточным. Можно констатировать, что это «**высокостатусный**» слой населения.

Второй кластер (20 %) представлен в своем центре такими признаками, которые говорят о довольно сильных социальных позициях входящих в него людей, поскольку они располагают высоким образованием и уровнем дохода, по которому их можно причислить к обеспеченным. Но у этого слоя нет властного ресурса, которым располагает первый слой и это, очевидно, сказывается на их уровне дохода, который ниже, чем у первого слоя. Можно назвать этот слой «**эксперты**».

Третий кластер (38 %) близок ко второму по двум признакам – по отсутствию подчиненных и по уровню доходов, но в его центре располагаются респонденты, у которых образование среднее специальное или неполное высшее. Такая близость второго и третьего кластеров – свидетельство снижения значимости высшего образования в условиях становления рыночной экономики. Это кластер «**реалистов**» - они востребованы рынком труда и обладают адаптационными способностями.

Четвертый и пятый кластеры объединяют людей, не имеющих властного ресурса, находящихся на таком материальном уровне, который может характеризоваться как бедность. Но существенное различие центров этих кластеров в уровне образования. Если центр четвертого кластера занимает высшее образование, то центр пятого – только среднее образование. Это позволяет вновь говорить о том, что в результате реформ в бедность была ввергнута часть высокообразованного населения, в основном массовая интеллигенция (учителя, врачи, и т.п.) и низкообразованные группы населения. Эти два слоя с трудом переживают «культурный шок» и плохо адаптируются к новым общественным практикам. Эти кластеры можно назвать соответственно – «**новые бедные**» и «**старые бедные**». Их существенное различие состоит в том, что вторые и раньше занимали в обществе низкие социальные позиции и имели мало резервов для самореализации, но при этом существовали возможности восходящей социальной мобильности для поколения их детей, прежде всего через образовательные каналы. Теперь же эти каналы мобильности для многих оказались недоступны.

Социальная стратификация современного российского общества по трем выделенным критериям графически выглядит следующим образом (рис. 6).

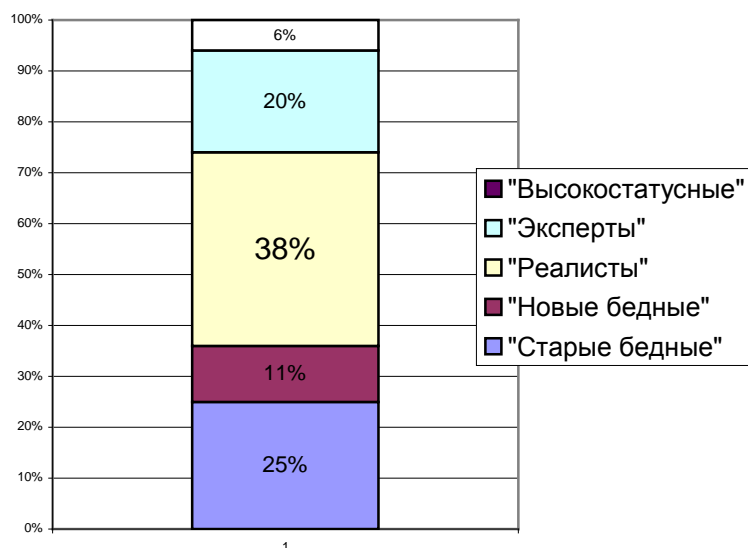

Рис. 6

Существование социальной дистанции между слоями определяет различия в восприятии ими тех или иных социальных явлений, их самоидентификацию, социокультурные характеристики и ценностные ориентации.

Так, отмечается *прямая* зависимость положительных оценок реформ, рыночной экономики и влияния реформ на жизнь самого респондента от его места в социальной иерархии (рис. 7).

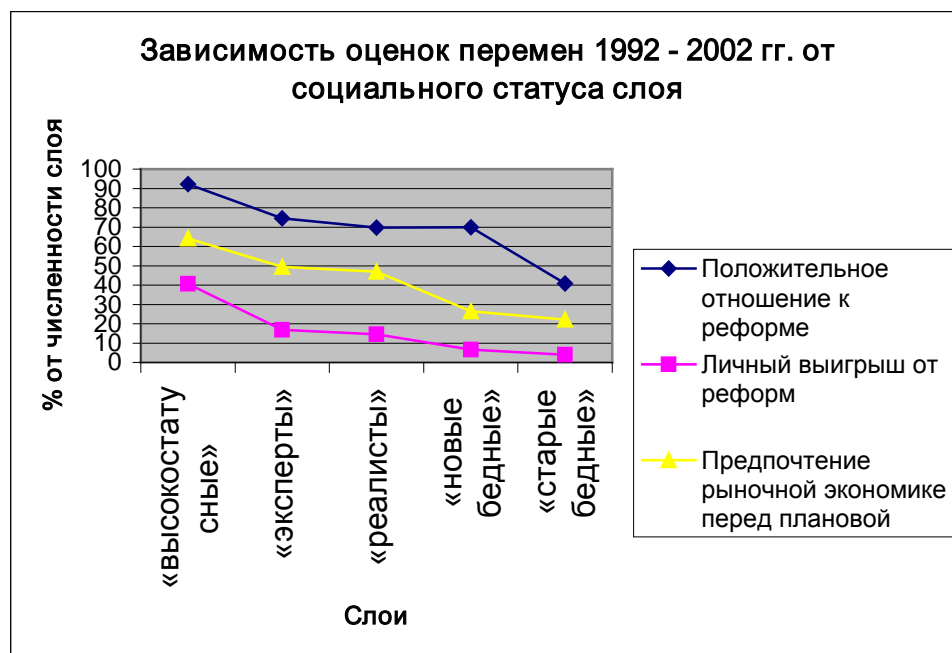

Рис.7

Существенные различия между слоями можно наблюдать при анализе их самоидентификации. Среди «высокостатусных» более 87 % считают, что принадлежат к среднему слою или выше среднего слоя. У «экспертов» и «реалистов» такое

положение занимают немного более 60 %. Для «новых бедных» и «старых бедных» эти показатели составили соответственно 41,5 и 29,8 %, большинство же и тех и других поместили себя в слой ниже среднего. А вот в низший слой массово (почти 20 %) отнесли себя только «старые бедные» и никто из «высокостатусных».

Какие же реальные группы наполняет эти кластеры?

Мужчины составляют большинство (72 %) в «высокостатусной» группе. В остальных преобладают женщины (от 54,7 % среди «реалистов» до 63,3 % среди экспертов). Наши данные вновь подтвердили, что властные функции в российском обществе – удел прежде всего мужчин.

Наши данные свидетельствуют о неравномерном распределении социальных страт по типам населенных пунктов. Самая большая концентрация «высокостатусных» в Москве – 13,1 % от числа опрошенных в столице. Доля «экспертов» почти одинакова в Москве и крупных городах - около 25 %, а в поселках и в малых городах больше всего «реалистов» - соответственно 50 и 38,1 %. Численность «новых бедных» также самая большая в Москве - 12,1 %, а «старые бедные» преобладают на селе – 45,2 % от численности опрошенных там респондентов.

Анализ кластеров по профессиям показал, что высокостатусный слой на 64 % состоит из предпринимателей и менеджеров¹. Среди «экспертов» больше всего гуманитарной интеллигенции и менеджеров. «Реалистов» представляют прежде всего рабочие (26,7 %), пенсионеры (16,4 %) и студенты (11,6 %), остальные профессии составляют менее 7 %. В слое «новых бедных» самые крупные группы – гуманитарная интеллигенция (32,4 %) и пенсионеры (27,5 %). У «старых бедных» самые представительные группы: пенсионеры (27,5 %), рабочие (25,4 %) и рядовые сельские труженики (13,5 %).

Если эти данные дополнить сведениями о том, на предприятиях каких форм собственности работают представители тех или иных слоев (см. табл. 19), то просматривается четкая тенденция влияния приватизации и новых рыночных отношений на формирование социальных слоев. Подавляющее большинство «высокостатусных» (67,2 %) сосредоточено в частном секторе (включая акционерный).

Таблица 19

Распределение респондентов по предприятиям разных форм собственности
(в %% от численности слоя *)

Форма собственности	Слой					В среднем
	«высоко-статусные»	«эксперты»	«реалисты»	«новые бедные»	«старые бедные»	
Государственная, смешанная, коллективная	29,7	65,2	47,6	63,3	49,3	51,7
Акционерная, частная, индивидуальная	67,2	25,9	39,1	17,8	31,6	34,4
Не имеют постоянной работы	0	9,0	10,0	11,1	16,3	10,7
Не знают, отказались от ответа	3,1	1,2	3,9	7,7	4,8	3,9

*Сумма по столбцу может быть больше 100, т.к. некоторые респонденты работают на двух и более предприятиях

В то же время большинство «экспертов» и «новых бедных» остаются работать в рамках государственной собственности.

Как показало исследование, материальные условия жизни, стиль деловых отношений, круг общения, характерные для выделенных социальных слоев, уже начинают оказывать влияние на дифференциацию их интересов и ценностных ориентаций.

За пятнадцатилетний период реформ в России социальные страты и группы выявили разные темпы и стратегии приспособления к новой нормативной системе общества. Существенное продвижение сделали молодые возрастные когорты¹, слой предпринимателей, некоторые интеллектуалы. Но изменения ценностного сознания слоев общества, находящихся на более низких ступенях общественной иерархии, а также старших возрастных когорт, не синхронизировано с теми изменениями в институтах общества, которые задаются сверху элитой. Поэтому адаптация этих слоев носит вынужденный характер и регулируется в основном измененными инструментальными ценностями при сохранении практически в неизменном виде базовых, фундаментальных. Такое расхождение между инструментальными и базовыми ценностями заставляет большинство населения ставить под вопрос легитимность тех экономических практик, в том числе неправовых, которые выгодны активной, успешной части общества. В этих условиях актуальным остается вопрос - насколько общество создает возможности для успешной социальной мобильности не только активного меньшинства, но и для

большинства населения, насколько уровень жизни большинства населения может регулироваться с опорой на собственные силы? Суженные жизненные возможности ощущаются большинством как несправедливость и как непреодолимое препятствие для восходящей социальной мобильности.

Изложенная методика анализа социальной стратификации может быть применена при изучении регионов. Кроме того, репрезентативные социологические данные по региону позволяют исследовать ценности, интересы, стратегии поведения, социальное самочувствие населения в разрезе социальных страт, возрастных, гендерных, поселенческих групп и других общностей. Это сделает социокультурный Портрет региона более объемным, позволит глубже раскрыть реальные проблемы населения, принадлежащего к определенным социальным группам.

Таким образом, уровень жизни в регионах и поселениях разного типа позволяет отметить высокую степень их разнородности. Тенденции сближения моделей потребительского поведения населения наталкиваются на ограничение располагаемых ресурсов домохозяйств различных социально-экономических категорий. Эти ограничения связаны, прежде всего, с уровнем доходов в регионах с разными тенденциями развития. Причем межрегиональные различия углубились на этапе рыночных реформ и, как показали последние 15 лет, часть регионов не только не может сохранить свои позиции, но все больше отстает от лидеров и успешных субъектов Федерации. Многие регионы не имеют внутренних ресурсов для развития и грамотных управленцев-менеджеров. Стало очевидно, что для сохранения России не просто как территории, где проживает население, а как социокультурного пространства, где люди не ощущают себя обездоленными, имеют приемлемое по современным представлениям качество жизни и потенциал для будущего развития, необходимо использовать не только возможности государства в перераспределении ресурсов, но и активизировать деловую активность, улучшить условия для легального частного бизнеса в недостаточно-и-слабо-развитых регионах страны, более активно привлекать на этих территориях инвестиции в реальный сектор экономики.

Литература:

¹ Стратегическое управление. Регион, город, предприятие. Под ред. Д.С. Львова, А.Г. Гранберга, А.П. Егоршина. М., 2004. С.185 – 186.

¹ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. второе, стереотипное. М., 2005. С. 80 – 102.

¹ Айвазян С.А.. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сравнениях.

- М., 2000; Носова Н.С. Качество жизни населения крупного города: системный анализ. Новосибирск, 2004; Индикаторы конкурентоспособности и качества жизни: инструмент оценки результатов госполитики. М., 2004. Дробышева В.В. Интегральная оценка качества жизни населения региона. Тамбов, 2004. и другие работы.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 174.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 277.
- ¹ Бобков В.Н. Уменьшение бедности: к разработке национальной программы//Уровень жизни населения регионов России. № 3. 2005 г. С. 7.
- ¹ Здесь далее приводятся данные Всероссийского мониторинга, проводящегося Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН с интервалом в 4 года. Руководитель мониторинга член-корреспондент РАН Н.И. Лапин
- ¹ См.: Социальный атлас российских регионов. Тематические обзоры. Типология регионов// Сайт Независимого института социальной политики. 5 октября 2005.
- ¹ Уровень жизни населения регионов России. № 3. 2005 г. С. 24 – 38.
- ¹ Коренев Н.Г. Социально-экономическое развитие регионов России. Итоги 2002 года. М., 2003.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С.141.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С.134 - 135.
- ¹ Там же.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С. 148 -149.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 180.
- ¹ Оценка на основе данных, установленных Правительством Российской Федерации за I-IV кварталы 2003 г. в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. №134-ФЗ “О прожиточном минимуме в Российской Федерации”.
- ¹ Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: 1992 – 2002 гг. (по материалам официальных статистических наблюдений) М., 2003. С. 82 – 90.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 150.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 171.
- ¹ Там же.
- ¹ Шевяков А.Ю. Неравенство и бедность в России// Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности. М., 2005. С. 288.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 198.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С. 234.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С. 132 – 134.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004.С. 234.
- ¹ Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?. М., 2005. С. 43 – 44.
- ¹ Бобков В.Н. Уменьшение бедности: к разработке национальной программы//Уровень жизни населения регионов России. 2005. № 3.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России.2004. С. 284 – 286
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 489.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 285.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С. 495.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С.158 – 159.
- ¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. С.178 – 179.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 326.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 177, 194.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 194 – 196.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 204.
- ¹ Суринов А.Е. Уровень жизни населения России: 1992 – 2002 гг. (по материалам официальных статистических наблюдений) М., 2003. С.180.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 178.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 273.

- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 278.
- ¹ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. Второе, стереотипное. М., 2005. С. 106
- ¹ Замечу, кстати, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. пособие по безработице получают 1,9 % сельского населения возрасте 15-64 года, тогда как среди городского населения - 0,6 %.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 188 – 190.
- ¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2004. С. 172.
- ¹ Шевяков А.Ю. Неравенство и бедность в России// Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности. М., 2005. С. 280.
- ¹ Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа//Социологические исследования. № 12, 2005. С. 57 – 64.
- ¹ В анкете в одну группу были объединены ИТР и средний управленческий персонал.
- ¹ См. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России//Социологические исследования. 2004. № 10 С. 31-42.
- ¹ См., например: *Аитов Н.А.* Социология развития регионов. М., 1985; *Кахаров А.Г.* Социология регионов. М., 1996; *Рязанцев И.П.* Социально-экономические отношения «регион – центр»: теория, методология, анализ. М., 1998.
- ¹ *Староверов В.И.* Социология регионов // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1998. С. 440.
- ¹ См. об этом: *Дыльнова З.М.* Социологическая интерпретация понятия «регион» // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М.: Альфа-М, 2003. Т. 2. С. 693-694.
- ¹ См., например: *Щедровицкий Г.П.* Два понятия системы // Труды XIII Межд. конгресса по истории науки и техники. Т. 1а. М., 1974.
- ¹ См. об этом: *Бычкова Е.В., Терешин В.П.* Социальная напряженность: методика измерения и анализа. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2002.

3. ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА

**РЕГИОН КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ
И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

В.А. Давыденко (Тюмень)

Я внимательно выслушал все доклады, представленные на конференции, и хотел бы отметить в принципиальном плане следующее.

Во-первых, своё собственное выступление я хотел бы начать с того, что от всей души благодарю члена-корреспондента РАН Николая Ивановича Лапина и его научный коллектив за то, что они сумели на деле организовать эту нашу замечательную встречу, нашу дискуссию, и пригласить в Москву в Институт философии представителей из самых различных регионов – как учёных-социологов, так и учёных других специальностей, занимающихся в принципе одной и той же проблемой.

К сожалению, сегодня мало таких открытых обсуждений в стране, и уже почти нет выяснения дискуссионных точек зрения, как дальше развиваться России и её регионам на различных уровнях власти, науки и управления, и, как мне кажется, почти нет научного обсуждения самых насущных проблем простых людей – жителей этих регионов.

Во-вторых, в своём выступлении я хочу дать краткую оценку проекта «социокультурный портрет региона» и затем высказать свои замечания и предложения.

Актуальность поставленной Н.И.Лапиным *проблемы* развития регионов России как субъекта Федерации не вызывает сомнений – поскольку руководство каждого региона хотело бы иметь социокультурную карту его развития. *Научная концепция*, лежащая в основе изучения региона как субъекта Российской Федерации и как социокультурного сообщества, которая разработана Н.И.Лапиным и членами его научной группы, - достаточно обоснована и продумана. Антропосоциетальный подход – авторское видение общества как социокультурной системы, порождаемой разнонаправленной деятельностью людей – на мой взгляд, перспективен во всех отношениях, *операционализация* же этой концепции достаточно хороша: региональная общность, понимаемая как антропосоциетальная система, как взаимосвязь индивидов, культуры и социальности, когда взаимодействие социальности и культуры образует социокультурную систему – всё это очень легко разворачивается в эмпирическую систему понятий и категорий. Это было нам продемонстрировано при анализе структуры интервью.

Цель «социокультурного портрета» состоит в предоставлении ёмкой и достаточно динамичной, если говорить о временных рядах, системы социологических характеристик любого региона России, и в научном плане вызывает глубокое уважение.

В качестве необходимых дополнений, и для более точного выявления своих собственных научных позиций в представленном проекте, я бы хотел отметить следующие шесть моментов, которые, как мне кажется, не в полной мере были учтены в проекте социокультурного портрета региона.

Первое.

Это – широкий политический контекст. Мы сейчас живем в такое время, когда на интересы всех граждан, на их свободы и права активно осуществляется политическое давление со стороны современной номенклатуры, причём давление в самом жёстком смысле слова по всем уровням. И хотя это сейчас ещё встречает сопротивление самых разных политических сил, но что будет дальше – не вполне ясно. В таких условиях реальная защита интересов регионов и их жителей – это дело в чём-то даже весьма опасное, оно чревато, в терминах Петра Штомпки, «непредсказуемыми последствиями».

На мой взгляд, определённые формы современного политического контекста каким-то образом должны быть учтены в концептуальной части «социокультурного портрета региона». Но если говорить в целом о феномене правовой политики, то он должен включать в себя, помимо буквы закона, ещё и такие трудно улавливаемые феномены, как уровень правовой культуры и тип правосознания; соотношение между «писанным» и «обычным» правом, соотношение правовых, конвенциональных и культурных норм и т. д.

Я пока не знаю точно, как это встроить в методики и как можно провести соответствующие процедуры операционализации. Это может быть, к примеру, ориентация на чёткое выявление общих и особенных тенденций в региональных процессах, на описание внутренних взаимоотношений различных элит в изучаемых регионах. Но, вообще говоря, ориентация на социологический анализ менталитета региональных элит, имея в виду политико-правовые, экономические и культурные изменения, связанные с гражданским обществом, – это, на мой взгляд, достаточно конструктивное дело.

Хотя принципиальный вопрос о том, насколько можно говорить о региональных элитах в постсоветском обществе, их институционализации, сформированности в настоящее время, по сути дела всё ещё остается открытым. Сегодня в России рано говорить о сформировавшемся слое бизнес-элиты, хотя Т.И. Заславская достаточно давно идентифицировала этот слой. Можно говорить о предпринимательском лидерстве. Лидеры бизнеса обладают низкой элитной самоидентификацией. Эта проблема касается

также политической и административной сферы. Есть мнение, что внутренне аморфное и конфликтное состояние современных российских властных групп связано с «наследственными болезнями» их родительницы – номенклатуры.

Как бы то ни было, но я считаю не совсем целесообразным рассматривать вопросы «социокультурного портрета региона» без его основы – местной власти и её носителей в лице региональных элит.

Второе.

В прозвучавших докладах не было упомянуто *Министерство регионального развития*, хотя оно, между прочим, разрабатывает стратегии социально-экономического развития всех регионов Российской Федерации, которые будут защищаться в правительстве. В основе концепций стратегии социально-экономического развития регионов, плотно разрабатываемых этим новым министерством, как указывается на его сайте, будет лежать «подготовка Генеральной схемы пространственного развития России», которая должна быть осуществлена в течение трех лет, начиная с 2006 года. Поэтому разработка социокультурных карт развития того или иного региона будет весьма кстати. Особенно, если там будут указываться позиции и элементы стратегического позиционирования региона.

Почему, однако, генеральные схемы пространственного развития России будут осуществляться, лишь начиная с 2006 года? Составители концепции дают ответ на этот вопрос: это низкое качество государственного управления. Это выражается в том, что «отсутствуют механизмы согласования и синхронизации стратегий регионального развития субъектов РФ, стратегий развития муниципальных образований и федеральных отраслевых стратегий. В результате межрегиональная кооперация фактически отсутствует, бюджетные средства используются недостаточно эффективно. Федеральные целевые программы не решают этой задачи».

С одной стороны, хорошо, что «Минрегионразвития» только начинает своё новое дело – и в этом отношении разработка социокультурных карт как раз может вписаться в «основной процесс». Но с другой стороны, если мы не будем учитывать в социокультурном портрете региона стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, которые разрабатывает «Минрегионразвития», то не означает ли это, что мы упускаем один из влиятельных факторов, определяющих реальное развитие?

Я могу привести некоторые примеры по Тюменской области. Насколько я знаю, в рамках совместного проекта стратегии социально-экономического развития региона создается программа социально-экономического развития юга Тюменской области.

Каковы здесь приоритеты? Это развитие топливно-энергетического комплекса; транспортной инфраструктуры; машиностроения, ориентированного на сервис нефтегазовых месторождений тюменского севера; нефтехимического и лесного комплекса; образования и науки; инновационных процессов; а также освоение новых районов, в том числе Приполярного Урала. Региональная власть уверена, что эти проекты будут поддержаны и на федеральном уровне. Это означает, что если мы не впишемся в будущие проекты региональной власти, то *цели разработки* «социокультурного портрета региона» останутся, по крайней мере, в Тюменской области, не полностью реализованными.

Я поддерживаю предположение о том, что официальная статистика даёт объективированную картину процессов, которые происходят в экономической и социальной жизни регионов, в то время как материалы интервью позволяют оценивать происходящее с позиций тех лиц, от которых зависит принятие решений в экономической, социальной, политической сферах. Опрос же региональных элит позволит не только понять, как люди власти и бизнеса, политические лидеры и ведущие журналисты оценивают состояние экономики и власти в своем регионе, но и дать прогноз того, как эти процессы будут развиваться в перспективе. При этом нас прежде всего должно интересовать то, насколько велико пространство совпадений и различий у ведущих акторов региона, принадлежащих к различным группам элит. Именно в этом отношении как раз подходит концепция опоры на три вида источников информации о регионе: данные официальной статистики; материалы интервью с ключевыми фигурами власти, бизнеса, лидерами партий и ведущими информационными акторами в регионах; а также другие информационные материалы, включая материалы центральной и региональной прессы, данные исследований других авторов, проведенных на материале рассматриваемых регионов. Важные информационные материалы позволят нам воссоздать картину ключевых событий жизни региона, привлечённые исследования других авторов и научных коллективов – сопоставить собственные выводы с уже имеющимися.

В этом проекте меня также очень привлекает используемая методология «многослойного анализа», которая базируется на принципе консолидации различных исследовательских приемов и разных баз данных. Перекрестная верификация данных проводится для того, чтобы минимизировать искажение полученной информации и последующей ее интерпретации. Многослойный анализ позволяет значительно повысить надежность полученных результатов благодаря привлечению к оценке ситуации возможно большего числа лиц, представляющих различные элитные страты. Важной в ходе

исследования должна быть ориентация на первые фигуры исполнительной власти, бизнеса, политических партий, которые являются основными действующими лицами политических, экономических и культурных процессов и обладающие наиболее достоверной информацией о происходящем в регионе.

Третье моё соображение.

В авторской концепции и в вопросах интервью (анкеты) говорится о ЖКХ. Если осмысливать эту сферу концептуально, а не просто как «следование политической моде», то станет ясно, что на самом деле реформы ЖКХ будут очень непростыми, причём желание региональных властей держать ситуацию под контролем через «своих» людей – это вполне естественно. Многие предметы ведения и вытекающие из этого полномочия достались в наследство от советской системы, хотя они сегодня анахронизмы. Например, одной из проблем выработки осмысленной политики реформирования ЖКХ является неразделенность собственно жилищной сферы и коммунальных (городских) инфраструктур как предметов регионального управления и региональной политики. Рассмотрение этой области деятельности государственных органов управления как единого комплекса – ЖКХ, доставшегося в наследство еще от системы НКВД, весьма сильно препятствует формированию нового предмета полномочий и ответственности государства, например, обеспечения на территории полной безопасности в связи с угрозами терроризма. В современном обществе технология обеспечения безопасности жизнедеятельности населения охватывает широкий круг процессов: от предотвращения террористической деятельности до отключения электроэнергии в домах и на объектах, поддерживающих нормальный ритм жизни.

Я бы хотел сказать о связи реформирования ЖКХ и улучшении качества социальной жизни в Тюменском регионе, конкретно – в Тюмени. Тюменцы взялись за восстановление своего собственного хозяйства. Как они это делают, можно судить по ходу реформирования именно ЖКХ, в чем Тюменская область продвинулась дальше остальных регионов. Ещё в 2003 г. электролинии, теплосети, трансформаторные станции передали энергетикам, ликвидировали более сотни посредников. Водопроводно-канализационное хозяйство столицы также отдано в управление Тюмень-энерго. Льготы жителям Тюменской области на оплату коммунальных услуг еще за год до монетизации льгот стали выдаваться рублем индивидуально и на квартал вперед. Сегодня губернатор Сергей Собянин заявляет о наличии в регионе внятной системы ценообразования в ЖКХ: тарифы выровнялись, в росте притормозились. Результат: если несколько лет назад отрасль приносила более 500 млн. рублей ежегодных убытков, теперь она выходит на прибыль, привлечен 1 млрд. рублей внебюджетных инвестиций. Следующий этап – это

передача в коммерческое управление всех коммунальных объектов. Вся Тюмень разбита на 260 групп домов. Впереди конкурсы на их обслуживание. В них примет участие малый и средний бизнес, управляющие компании, которым предстоит акционироваться. Возникает конкурентная среда, улучшается качество услуг. В конкурсные комиссии входят и сами жильцы.

Однако, при этом вне реального управления и регулирования остаётся целый ряд новых задач, возникших и оформившихся в качестве вызовов системе государственного управления в 1990-е годы. Речь идет не только о новых экономических процессах, ставших следствием глобализации мирового хозяйства, но и о таких традиционных предметах ведения государства, как образование и здравоохранение, ставших элементами новой общественной сферы – *капитализации человеческих ресурсов, формирования социального капитала*, научная деятельность, вошедшая в качестве составной части в национальную инновационную систему.

Глобализация актуализировала ряд новых угроз, направленных на прямое уничтожение культурных норм, в которых закреплены ценности, институциональных форм, в которых ценности воспроизводятся, и людей как физических носителей чужих ценностей. Поэтому ключевым аспектом технологий безопасности в XXI в. становится поддержание среды, в которой создаются, обращаются и используются ценности, обеспечивающие идентичность как отдельного человека, так и различных типов сообществ.

Кстати говоря, в предлагаемой концепции социокультурного портрета региона очень много об этом говорится и задаётся много вопросов, особенно по *социальному капиталу и инновационным проблемам*, что, на мой взгляд, также заслуживает концептуального уточнения.

Так, я считаю, что нужно уточнить содержание технологий управления инновационным процессом. На мой взгляд, именно технологии управления инновационным процессом сегодня являются единственным осмысленным и реализуемым основанием новой промышленной политики, стратегическим направлением диверсификации нашей экономики, преодоления её сырьевой зависимости. Без управления инновационным процессом невозможен в принципе устойчивый долговременный экономический рост. Обеспечение же инновационного цикла и процессов его воспроизводства сегодня должно рассматриваться как миссия национальной инновационной системы, включающей в себя институты гражданского общества и инфраструктуры государственного управления.

Кроме того, нужно обратить внимание на содержание самой технологии обеспечения качества человеческих ресурсов и формирования социального капитала. Переосмысление статей бюджетных расходов на традиционные здравоохранение, образование, социальную политику в новой логике мышления – логике инвестиционного процесса – меняет систему критериев эффективности государственного управления. Исчисляемыми параметрами должны стать: уровень социальной и образовательной мобильности, трудовая и культурная миграция, отношения доверия и толерантности, взаимопомощи и социокультурной солидарности. Речь идет не только и не столько о снижении или, напротив, увеличении объема социальных обязательств, сколько о разработке новой активной социальной политики, опирающейся на институты партнерства гражданского общества, бизнеса и государства.

В каких переменных это может выразиться конкретно в проекте социокультурного портрета региона – это, на мой взгляд, пока ещё достаточно дискуссионный вопрос.

Четвёртый момент.

Здесь один товарищ почему-то сильно критиковал такой эмпирический показатель, как «количество дорог с твёрдым покрытием» - с намёком на то, зачем это якобы нужно для социокультурного портрета? То, что в России две традиционные беды, этот товарищ почему-то отверг, и без всяких оснований.

Я, со своей стороны, хотел бы поддержать авторскую концепцию социокультурного портрета региона, аргументируя очень простым и сильным, на мой взгляд, тезисом: хорошие дороги – это не что иное, как неочевидный социальный показатель высокого качества жизни. Чем лучше дороги в регионе, тем – надо полагать – лучше и «социальная жизнь».

Если говорить о Тюменском регионе, то надо зафиксировать тот факт, что самое первое, что стал делать новый губернатор Сергей Собянин – так это строить качественные дороги. В Тюмени дороги стали очень ровными и очень качественными, при этом весь город – оказался в новостройках. Сегодня основная «мишень» критики властей в регионе – это формирование единой сети автодорог «юг-север». На реконструкцию «дороги жизни», как называют её у нас, дороги: Тюмень—Сургут—Уренгой—Надым—Салехард, - только в 2005 г. выделено порядка 6 млрд. рублей. Строительство же магистрали из Тюмени на Урай, Нагянь и Березовский район Югры открывает доступ к богатейшим рудным залежам Приполярного Урала. В целом, на мой взгляд, предлагаемые Н.И.Лапиным и членами его команды эмпирические переменные – достаточно продуманы и они исходят из методологии операционализации основной концепции, что нужно только всячески приветствовать.

Пятое.

Ещё я хотел бы сделать особый акцент на *экономических позициях* того или иного региона. Это связано не столько с пониманием «первичности экономики», сколько вытекает из экономико-географического положения любой области, которое играет решающую роль в формировании её хозяйства и напрямую связано с технологией пространственного развития региона.

Совершенно очевидно, что диспропорции в экономическом развитии территорий будут существовать всегда. Все различия географического и социально-экономического положения регионов, особенно в странах с большой территорией, по мере развития рыночных отношений не только не сглаживаются, но и углубляются. Именно поэтому поиск эффективных региональных моделей – не только и не столько компенсирующего, сколько стимулирующего и развивающего характера – является одним из ключевых вопросов совершенствования государственных институтов во всем мире.

Процессы согласования, а зачастую и формирования экономической политики на уровне Федерации по-прежнему идут по отраслевому принципу: каждое министерство занимается кругом вопросов своей компетенции. Это в определенной степени мешает комплексности подходов к решению проблем региона. Кроме того, до сих пор на уровне национальной экономики отсутствует стратегия, в рамках которой было бы реально совместить интересы – отраслевые и территориальные, федеральные и региональные, долгосрочные и оперативные. Сейчас я приведу пример из регионального предпринимательства Тюменского региона.

Многим известна пословица: «Тюмень – столица деревень». Однако сегодня она уже устарела. Из «столицы деревень» Тюмень превращается в разнообразно и динамично развивающийся регион.

Буквально вся экономика юга Тюменской области связана с крупнейшей нефтегазовой провинцией России — Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами: вместе они образуют сложно-составный субъект Российской Федерации. Благодаря благоприятной конъюнктуре мировых цен на нефть и нефтепродукты валовой региональный продукт прирос в 2004 году на 8%, в 2005 году ожидается – на 15%. Увеличиваются объемы промышленного производства: на 8,7% в первом полугодии 2005 года, инвестиций в основной капитал (11%), денежные доходы населения (10%). В 2004 году между Тюменской областью и округами заключен долгосрочный, до 2010 года, договор о реализации совместных проектов. Общая сумма бюджетных инвестиций — около 62 млрд. рублей. В 2004 году федерация полностью централизовала налог на добычу газа, из прежних 60% налога на добычу полезных

ископаемых в регионе осталось только 5%, отменен налог с продаж. Сергей Собянин убедил компанию ТНК-ВР перенести в Тюмень центр формирования прибыли и таким образом компенсировать часть потерь области.

Но это лишь одна деталь. Сокращение сроков согласования застроек с года до трех месяцев и упрощение процедур сделали область лидером в сфере жилищного строительства: по объемам вводимого жилья тюменцы опережают соседей по УрФО в 2-5 раз. Причем доля участия бюджетных средств – всего 10%.

Сегодня экономические возможности региональных администраций равны: везде пользуются одними и теми же рычагами — налоговыми, тарифными. Но основные экономические стимулы и риски сосредоточены не в регионах, а в федеральном центре. Поэтому в состоянии конкуренции территорий региональной администрации следует определить прорывные направления, а затем, разработав бизнес-планы, заниматься активным целевым поиском инвесторов, концентрируя ресурсы на этих направлениях. Оценивая потенциально инвестоемкие отрасли экономики юга Тюменской области, отмечают такие точки роста, как нефтедобычу, нефтехимическую переработку, деревообработку, агропромышленный комплекс, коммунальное хозяйство. Исходя из этого и разрабатывается стратегия экономического развития, спуская ее до конкретных предприятий и объектов. Это касается также малого и среднего предпринимательства. Оно будет подниматься на процессе приватизации государственных унитарных предприятий: помощь должна быть адресной и оказываться фирмам, обладающим серьезным инновационным заделом. Есть необходимость обучения предпринимателей, генерирующих оригинальные идеи, но испытывающих недостаток навыков в управлении инвестициями.

Успех также зависит и от наличия постоянного и партнерского диалога власти и бизнеса. Государство – это тоже корпорация. Эффективность чиновников — от губернатора до рядового клерка — должна измеряться в ясных цифровых критериях, дающих беспристрастное представление о динамике благосостояния населения. Всё это измеряется экономическими показателями региона.

Наконец, в проекте социокультурного портрета региона надо, на мой взгляд, обязательно использовать *рейтинги инвестиционного климата*, как и все их экономические обоснования.

Шестой момент моего выступления – последний по нумерации, но не последний по своей значимости. Я бы хотел обратить внимание на реформу местного самоуправления: это дело не только политическое, но вполне экономическое и даже денежное. И я считаю, что в социокультурном портрете региона это необходимо как-то отразить.

Дело в том, что уже лет десять обсуждается реформа этого самого местного самоуправления. И очень много говорится о том, как это должно выглядеть, зачем это нужно, почему это важно и для демократии, и для бюджета. С 1 июля 2005 г. уставы всех муниципальных образований в стране должны быть приведены в соответствие с новой редакцией федерального закона о местном самоуправлении (МСУ) № 131-ФЗ. Кто не успеет – нарушит федеральный закон.

В чём, собственно говоря, суть этой реформы, и почему говорится о возможных серьезных последствиях в регионах?

Первый этап реформы местного самоуправления — это определение границ муниципальных образований и утверждение их статуса — и он практически завершен. По данным министерства регионального развития, в России образовано 24394 муниципалитета вместо прежних 11500. Второй этап реформы: до 1 января 2006 г. предстоит перераспределить имущество между региональным и муниципальным уровнями власти, а также между старыми и народившимися муниципальными образованиями.

По данным Элеоноры Шереметьевой, президента Конгресса муниципальных образований РФ, на сегодняшний день перераспределено имущество только в 11% муниципальных образований, в 33% случаев процесс идет с трудом, а остальные и вовсе не приступали. Почему же этот процесс идет с трудом?

Вся проблема – в отсутствии подготовленных кадров для управления новыми муниципальными образованиями, в привлечении готовых специалистов. Этот дефицит оценивается примерно в 500 тыс. муниципальных служащих – управленцев и финансистов.

Предполагалось, что реформа местного самоуправления приведет к более детальному разграничению сфер ответственности между уровнями власти, к более эффективным механизмам выравнивания, к большей прозрачности и к большей самостоятельности муниципальных образований. Предполагалось, что вместо одного уровня местной власти будет введено два уровня. Каким образом это может выглядеть, мы видим на примере Ставропольского края и Новосибирской области.

В Ставропольском крае фактически уже выполнены все требования реформы: с точки зрения качества управления, подготовки к требованиям муниципальной реформы, это один из лидеров РФ. Фактически там уже созданы муниципальные образования двух уровней, у них есть свои собственные бюджеты, ведется активнейшая подготовка персонала.

Если мы сейчас посмотрим на эту проблему шире, то увидим, что множество новых законов, связанных с рынком доступного жилья, с регистрацией прав на недвижимость, на землю, с налогообложением недвижимости и земли, - были завязаны, в том числе, на муниципальную реформу. Всей этой работой, соответственно, должны были заниматься на этих низких уровнях. И вся огромная законодательная работа, которая проводилась последние несколько лет, связанная со стыковкой этих законов в абсолютно разных областях, теперь оказывается «подвешенной», и непонятно, что будет происходить.

В соответствии с новой версией Бюджетного кодекса местным властям остается только часть подоходного налога, земельный налог и налог на имущество физических лиц. Этого для выживания явно не хватит. А раз так, то посреди массы экономических проблем вырастает другой важный вопрос: станет ли власть ближе к народу в результате реформы? Возникает законный вопрос: будет ли в этих условиях народ больше доверять своей власти? А если недоверие примет тотальный характер — чем обернутся перечисленные проблемы?

Кстати сказать, именно об этом говорил Владимир Путин на заседании Совета законодателей 13 апреля 2005 г. в Москве: «У населения есть недоверие к власти, поскольку люди не чувствуют реальной связи с органами управления. Реформа местного самоуправления направлена на преодоление этого разрыва».

Как видим, реальных проблем здесь возникает великое множество. Хотя сегодня в большинстве столичных городов Урала и Западной Сибири глав городов пока еще выбирают. Но видно, что на авансцену выходят идеологи подчинения муниципалитетов властям высшего уровня, ссылающиеся на целесообразность достройки «вертикали власти».

Региональные власти используют новый закон о местном самоуправлении либо для встраивания муниципалитетов в централизованную систему государственной власти, либо для окончательного устранения населения из процедуры выборов руководства муниципального образования. Отсюда возникает «фактическая двойственность» этой реформы. С одной стороны, мы слышим, как глава государства призывает региональные и местные органы власти добиваться доверия населения. С другой стороны, видим, как реализуются схемы, по которым оно еще больше отчуждается от управления городами. Централизация власти во имя экономического успеха – цель, можно сказать, благородная. Но тогда не надо называть представителей государственной власти «местным самоуправлением».

Ведь сущность самоуправления в том, чтобы служить противовесом государственной власти, а не быть её нижним этажом. На сегодняшний день проблема

местного самоуправления заключается по-прежнему в большой степени централизации, когда все ресурсы распределяются сверху. Регионы или муниципальные образования не знают, какой у них будет объем доходов и расходов, потому что им спускается всё это сверху, часто происходят изменения и нет уверенности, что доходы и расходы будут сбалансированы, а это принципиально важно, потому что может возникнуть ситуация, и она часто возникала в прошлом, когда делегируемые обязанности оказываются больше возможностей. То есть, расходы оказываются больше доходов, возникает дефицит, иногда структурный дефицит, который покрывается за счет заимствований, непонятно, как эти заимствования потом будут возвращаться, если структурный дефицит существует на протяжении длительного периода времени, - вот в чем большая проблема.

Другой момент местного самоуправления связан с тем, что у регионов слабая финансовая автономия, то есть они не могут достаточно быстро увеличить объем доходов либо сократить объем расходов. Многие расходы регулируются федеральным законодательством. Например, повышение зарплаты активно поддерживается федеральным правительством, и регионы вынуждены за счет своих средств повышать доходы своих бюджетников. С этой проблемой регионы столкнулись, в конечном счете, при реализации закона о монетизации льгот. Мы знаем, к каким последствиям привела монетизация льгот.

И, наконец, последнее, что я хотел бы ещё сказать. В настоящее время, на мой взгляд, региональная централизация усиливается путём ужесточения вертикали власти, и я сильно сомневаясь в «демократичности» предлагаемой модели. Введение института управляющих не уравнивается созданием механизмов обратной связи. В регионах должны существовать активные некоммерческие организации, независимые СМИ, общественные бюджетные комитеты, территориальное самоуправление, гласность администрации, открытый и прозрачный бюджет, различные выборные органы местного самоуправления: не только службы федерального казначейства, федеральной счетной палаты, но и региональное казначейство, региональная счетная палата. Тогда только можно говорить о реальной демократичности.

Что касается действительных связей между российскими регионами, то в результате строительства этой, казалось бы, железной сетки вертикальной власти, которая их стягивает и стягивает, на самом деле политическая система постепенно разрушается. И мы снова и снова к этому возвращаемся, потому что региональная вертикаль – это крайне необдуманный шаг. Это попытка заменить сложное – примитивным. А пока что федеральное правительство перечисляет дополнительные средства на региональный

уровень, то есть по факту оказалось, что объемы расходов, которые необходимо нести регионам, больше, чем планировались.

Сейчас финансовая ситуация в стране такая, что есть возможность перечислять дополнительные доходы регионам и, таким образом, балансировать доходы и расходы. Но при этом регионы, не говоря уже о муниципальных образованиях, не могут, например, найти или не обладают в полной мере возможностями для того, чтобы самим изыскивать какие-то источники доходов. В этом смысле многие ожидали определенного позитива от реформы местного самоуправления, на это она и была направлена. Ожидалось, что гибкость доходной базы на местном уровне должна несколько вырасти, что позитивно сказалось бы на рейтингах муниципальных образований и регионов: это снизило бы объем перечислений с регионального на местный уровень и регионы получили бы достаточный объем доходов для реализации других задач.

Мне кажется, что все эти актуальные проблемы реформы местного самоуправления в проекте социокультурного портрета региона надо тоже как-то отразить и зафиксировать с тем, чтобы потом можно было сравнивать различные регионы друг с другом и по этим параметрам.

О ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА Е. А. Когай (Курск)

В современном социологическом знании набирает силу новое направление – социология быстрого реагирования. Результаты социологических опросов, включающие десятки и сотни показателей, компьютерные технологии сводят к нескольким стержневым показателям, на основе которых, далее, принимаются решения. Разрабатываемые и апробируемые методики выявляют ключевые переменные, параметры порядков в общественном сознании, которые характеризуют ведущие направления изменений, прежде всего, изменений ценностного характера.

Ценностями могут выступать предметы или идеи, в отношении которых индивиды занимают позицию оценки, придают им важный статус в своей жизни, ощущают как необходимость стремление к обладанию ими. Система ценностей социальной группы или общества в целом включает в себе концентрированный опыт взаимодействия с окружающей средой, опыт, способный обеспечивать удовлетворительную адаптацию к изменению этой среды. Ценностям присуща, как правило, ориентация на прошлое

развитие социальной системы, на издавна существующие принципы, традиции, нравы, образцы поведения, которые обеспечивают пассивную адаптацию к относительно стабильному состоянию социального и природного окружения. Однако сегодня, когда темпы изменения среды жизни человека значительно ускорились, этой пассивной адаптации оказывается недостаточно для обеспечения устойчивости человеческого существования как на индивидуальном, так и на более высоких уровнях. Поэтому насущной потребностью становится необходимость социологического исследования скрытой от наблюдателя эволюции *субъективных мнений*, перехода их в реально значимые факты социокультурного развития, необходимость тщательного анализа динамики смещения ценностей общества и отдельных социальных групп, — ценностей, способных занять значительное место в выборе альтернатив будущего социального развития. Ценностные изменения далеко не всегда очевидны для стороннего наблюдателя, вместе с тем, они перманентны. Фактически они составляют неконцептуализированную основу происходящих социальных трансформаций. И лишь при осуществлении непрерывной аксиологической рефлексии над осуществляющимися изменениями и сдвигами ценностных ориентаций сами ценностные системы, в свою очередь, способны выполнить интегрирующую функцию в социальном развитии.

Важным шагом реализации социологии быстрого реагирования в гносеологическом и аксиологическом измерениях является, на наш взгляд, разработка программы «Социокультурная эволюция регионов России». Реализация данного проекта предполагает использование исходных типовых методик и подходов, позволяющих «подвести под общий знаменатель» многообразие общественных процессов и тенденций социокультурного развития, выявляемых в различных субъектах Российской Федерации. Проект нацеливает исследователей на аналитическое представление ключевых аспектов социальной жизни региона – населения, организаций и социальных групп, представленных как в контексте объективного положения вещей, так и сквозь призму субъективного восприятия населения региона.

Исходными методологическими основаниями данного исследования предстают сочетание проблемно-аналитического и институционально-ориентированного подходов, системность, сопоставимость как единство типовых индикаторов и методики получения эмпирических данных, самоорганизация и самодостаточность, универсализация ключевых (кодовых) показателей.

Каким видится участие курских социологов в рамках претворения в жизнь данного проекта? Прежде всего, полагаем, требуется глубокий анализ статистического материала и проведение пилотажного полевого социологического исследования с использованием типовой методики для получения исходного эмпирического материала по Курску и районам Курской области. Полевое исследование предполагает проведение анкетного опроса руководителей различных структурных подразделений города и области, интервьюирование экспертов – ученых и специалистов – по основным направлениям развития региона, а также анкетный опрос населения – по методу квотной выборки. Проведение такого исследования позволит воссоздать объективную наличную социальную ситуацию, выявить проблемные точки социокультурного развития нашего региона, сравнить положение нашего региона по отношению к прилегающим регионам, определить социальный статус региона и т.п. Обозначенные вопросы являются ключевыми составляющими проекта, курируемого ЦИСИ ИФ РАН.

Вместе с тем, думается, что ограничиться таким срезом явно недостаточно. Выполнение социологического регионального исследования, на наш взгляд, может стать исходной точкой в дальнейшем *продвижении* социологического, точнее, социокультурного портрета нашей области – портрета, акцентирующего внимание на *позитивных тенденциях*, способствующих повышению имиджевой и инвестиционной привлекательности Курского региона.

Исходные теоретико-методологические предпосылки для движения в данном направлении прослеживаются в работах О.И. Генисаретского. Так, в частности, этим автором был разработан и предложен интересный проект – «Имидж территории в различных инвестиционных программах». В чем состоит его исходная идея? Население города и области – это некоторое сообщество, проживающее на определенной территории и идентифицирующее себя с ценностями, традициями, стереотипами. Проблема *культурной идентификации* россиянина как такового для социолога сегодня представляет существенную трудность. Вместе с тем для того, чтобы серьезно заниматься моделированием социально-политического и экономического устройства населения региона и российского общества в целом, следует более серьезно разобраться, в каком социуме мы живем, выявить определенный тип и уровень развития общей, национальной, а также деловой культуры. И если процесс самоидентификации русского человека в современной России происходит крайне болезненно, то важно отметить, что идентификация через *локальность* (когда в качестве оснований принимаются ценности дома и малой родины) является важным этапом в процессе *личностного самоопределения*.

Заметим, что именно *идентификация социального и культурного плана* представляет собой существенный ресурс местного развития. Чем большее количество людей увязывают свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с совместным проживанием в данном месте, тем большей они обладают пассионарностью и соответствующими ресурсами для составления и претворения в жизнь программ развития.

Хотя Курск и является областным центром, он, тем не менее, в значительной степени представляет собой город, в жизни населения которого большое значение имеют структуры повседневности. В работе И.Т. Касавина и С.П. Щавелёва «Анализ повседневности» проводится социологическое различие четырех уровней повседневности. Это: 1) уровень теоретико-идеологический, который нацелен на адекватное воссоздание повседневной реальности; 2) воспроизводство сознания соответствующими социальными механизмами, часто компенсаторными; 3) многообразие повседневных форм сознания, воссоздающих богатство повседневной реальности, наконец, 4) сама повседневная реальность, сохраняющая вопреки всему и вся свой жизненный потенциал [2, с.249-250]. При выявлении социокультурной специфики Курского региона предлагается сделать акценты именно на третьем и четвертом уровнях. Такой подход при разработке проектов изменения облика и соответственно имиджа области нацеливает на учет вопросов, касающихся понимания самоценности региона для самих горожан. Для жителей Курска – это ориентация на поддержание природной и культурно-экологической уникальности города; осознание необходимости создания в городской среде некоторого инновационного пространства; признание важности сохранения и развития человеческого потенциала города; наконец, понимание значения развития технологической, коммуникационной и социально-организационной инфраструктур.

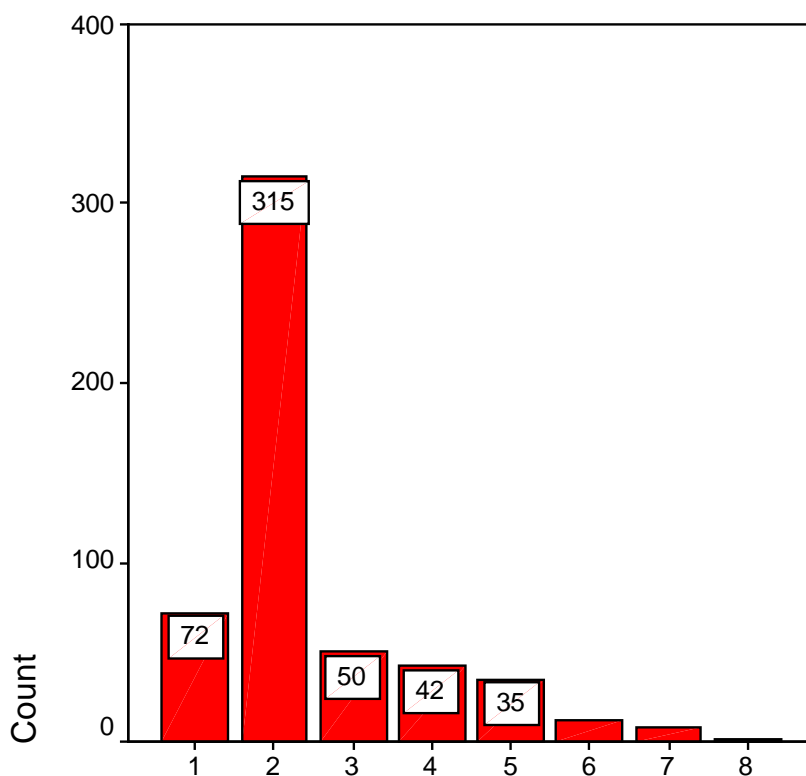
Для жителей Курской области, проживающих в сельской местности, акценты будут несколько иными. Как показали результаты социологического исследования, проведенного сотрудниками социологической лаборатории Курского государственного университета в Льговском районе Курской области, для жителей сел на первый план выходит проблема занятости, трудоустройства, проблема востребованности потенциала личности, ее профессиональных качеств. В ряде районов Курской области фиксируется снижение темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, как следствие, происходит уменьшение потенциала рынка труда. Примечательно при этом, что сельское население, оставшееся в значительной степени без работы и, соответственно, практически без средств к существованию, тем не менее, продолжает «несмотря ни на что, надеяться на

лучшее». Опрос 535 респондентов, представляющих население города Львова и Львовского района, показал: 59 % опрошенных продолжают надеяться на лучшее (отрадно, что среди безработных этот процент немногим ниже – 54 %), 13 % твердо уверены в своем будущем и лишь 9 % заметили, что они не испытывают надежд на лучшее в жизни (среди безработных, правда, доля пессимистов выше – 21 %). Распределение полученных ответов наглядно представлено на рис.1.

Среди ценностных приоритетов, выделяемых сельским населением, на первый план выходят ценности семьи, здоровья, материального благополучия и уверенности в завтрашнем дне. Вместе с тем в сфере сельскохозяйственного производства, гарантирующего продвижение двух из обозначенных ценностей, в целом прослеживается тенденция усиления напряжения. И это в регионе, который снискал славу благодаря именно умелому ведению сельского хозяйства! Очевидно, необходима выработка соответствующих экономических программ, развертывание новых производств, поддерживаемых государственными инвестициями, создающих новые рабочие места и задающих действительную перспективу социально-экономическому развитию сельских районов.

На наш взгляд, разработка социокультурного портрета региона позволяет увязать воедино программы социально-экономического и культурного развития региона, инновационные проекты преобразования этого региона с особенностями образа жизни его населения, а также оказывается способной нацеливать на выявление, а затем на преодоление и, надеемся, на разрешение «нестыковок» различного характера, на выработку соответствующей социокультурной политики.

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Какие из данных позиций соответствуют Вашему нынешнему жизненному настрою?»

120

- 1 Твердо уверен в лучшем будущем
- 2 Несмотря ни на что, продолжаю надеяться на лучшее
- 3 На лучшее в жизни уже не надеюсь
- 4 Доволен тем, что есть
- 5 День прошел и, слава Богу
- 6 Мне уже в жизни ничего не надо
- 7 Не знаю, как жить дальше
- 8 Нет ответа

Как пишет О.И. Генисаретский: «Политика сама есть не что иное, как установление ценностных связей. Связей того, что в общественном сознании уже понято как связанное, а в горизонте социальных институтов, традиций и функций остается все еще не связанным, не приведенным в ценностно осмысленный и действующий порядок. Политика – это связанность гражданской жизни через ценностное сознание, понимание и оправдание, а также через решающий ценностный выбор, устройство и обитание» [3].

Социологически обоснованная и ценностно ориентированная политика, поддерживаемая на федеральном уровне и проводимая региональной управленческой

элитой, способна преодолеть тот «космополитизм» (добавляемый к особенностям русского национального характера), который навевается сегодня современными западными стандартами. Как признают сами американские социологи, для космополитов такие понятия, как «местоположение» и «место» становятся абстрактными, расплывчатыми и условными реальностями [4]. В фантастическом рассказе Пола Андерсена сформулировано, на наш взгляд, важное аксиологическое положение о том, что принцип обескоренения не является сам по себе универсальным. Следование образцам западной культуры, справедливо напоминает он, при всей притягательности западного уровня жизни, способно привести к исчезновению отличительных форм местной культуры и образа жизни [5]. Следует ли превращать свой регион в придаток чужой культуры?..

Сегодня в условиях, когда нарастающими темпами идет процесс культурного нивелирования, утраты национального разнообразия, потери этнической идентичности, и соответственно утверждения единообразия и однородности культурной среды, вполне правомерна постановка вопроса о необходимости выявления законов и тенденций естественного развития социально-культурных целостностей, каковыми являются регионы России и, в частности, наш Курский край, а также выработки соответствующих стратегий поддержки функционирования и развития этих целостностей. При этом, полагаем, оказывается важным уяснение и претворение в жизнь конструктивной установки, сформулированной тем же О.И. Генисаретским: при любых экономических и социокультурных обстоятельствах следует отстаивать такую стратегию поведения, которая бы служила *усилению этнокультурной идентичности*, а не ослабляла ее. Лишь в этом случае можно вести речь о действительных перспективах развития Курского края, о создании в социологическом портрете региона позитивного и инвестиционно привлекательного имиджа.

Литература

1. *О.И. Генисаретский*. Проблемы культурной идентичности и практический смысл формирования внутреннего и внешнего образа территории // www.procept.ru/doclady/1998-11-25-kult_identi4nost.htm
2. *И.Т. Касавин, С.П.Щавелев*. Анализ повседневности. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.
3. *О.И.Генисаретский*. Еще раз о средовом проектировании и проектности культуры (заметки по ходу дела) // www.procept.ru/publications/eshe_ras.htm
4. *Д.Д. Хантер, Д.Йейтс*. Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация: культурное разнообразие а современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.341-377.
5. *П. Андерсен*. Рука помощи// Фандет экспресс. Вып. 4, 1991. – С.111-126.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ

Г.А. Котельников, И.А. Гричаникова (Белгород)

Культурная политика, осуществляемая в России с девяностых годов XX века, ориентирована на демократические принципы построения гражданского общества и правового государства, на развитие свободных рыночных отношений и конкуренции в экономике и других сферах. Когда мы говорим о культурной политике, мы неизбежно констатируем зависимость культуры от государства, подразумеваем рычаги воздействия или влияния государства на духовную жизнь общества. Но нельзя не видеть, что и государство зависит от культуры. «Сегодня ясно, – пишет В.М. Межуев, – что зависимость государства от культуры не меньшая, чем от экономики. От характера господствующей в обществе культуры во многом зависят тип государственного устройства, политические нравы и отношения» [7, с. 11]. Данное положение следует учитывать при анализе специфики социокультурной ситуации в регионах. Чем один регион отличается от другого? Во многом и тем, как сложившаяся исторически социокультурная ситуация преломляется в его экономической и общественной жизни, сказывается на характеристиках человеческого потенциала.

Современная культурная политика российского государства объективно объединяет и интегрирует сложный комплекс федеральных и региональных целевых программ, обслуживающих социокультурное пространство как страны в целом, так каждого из ее регионов. Соотношение социокультурного пространства страны и региона можно представить, с одной стороны, как соотношение целого и его части, с другой стороны – как соотношение общего и особенного. Культурная политика государства в таком контексте может быть успешно реализована только при условии надежно действующей обратной связи, а также постоянного отслеживания и анализа реальных ситуаций в этой сфере методами современной науки.

В последние годы некоторые философы и социологи выдвинули идею проведения комплексных исследований динамики социокультурного развития регионов России. В 2000г. член-корреспондент РАН Н.И.Лапин обосновал необходимость осуществления междисциплинарного проекта «Социокультурный карта России». Затем проект был поддержан РГНФ и руководством ряда регионов. Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (Н.И. Лапин, Л.А.Беляева) совместно с Центром социологических исследований МГУ (С.В.Туманов, А.А.Ионов) приступили к подготовке теоретической базы и типовой методики исследования.

Под социологическим портретом региона (предмет исследования) понимается комплексная социально-экономическая и социокультурная его характеристика, основанная на данных статистики и междисциплинарных исследований при ведущей роли социологии. Регион, рассматриваемый как социально-территориальная структура или общность, которая выступает в качестве объекта исследования, в данном случае совпадает с понятием субъекта Российской Федерации. Цель исследования – дать развернутую социологическую характеристику региона, которая, с одной стороны, была бы полезна его администрации, руководителям учреждений и предприятий, политическим деятелям, научным работникам, преподавателям и, с другой стороны, была бы полезна государству в интересах корректировки его культурной политики. В итоге Портрет мог бы стать началом социальной биографии региона.

Описание характеристики портрета региона по указанным разделам готовится на основе следующих источников информации: а) статистические данные федерального и регионального уровней (например, данные сборников «Регионы России», переписей населения), б) данные различных ведомств региона (начиная с 1990 года), в) документы органов управления регионом, г) материалы СМИ и архивов, д) данные социологических исследований, проведенных в прошлом, е) результаты опросов, которые будут осуществлены при реализации данного проекта.

В ходе решения задач данного социологического исследования должны быть выявлены: 1) социальные преимущества и комплексные социальные проблемы региона; 2) отношения между центром и регионом; 3) явные и латентные социальные функции региона; 4) определена динамика места конкретного региона среди других регионов России по индексу развития человеческого потенциала – ИРЧП; 5) дана оценка состояния трудовых ресурсов и системы подготовки населения для развития экономики региона; б) представлена характеристика социальной стратификации и мобильности с точки зрения ее продуктивности для дальнейшего развития региона, 7) дана общая оценка социального самочувствия населения в контексте тенденций изменения уровня и качества жизни населения за годы реформ на общероссийском фоне, 8) сделаны выводы о характере связи между типологией жителей по структуре накопленного культурного капитала и его использованием в инновационной деятельности населения, 9) показаны преимущества и актуальные проблемы государственного регулирования и самоуправления в сфере социальной жизни региона. Общие выводы должны характеризовать социальные преимущества и проблемы региона, тенденции и перспективы его социокультурного развития.

При рассмотрении социокультурного пространства региона мы также используем положения, выдвигаемые Г.А.Аванесовой и О.Н.Астафьевой в книге «Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика» [1], в монографии О.Н. Астафьевой «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов». Автор последней работы трактует социокультурное пространство как форму бытия духовности, материальной и социальной предметности, имеющую временную протяженность и постоянно находящуюся в динамике. [2, с. 73] Это позволяет определить социокультурное пространство региона как систему духовно-познавательных ценностей и культурных смыслов, в рамках которой функционирует, развивается и интегрируется местное сообщество.

В социокультурном пространстве страны и регионов действуют социальные институты, регулирующие и нормирующие процессы взаимодействия людей в нем. Влияние на эти социальные институты осуществляется путем управленческого воздействия как по вертикали, так и по горизонтали - в процессе функционирования структур самоуправления, общественной самоорганизации и саморегулирования. Изучая вертикально-горизонтальную структуру взаимодействия институтов управления и самоуправления в сфере культуры, полезно вместе с В.Ж. Келле поразмышлять над вопросом: каким образом культура наиболее действенно и продуктивно может участвовать в возрождении России и ее регионов? [4, с. 58]. Ответ на этот вопрос он видит в проверке гипотезы о том, что требуемые для России постиндустриальная модернизация и инновационное развитие возможны только при условии непрерывного усиления интеллектуальной составляющей культуры.

Методологическими основаниями исследования служат положения о социетально-деятельностном подходе и его принципах, сформулированных Н.И. Лапиным в статье в журнале «Вопросы философии» [6]. Он пишет, что «социетально-деятельностный подход – это понимание социума как органичной целостности, которая, как правило, порождается противоречивыми действиями/взаимодействиями социальных акторов и подвержена угрозам риска» [6, с. 22]. В рамках этого подхода и его принципов он рассматривает интегральные измерения социума. На основе их совокупности складывается интегративное ядро социума – социетальное сообщество. Ему присущи социетальные функции, структуры и процессы, а также оси коммуникации и рефлексии. Последняя имеет два взаимопроникающих вектора: анализ и синтез. Анализ обращен в сторону функции жизнеобеспечения и реализуется при решении любых задач, связанных с витальными потребностями человека. В синтезе реализуется функция целеполагания, сопряженная со смысложизненными потребностями индивида и регионального

сообщества людей [6, с. 24-25]. Это предполагает исследование динамики накопления культурного капитала населения в регионе и методов его использования.

В качестве одного из методологических подходов изучения социокультурной реальности Э.А.Орлова предлагает метод, ориентирующийся на движение от описания социокультурных процессов, обусловленных совместным существованием людей, к их объяснению. Она предлагает концепцию социокультурной реальности, сочетающую в себе социологическую и культурно-антропологическую позицию и базирующуюся на феноменологических основаниях [9, с. 72]. Отсюда и выдвигаемые ею параметры культурного измерения социокультурной реальности, которые мы считаем возможным использовать в исследовании.

Альтернативным методом междисциплинарного исследования общего и особенного в социокультурной динамике региона может служить разрабатываемый нами социолого-синергетический подход. Его основу составляют следующие концептуальные положения:

во-первых, в рамках общесоциологической теории общество и культура рассматриваются в органическом единстве с природой, в динамике коэволюционного развития с ней;

во-вторых, признаётся возможность экстраполяции на общество и культуру теоретико-методологических положений синергетики, в частности, закономерностей самоорганизации в открытых нелинейных системах и диссипативных процессов, характеризующих механизмы выкристаллизовывания порядка из хаоса;

в-третьих, анализ динамических состояний социальных систем опирается на принципы нелинейного мышления с использованием бифуркационных моделей развития и соответствующих показателей;

в-четвёртых, разрабатываются процедуры эмпирической проверки методами социологии и с помощью её инструментария перспективных идей и гипотез социокультурной динамики, основанных на синергетическом мировидении и нелинейном мышлении.

Социолого-синергетический подход базируется не только на приведённых выше концептуальных положениях, но и означает активное использование в изучении характеристик социокультурного пространства региона качественно новых способов и методов анализа. В их основу закладывается вся система показателей шкалы измерений и индикаторов, специальные методики, на которые опирается социальная синергетика. [5. с. 93-94]

Общая характеристика особенностей социокультурного пространства Белгородского региона как объекта предстоящего исследования складывается из ряда базовых,

объективных показателей, которые в значительной мере определяются его историей, географическим положением и природно-климатическими условиями, состоянием экономики, социальными и культурными факторами. Предварительный анализ этих показателей позволяет следующим образом обрисовать специфические черты региона.

Во-первых, область как самостоятельная административно-территориальная единица существует на карте России немногим больше пятидесяти лет (с 1954 г.), а до этого входила в состав Курской области.

Во-вторых, она является пограничной территорией Российской Федерации: граничит с Сумской, Харьковской и Луганской областями Украины. Общая протяженность государственной границы – 540 км. Приграничное положение области способствует интенсивному развитию внешнеэкономической деятельности.

В-третьих, имеет мягкий умеренно-континентальный климат и входит в черноземную зону, располагает значительными минеральными ресурсами, прежде всего большими запасами известняка (мел, мергель, суглинки) и особенно железной руды (Курская магнитная аномалия).

В-четвертых, экономика области опирается не только на развитое сельское хозяйство, но и на добычу, переработку железорудного сырья, производство цемента, стройиндустрию, развитую транспортную сеть. Протяженность железнодорожных путей общего пользования составляет более 700 км., а автомобильных дорог с твердым покрытием – около 9000 км.

В-пятых, население области в основном представлено русскими (3/4) и украинцами (около одной четверти), остальные народы России имеют незначительные диаспоры. В конфессиональном плане наблюдается абсолютное преобладание православия.

В-шестых, в социокультурном аспекте за последние пятнадцать лет обозначился существенный рост человеческого потенциала. Повысились его характеристики по образованию и квалификации работающего населения, по уровню подготовки специалистов в средних специальных учебных заведениях и вузах, по обеспечению учреждениями культуры и отдыха. Необходимо отметить солидную исследовательскую базу в учреждениях науки и вузах. Всего в области имеется шесть государственных вузов и десять коммерческих вузов и филиалов. Общая численность студентов в этих вузах составляет около 40 тыс. человек. Среди вузов выделяются по своему значению, материально-технической базе, профессорско-преподавательскому составу и количеству обучающихся студентов Белгородский государственный университет (БелГУ), Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова (БГТУ), Белгородский университет потребительской кооперации (БУПК), Белгородская

государственная сельскохозяйственная академия (БГСХА), Белгородский юридический институт МВД РФ (БЮИ), Белгородский государственный институт культуры (БелГИК).

В Белгородской области накоплен определенный опыт исследования региональных социокультурных процессов в историческом, философском, культурологическом и социологическом аспектах, который может быть использован при подготовке и проведении исследований в целях подготовки социологического портрета региона [8, 10]. Имеется и достаточное количество высококвалифицированных специалистов в области культуры. Их подготовка с 1998 года ведется в Белгородском государственном институте культуры.

Осуществляется подготовка гуманитариев высшей квалификации (докторов и кандидатов наук). В Белгородском государственном университете на постоянной основе функционируют шесть диссертационных советов. В их числе диссертационный совет Д 212.015.02, на котором защиты идут по специальностям: 22.00.08 – социология управления и 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни. Есть и диссертационный совет по философии, где защищаются кандидатские диссертации по специальности 24.00.01 – теория и история культуры. К настоящему времени в вузах области работает около шестидесяти докторов социально-гуманитарных наук (философов, социологов, экономистов, историков, политологов, правоведов) и более двухсот кандидатов наук. К ним надо добавить примерно такое же количество докторов и кандидатов по педагогике, психологии, филологии и т.д. Эти специалисты составляют элиту гуманитарной интеллигенции региона и способны на высоком научном уровне реализовать проекты, связанные с исследованием динамики социокультурного развития региона и составлением его социологического портрета.

Исследование социокультурной динамики Белгородского региона предполагается проводить силами преподавателей и сотрудников кафедры социологии Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова. Исследование будет проведено в соответствии с методологией и методикой, определенной организаторами и участниками конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» в ИФ РАН. Одновременно с этим в исследовании мы намерены использовать теоретико-методологические наработки и опыт, имеющийся на кафедре социологии. Эти наработки и опыт определяются тем, что коллектив кафедры многие годы работает по синергетической тематике в направлении диагностики и прогнозирования социальных процессов, активно сотрудничая в проведении социологических исследований с ЦСИ МГУ и Социологическим центром РАГС при Президенте РФ.

Научный потенциал кафедры социологии БГТУ им. В.Г. Шухова определяется ее профессорско-преподавательским составом. На кафедре работают на полную ставку 16 преподавателей. Из них по одному доктору социологических и философских наук, шесть кандидатов социологических наук, два кандидата исторических и один кандидат философских наук. Четыре доцента кафедры работают над докторскими диссертациями. Кафедра имеет аспирантуру по социологии, где постоянно обучаются 30-40 аспирантов и соискателей, 4-6 из них ежегодно выходят на защиту. В составе кафедры с февраля 2001 года функционирует социологическая лаборатория, а с ноября 2003 года - Научно-исследовательский институт синергетики. Кафедра и ее структуры ежегодно выпускают сборники научных трудов: «Диагностика и прогнозирование социальных процессов» (Сборник научных трудов кафедры под ред. проф. Г.А. Котельникова), «Формирование личности молодого специалиста» (Ежегодный бюллетень социологической лаборатории под ред. проф. И.А. Ильевой), «Актуальные проблемы синергетики и организации междисциплинарных исследований» (Сборник материалов постоянно действующего семинара НИИ Синергетики под ред. проф. Г.А. Котельникова). С 2000 года проведено три международные научные конференции, по итогам их работы издано девять сборников материалов общим объемом более 100 п.л. Преподавателями кафедры опубликованы 12 монографий и 14 учебных пособий.

Научная деятельность кафедры и ее подразделений характеризуется высоким динамизмом и продуктивностью. Выполняются программы, связанные с фундаментальными и прикладными исследованиями по грантам и хоздоговорам. Их общий объем в 2004 году составил около 470 тыс. рублей. К научной работе привлекается студенческий актив. Студенты университета под руководством преподавателей кафедры ежегодно выигрывают конкурсы на областном и общероссийском уровнях, а в 2005 г. студентка третьего курса Е.В. Япрынцева (научный руководитель проф. Г.А.Котельников) была отмечена почетным дипломом на Международной выставке студенческих работ «Exprociencias internacional – ESI–2005» в Сантьяго (Чили).

Всесторонняя и плодотворная деятельность кафедры по достоинству оценена ректоратом и Ученым советом университета. Решением Ученого совета коллектив кафедры включен в состав 10 наиболее авторитетных в своей области научно-педагогических школ, возглавляемых ведущими учеными университета и устойчиво показывающих высокие показатели по всем направлениям работы.

Таким образом, приведенные данные показывают, что кафедра социологии, с одной стороны, располагает достаточным кадровым потенциалом и ресурсами, необходимыми для осуществления комплекса исследований общего и особенного в

социокультурной динамике региона. С другой стороны, она олицетворяет собой частицу истории и современной социокультурной реальности Белгородчины, которая по индексу развития человеческого потенциала (0,722–0,780) находится во второй когорте (выше среднего), занимая 10-е место среди всех российских регионов.

Белгородская область, являясь типичным регионом юга средней полосы Европейской России, в то же время уникальна по историческим, географическим и вытекающим из них экономическим и культурным показателям. Ее социологический портрет будет представлять важный компонент в мозаичной картине, образующей социокультурную карту России, где можно увидеть как конкретизацию общего, так и всё разнообразие особенного.

Литература

1. *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М.: Изд-во РАГС, 2004. – 424 с.
2. *Астафьева О.Н.* Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы: Монография. – М.: Изд-во МГИДА, 2002. – 295 с.
3. *Востряков Л.Е.* Региональная культурная политика: взгляд из регионов // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира: Материалы III Международной научной конференции. Выпуск 3. Электронная культура и новые гуманитарные технологии XXI века / Под ред. К.Э. Разлогова и Ю.М. Резника. – М.: Издательство «Независимый институт гражданского общества», 2004. – С. 313-225.
4. *Келле В.Ж.* Об одном методологическом принципе анализа культуры // Личность. Культура. Общество. – 2004. – № 4. – С. 52-61.
5. *Котельников Г.А.* Теоретическая и прикладная синергетика. – Белгород: Крестьянское дело, 2000. – 162 с.
6. *Латин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. – 2005. – № 2. – С. 17-29.
7. *Межуев В.М.* Государство и культура // Социология власти. – 2005. – № 1. – С. 11-18.
8. Материалы научно-практической конференции «Белгородская область: 50 лет на карте России». – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 114 с.
9. *Орлова Э.А.* Методологические проблемы изучения социокультурной реальности // Личность. Культура. Общество. – 2004. – № 4. – С. 72-78.
10. Социокультурная динамика региона: Сборник научных трудов. Выпуск 2. / Под общ. ред. проф. И.А. Ильевой, доц. С.И. Курганского. – Белгород: БелГИК, 2003. – 396 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОСТАВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА*

Н.А.Несевря, Е.Б. Плотникова (Пермь)

Разрушение единого политического и экономического пространства Советского Союза изменило не только геополитическое положение страны, но и явилось толчком существенных преобразований внутри общества. Последние пятнадцать лет характеризовались для России активными процессами децентрализации, в результате чего регионы стали полноценными субъектами политического и экономического развития, которые практически самостоятельно формулируют основные направления собственной политики. В этой связи разнообразные общественные процессы, протекающие в регионах, стали предметом изучения целого ряда дисциплин. В рамках общей социологии также сформировалась специальная частная отрасль, занимающаяся анализом природы региона как социально-территориальной общности, а также закономерностей его социального воспроизводства, получившая название социологии регионов.

В отечественной социологической науке на сегодняшний день сложилось достаточно устойчивое определение региона как социально-территориальной системы, внутренне дифференцированной социально-территориальной общностиⁱⁱⁱ. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, определенным уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктурой, регион в то же время характеризуется спецификой социальной структуры и инфраструктуры, а также образа жизни населения^{iv}. Чаще всего понятие региона применяется к субъектам Российской Федерации в масштабах республик, областей, краев и автономий.

Российские регионы существенно отличаются друг от друга и по уровню экономического развития, и по степени обособления от центра, и по интенсивности и специфике социальных процессов. Институциональные преобразования в современной России имеют различные особенности и выраженности на региональном уровне. В регионах различного типа становление многих социальных институтов политической и социальной сферы осуществляется по различным сценариям. Это закономерно, поскольку регион является особой органической частью общества, которая, с одной стороны, развивается по его законам, с другой – имеет определенную специфику. В этой связи представляется крайне важным выявить особенности сформировавшихся сегодня в России

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-03-82302а/У).

региональных образований, определить их общие и отличные черты, составить социологические портреты.

Достаточно много исследований посвящено анализу сходств и различий российских регионов как в рамках социологии, так и в рамках экономической географии, политологии, региональной экономики. Однако результаты этих исследований мало сопоставимы, фрагментарны и не всегда могут служить базой для глубоких выводов, или, более того, для корректировки проводимой властью политики. Построение социологических портретов регионов позволило бы обеспечить комплексный подход к рассмотрению особенностей данных образований, дало бы возможность их адекватного сравнения.

Следует отметить, что понятия «социологический портрет», «социальный портрет» используются в отечественной социологии еще с 1970-х годов, когда было популярно разрабатывать портреты представителей определенных социальных групп (например, «Социальный портрет советского рабочего»). В поле зрения исследователей сегодня также довольно часто попадает составление социологических портретов – можно встретить социологический портрет среднего американца (исследование Ф.Голова, Л.Гудкова, Б.Дубина), социологический портрет студенчества (исследование Т.Суярковой), социологический портрет Украины или пермского сотового абонента. Все подобные портреты представляют собой некоторое социологическое описание, в основу которого были положены усредненные данные, полученные в ходе различных социологических исследований, исключающие построение каких-либо типологий и выявлений каких-либо закономерностей. Категория «социологический портрет», несмотря на широкое использование ее в социологическом дискурсе, является довольно размытой, определяемой в рамках каждого отдельного исследования по-разному.

Указанные проблемы обращения к понятию «социологический портрет» требуют выработки его четкого определения и формирования методологии составления социологических портретов различных социальных объектов вообще и регионов, в частности.

Под социологическим портретом мы будем понимать целостное описание социальной сущности объекта (социальной группы, общности, организации и пр.), включающее как системную характеристику всех составляющих его компонентов, так и социальных процессов и отношений, с ним связанных.

Составление социологического портрета любого социального объекта предполагает реализацию ряда базисных принципов, к которым следует отнести

универсальность формируемого портрета, его целостность и сохранение уникальности описываемого объекта.

Попытаемся приложить данные принципы к построению социологического портрета региона. Понятие «социологический портрет региона» относится к сфере региональной социологии и предполагает, что такой портрет будет охватывать все сферы жизни региона – от экономической до культурной. Исключение из рассмотрения какой-то одной из этих сфер в каждом случае требует специального обоснования. Это означает, что по содержанию социальный портрет региона должен быть *универсальным*.

Поскольку регион рассматривается как некоторое единое целое, то эти сферы региональной жизни должны быть описаны не просто как рядоположенные, а в определенной системе и связи друг с другом – как части одной и той же социальной системы. При этом необходимо использовать какие-то базовые методологические и методические принципы, которые бы позволяли: а) определенным образом связывать описание различных сторон социальной жизни региона друг с другом; б) располагать эти описания в определенном порядке, позволяющем не только формировать представление о регионе как определенной целостности, но и объяснять характер и особенности содержания этих сфер. Это означает, что портрет региона должен быть *целостным*.

Использование самого понятия «портрет» применительно к региону предполагает, что социологический портрет региона будет представлять этот край, область, автономию как нечто уникальное, позволит сохранить все его специфические черты. Регион как социальное целое должен быть описан и объяснен «сам из себя». При построении социологического портрета в качестве оснований анализа и объяснения явлений и процессов какой-либо сферы исследуемого региона представляется возможным приложение категорий и закономерностей, используемых в рамках общей социологии, закономерностей и процессов, характерных для всех регионов России в целом, социальных явлений, процессов и закономерностей, характерных для других сфер того же региона. Последнее основание особенно важно. Оно позволяет построить описание региона как естественно-исторической целостности, которая строится и развивается из и на основании своих собственных внутренних закономерностей и специфических, присущих только ей, процессов. В противном случае, регион предстанет перед нами как некоторый безликий, лишенный каких-либо особых характеристик объект, который пассивно меняется под воздействием общесоциальных и общероссийских изменений и процессов. Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что социальный портрет региона должен быть *уникальным*.

Исходя из указанных принципов, представляется возможным сформулировать требования, которым должен удовлетворять социологический портрет региона:

- он должен охватывать все сферы социальной жизни региона, а возможно и некоторые другие, примыкающие к ним;
- такой портрет должен описывать регион как целостную социальную систему, в которой все ее части связаны друг с другом и обуславливают друг друга;
- социальный портрет региона должен представлять уникальное своеобразие региона, а для этого необходимо стремиться по возможности объяснять свойства и характеристики отдельных сторон его социальной жизни свойствами и характеристиками других социальных сфер региона;
- по своему характеру и способу построения социальный портрет должен носить описательный характер: в нем нужно охватить по возможности все стороны и аспекты региональной социальной жизни. Что же касается раскрытия и анализа тех или иных закономерностей происходящих в регионе процессов или явлений, то это необходимо только в той мере, в какой может потребоваться для объяснения и понимания других закономерностей и процессов.

Как было показано выше, социологический портрет должен обладать свойством универсальности – т.е. охватывать все стороны и сферы социальной жизни региона. Здесь невозможно ограничиться описанием различных аспектов жизни региона, не указав их взаимосвязь и взаимозависимость. Любая социальная характеристика, интересующая исследователя при составлении социологического портрета, должна чем-то определяться, откуда-то вытекать и на что-то воздействовать, т.е. необходимо оговорить не только особенности отдельных сторон и аспектов социальной жизни региона, но и содержание и формы взаимосвязей между ними. Такие взаимосвязи должны носить системный характер и определять порядок описания социологического портрета региона. Для достижения этой цели может оказаться, что будет необходимо выйти за пределы описания собственно социальных явлений и процессов. Например, для объяснения некоторых сторон экономической жизни региона (в частности, экономической активности населения) потребуется указать на особенности его географии или данные о состоянии здоровья населения, состоянии окружающей среды.

Попытаемся выделить все аспекты жизнедеятельности региона, информация о которых может понадобиться при составлении его социологического портрета:

- социальная структура населения (социальные группы, их численность, отличительные черты);

- демографические процессы и семейно-брачные отношения (уровень рождаемости, смертности, средняя продолжительность жизни, генеративное поведение семей);
- урбанизация и система расселения (районирование, плотность населения);
- миграция в регионе (уровень миграции, особенности территориальных перемещений);
- экономическая активность населения региона;
- рынок труда;
- социальные проблемы регионального административного управления;
- политическая жизнь в регионе и политическая культура его населения (особенности электоральной активности, уровень доверия политическим институтам, политическое устройство региона);
- социальная напряженность и общественное мнение (субъективные оценки уровня благополучия, интегрированность различных социальных групп для совместных действий по защите своих интересов, сформированность общественного мнения и специфика его функционирования в регионе);
- уровень жизни населения;
- преступность и социальные отклонения (уровень преступности, динамика, существующие формы девиантного поведения);
- культура, культурное потребление и культурная жизнь в регионе (ценности, стиль жизни, субкультуры);
- социальные проблемы развития образования;
- досуговая деятельность населения в регионе;
- социальные проблемы конфессий;
- социальные проблемы экологии;
- межнациональные отношения;
- социальные аспекты здравоохранения;
- социальная защита и социальная работа.

Кроме того, может возникнуть потребность в получении информации, касающейся факторов, которые относятся к различным аспектам внешней по отношению к социальной системе региона, среде:

- географическая характеристика региона (рельеф, климат, полезные ископаемые);
- транспортная система и ее технические характеристики;
- экономическая деятельность предприятий;
- деловая жизнь региона, в частности, деятельность финансовых структур;
- состояние экологии в регионе;

- экономические связи предприятий региона;
- экономико-географическое районирование.

Определение состава информации, необходимой для построения социологического портрета региона, связано с решением еще двух групп проблем. Во-первых, область, край, автономия как регион делится на районы. А эти районы различны по целому ряду характеристик: удаленность от центра и основных транспортных магистралей, развитие промышленности и сельского хозяйства, дотационные и донорские регионы, уровень жизни населения, степень урбанизации, национальный состав населения и т.п. Подробное описание каждого из районов существенно увеличит объем всей работы, сделает социологический портрет региона в целом мозаичным и лишит его необходимой целостности. Преодоление этих трудностей возможно при условии предварительного построения социально-экономической типологии районов (или использования готовой, если таковая существует и удовлетворяет целям и требованиям работы) и детального анализа каждого из типов на примере одного какого-либо его представителя.

Во-вторых, не ясна временная (историческая) глубина анализа информации. Необходимость в подобной исторической информации связана с задачей понимания и объяснения процессов и явлений, происходящих в регионе. Здесь возможны две ситуации: первый вариант - в данном регионе экономика достаточно стабильна, переход к рыночным отношениям, и всему, что с ними связано, получили полное развитие. В этом случае потребность в привлечении исторического материала является минимальной. Второй вариант - в данном регионе «перестройка» только еще идет (или затянулась). В этом случае на поведение и сознание людей очень сильно воздействуют институциональные и культурные структуры, возникшие еще в советском обществе. В такой ситуации привлечение исторических данных за период последних десять-двадцать лет становится неизбежным.

Указанные выше различные сферы жизнедеятельности региона не должны описываться при составлении социологического портрета отдельно, независимо друг от друга, поскольку, как уже было показано, регион является социальной системой. Обладая признаком самодостаточности, он характеризуется определенным уровнем интеграции, открытости, иерархичности, которая выражается в наличии уровней и подсистем, объединяемых в целостную систему с характерными признаками^v. Различные подсистемы региона имеют свои особенности, процессы и структуры, каждую из этих подсистем можно рассматривать как относительно самостоятельный слой жизни региона. Все эти слои располагаются друг над другом, причем порядок этого расположения определяется следующим образом. Если слой А (подсистема социальной системы) задает основные

структурные параметры процессов и явлений (или запускает эти процессы), которые относятся к слою В, то мы считаем, что слой А лежит ниже слоя В.

Тогда социологический портрет региона можно представить как совокупность лежащих друг на друге слоев (сфер) социальной жизни. Порядок анализа информации и представления ее результатов в качестве социологического портрета лучше начинать с нижних слоев, однако существующая иерархия слоев не является жестким алгоритмом. Поэтому может возникнуть необходимость объяснения каких-то особенностей в жизни слоев, лежащих внизу, с помощью закономерностей и процессов, протекающих в плоскости слоев социальной жизни, которые расположены выше. Например, культура может детерминировать или менять характер процессов и явлений в экономической жизни населения, в характере миграции и т.п.

Для определения связи и зависимости между разными слоями удобно воспользоваться вариантом системного анализа, предложенным Г.П. Щедровицким^{vi}.

Кратко данный подход можно охарактеризовать следующим образом. В основе некоторой системы лежит определенный *материал*, субстанция (для социальных систем это – люди), из которого можно сформировать самые разные системы. Сам по себе материал представляет собой нечто бесформенное. Образует, конституирует данную систему определенный основной *процесс*. Он реализуется в данном материале. Процесс протекает во времени и имеет временные характеристики. Но если этот процесс зафиксировать в какой-то момент времени, то мы получим *структуру*. Структура – это изображение процесса в какой-то определенный момент времени. Как и процесс, структура реализуется на материале: наложение структуры на бесформенный материал приводит к появлению определенных *организованностей*. Организованность материальна, но в отличие от материала она обладает определенным строением. Множество организованностей материала образуют *морфологию* системы. Эти организованности обеспечивают протекание процесса на материале.

В качестве примера рассмотрим систему расселения. Люди в регионе образуют материал, сама система расселения – структура с множеством «пустых мест», куда можно приехать и где можно жить. В процессе расселения люди занимают эти места. В результате возникает система расселения, в которой организованностями будет плотность населения в разных точках региона с заброшенностью маленьких деревень и скученностью крупных городов. Эта структура расселения (морфология) определяет процесс расселения – урбанизации, когда люди больше стремятся поселиться там, где больше плотность населения.

Организованный материал приобретает определенные свойства: он хранит следы прежней структуры. И если на него воздействует новый процесс, который пытается на нем отпечатать свою структуру, результатом являются организованности, хранящие следы обеих структур – старой и новой. Таким образом, одна социальная подсистема, лежащая в верхнем слое, пытается «воздействовать» на подсистему из нижнего слоя.

Но если на данную структуру одновременно с первым процессом действует другой, то общая картина меняется. Второй процесс также воздействует на данную структуру, меняя ее по-своему. От этого происходит изменение характера протекания первого процесса. В этом случае можно говорить о том, что второй процесс меняет форму и темпы первого процесса, а значит и выступает его *механизмом*.

Возвращаясь к социологическому портрету региона, представленному в виде ряда взаимосвязанных слоев, можно сказать следующее: процессы, а также структуры (поскольку они являются снимками, отражением этих процессов на определенном материале) нижнего слоя воздействуют на материал слоя, лежащего выше, формируют на нем определенные структуры, а, значит, и запускают определенные процессы. По мере развития структур и процессов верхнего слоя они приобретают относительную самостоятельность и начинают формироваться в соответствии с собственными закономерностями, т.е. закономерностями своего слоя. А поскольку субстрат, материал всех этих структур и процессов один – население данного региона, то на его структуру откладывают отпечаток и процессы нижнего слоя, и процессы слоя верхнего. Таким образом, структура субстрата носит отпечаток всех процессов, проходящих в обоих слоях. Благодаря этому процессы верхнего слоя оказывают воздействие на процессы слоя нижнего. На основе этого последнего приходится совершать итерацию: снова возвращаться к анализу нижнего слоя, чтобы понять, как мог воздействовать на характер его процессов и структур верхний слой.

Порядок (иерархию) слоев а priori установить можно только отчасти. В значительной степени связь между разными слоями и подсистемами социальной системы устанавливается на основе анализа конкретных данных исследований. Может оказаться так, что некоторые из этих слоев придется располагать и рассматривать параллельно. В любом случае предложенный здесь порядок рассмотрения и представления социальной информации о регионе следует воспринимать как возможный, указывающий путь решения задачи в особо трудных случаях.

Можно выделить следующие подсистемы региона, значимые для составления социологического портрета, и расположить их в слоевом порядке (снизу – вверх):

1. география региона (рельеф, природные ресурсы, климат);

2. население региона (система расселения, демографическая ситуация, социально-демографическая структура, национальный состав, религиозный состав);

3. политическая подсистема (политическое устройство региона, политическая жизнь в регионе и политическая культура его населения, особенности администрирования и местного самоуправления);

4. экономическая подсистема (промышленность, занятость населения, экономическая активность, рынок труда, мотивация трудовой деятельности, уровень жизни населения);

5. инфраструктура (сеть образовательных учреждений, больниц, досуговых центров);

6. социальная стратификация и социальная мобильность;

7. культурные особенности региона (культурный капитал человека и его реализация в регионе, субкультуры, образ жизни, культурное потребление и культурная жизнь в регионе);

8. социальное самочувствие населения (включая уровень социальной напряженности, особенности общественного мнения, социальное настроение).

Для исследования каждого слоя целесообразно использовать как социологические методы (массовые опросы, экспертные интервью), так и статистических данных (например, данные Госкомстата). Это обусловлено тем, что некоторые подсистемы региона возможно характеризовать через систему объективных показателей (население региона, уровень рождаемости, число разводов, количество образовательных учреждений и зарегистрированных некоммерческих организаций и пр.), а другие - только на основании субъективных оценок населения. Последнее касается, например, культурной подсистемы региона. Массовый опрос населения позволит определить преобладающие в сознании населения ценности (выявить существующее ценностное ядро, определяющие образцы, стандарты поведения), а глубинное экспертное интервью с представителями общественных организаций, властных структур, средств массовой информации региона, специалистами в области изучения общественных процессов позволит проследить, как исторически сформировалось социокультурное ядро, продемонстрировать его реализацию в прочих сферах жизнедеятельности региона: экономической деятельности и деловой активности, политических предпочтениях и электоральном поведении, управлении и самоуправлении, преступности и социальных отклонениях.

Анализ социального самочувствия населения также невозможно провести только на основании исследования объективных показателей. Например, социальная напряженность в регионе (характеризующая социальное самочувствие его населения) выражается в суждении населения о социальной ситуации в регионе, самооценке

населения жизни в регионе, социально-психологической готовности жителей к действиям по защите своих интересов, степени интегрированности общности для совместных действий по защите своих интересов^{vii}, а данные показатели возможно определить только в ходе социологического опроса.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Социологический портрет региона предполагает концентрированную характеристику различных сторон общественной жизни региона (субъекта РФ). Обладая свойством системности, регион при составлении социологического портрета не может быть описан иначе как через совокупность связанных между собой подсистем, взаимовлияющих и взаимоопределяющих друг друга. Для характеристики данных подсистем и особенностей взаимосвязей между ними требуется привлечение как статистических данных, так и результатов социологических исследований.

Составление социологических портретов регионов России является одной из приоритетных задач современной социологии регионов, обусловленной продолжающимися трансформациями российского общества - как политического, экономического, так и социокультурного плана. В данных условиях осознание массово проявляющих себя устойчивых ценностных предпочтений, социальных технологий, постоянно воспроизводящихся форм и практик общественной деятельности позволит прогнозировать социальные изменения, осуществлять корректировку социального движения, минимизировать риск социальной напряженности, обеспечив высокую эффективность проводимой в регионах политики и снизить негативные влияния управленческих решений на изучаемый объект.

Литература

4. КОНКРЕТНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ

А.В. Баранов (Краснодар)

Политические предпочтения избирателей Кубани, - тема, актуальная в силу своей малоизученности и острой дискуссионности. Для многих российских политологов Кубань стала излюбленной иллюстрацией всего негативного: "мятежной цитаделью" красно-коричневых, оплотом ксенофобии и русского державничества и т.д. [1]. И напротив, голосование кубанцев на выборах 1999 и 2000 гг. получило двусмысленную похвалу либеральных публицистов: "Красная Кубань стала бледно-розовой" [2].

Мы предпримем попытку доказать неоднородность электорального пространства Кубани в контексте политической культуры, а на основе этого - выявить политическую географию консервативной субкультуры на Кубани.

На материалах современной России региональные политические культуры выявлены и систематизированы в работах Н.А. Косолапова, Р.Ф. Туровского, Е.В. Морозовой, Л.А. Фадеевой, О.Б. Подвинцева и др. [3] Вместе с тем исследования региональных политических культур слабо скоординированы, не говоря уже о сравнительном анализе и прогнозе на субрегиональном уровне. Р.Ф.Туровский справедливо отмечал в 1999 г., что самым неизученным остается мезоуровень территориальных политических культур – в административных районах и городах России. Между тем именно этот уровень объектов исследований оптимален для изучения пространственной структуры и динамики политических культур [4].

Политические предпочтения избирателей Краснодарского края изучались в качестве региональных проявлений общероссийских процессов в работах В.А. Колосова, Г.В. Марченко, Р.Ф. Туровского, Н.В. Петрова, А.С. Титкова и других аналитиков [5]. Другой аспект - электоральное пространство в контексте региональных политических культур, рассматривали М.М. Кириченко, Е.В. Морозова, А.В. Баранов, А.И. Кольба [6]. Политические предпочтения кубанцев изучаются с точки зрения элитологии А.К. Магомедовым, М.М. Кириченко [7]. Анализ литературы показывает, что в исследовании темы остается немало публицистических суждений. Кроме того, как правило, изучается

краткий временной интервал (1-2 года), слабо анализируются социально-исторические предпосылки типов голосования, редко рассматриваются внутрирегиональные различия голосования.

Наш объект исследования - консервативный тип голосования жителей Кубани, объясняемый с точки зрения политической географии. Анализ ограничен выборами в Государственную Думу РФ 1999 и 2003 гг. Именно федеральные парламентские выборы - наиболее идеологизированные и протестные, на них уменьшается влияние личных черт претендентов и краткосрочных проблем.

Цель работы - выявить и оценить влияние географических факторов на развитие голосования кубанцев. Теоретическую основу доказательств составила модель социокультурных расколов общества С. Роккана и С.Липсета [8]. Проверяется гипотеза о том, что на Кубани преобладающий раскол политического пространства проходит по оси "город-село".

Задачи исследования: 1) определить региональные особенности электорального поведения в сравнении со общероссийскими тенденциями; 2) выявить пространственные ареалы влияния основных партий и их изменения за 1999-2003 гг.; 3) обосновать наличие и пространственную диспозицию консервативного типа голосования на Кубани; 4) раскрыть влияние географических факторов на развитие "консервативного пояса" электорального пространства края.

Основные черты электората Кубани, вкратце, таковы. Краснодарский край занимает 3-е место в РФ по численности избирателей (3.857.992 внесенных в списки), что обеспечило формирование 7 в 1990-х гг., а в 2003 г. - 8 одномандатных округов по выборам депутатов Госдумы. В сравнении с выборами 1999 г. электорат вырос, что позволило разукрупнить округа и приблизить их по численности избирателей к среднероссийскому уровню (468 тыс. по стране, 482 тыс. по краю) [9]. Для политических предпочтений кубанцев характерны черты традиционализма и этатизма большинства при наличии лакунарных "очагов" относительно либерального голосования. Горожане составляют в крае лишь 54% населения. Регион имеет одну из наиболее пожилых структур электората в РФ (18-е место по среднему возрасту). Остро выражены этнокультурные и религиозные размежевания избирателей. Миграционная проблема и межэтнические отношения относятся в массовом сознании к приоритетным проблемам политики. По типологии вариантов партогенеза, предложенной Е.В. Белокуровой, Кубань можно отнести к государственно-корпоративному, а не к партнерскому или либерально-корпоративному типам [10]. Партии имеют преимущественно "городскую" социальную базу.

В 1990-х гг. голосование кубанцев служило одним из ярких примеров существования "красного пояса". Однако на думских выборах 1999 г. и президентских выборах 2000 г. произошел значительный сдвиг предпочтений в пользу центристских сил, ярче выявились внутрикраевые различия в симпатиях избирателей. Для корректного сравнения предпочтений на длительном отрезке времени мы агрегировали показатели голосований по партийным спискам в системе координат: "консерваторы", "либералы", "центристы и партия власти", "левоцентристы (социал-демократы)", "коммунисты". Эта шкала позволяет абстрагироваться от сиюминутных подробностей, сосредоточиться на главных тенденциях выборов.

Итоги выборов позволяют подтвердить коренной сдвиг партийных предпочтений от коммунистов в пользу "Единства", а позже - "Единой России". Можно возразить, что такова общая тенденция выборов 2003 г. по стране и усматривать её причину лишь в "административном ресурсе". Но это будет поверхностным взглядом на проблему. Более корректно искать причины отказа в доверии КПРФ в акцентировании "Родиной", "Единой Россией" государственного патриотизма и консерватизма, традиционно притягательных для кубанцев. Тем же объясняются успехи ЛДПР и "Родины", игравших на этих чувствах с целью перехвата голосов избирателей КПРФ. Названные черты регионального менталитета накладываются на субъективную готовность кубанцев участвовать в предпринимательстве и государственном строительстве, образуя причудливый феномен "бизнесмена-патриота", сторонника "самобытного, народного капитализма". В сознании избирателей этот образ противопоставляется образу "московского финансиста-космополита", проводника западных интересов и угнетателя малоимущих регионов. "Дело ЮКОСа" и последующие пиар-эффекты были восприняты названным слоем избирателей весьма положительно.

Кратко рассмотрим пространственные ареалы влияния основных партий на Кубани. Источниковую основу для выводов составили результаты выборов в Госдуму по городским и сельским районам за 1999 и 2003 гг.

"Единая Россия" вышла на среднероссийский уровень влияния (37,0 %) за счет перехвата национал-консервативных и социальных лозунгов, а также благодаря смене политических симпатий губернатора А.Н. Ткачева (перешедшего из КПРФ в ЕР). Разброс голосов по краю за "Единую Россию" мал, но всё же видна тенденция пониженной поддержки в Краснодаре (34,4%) и периферийных сельских районах. Наибольшую поддержку оказали горожане Сочи и Туапсе (39,5 %).

КПРФ потерпела, как и во всей стране, жестокое фиаско. Но она сохраняет потенциал поддержки в крае 17,2 % (в полтора раза выше среднероссийского).

Наибольшую опору КПРФ имеет в окраинных сельских районах (Каневском, Крымском), в Тихорецком и Армавирском одномандатном округах (т.е. сельских местностях с малым влиянием городов). Как и прежде, самая малая поддержка КПРФ - в Новороссийске и Туапсе (по 13,2 %), в Сочи (14 %). Электорат КПРФ сосредоточен вдали от оживленных коммуникационных потоков и крупных городов, в бывших казачьих районах края.

Неожиданностью стал успех ЛДПР и "Родины". Но их территориальная поддержка противоположна. За ЛДПР голосуют прежде всего жители Черноморского побережья и восточной части края, а меньше всего - в г. Краснодаре (8,8 %). "Родина" получила основную поддержку как раз в краевом центре (14,6 %) и прилегающих казачьих районах, а наименьшую - на Черноморье и востоке края.

Социокультурный раскол "город-село" усиливается расколом "казачьи - неказачьи местности", до 1937 г. делившим пространство нынешнего Краснодарского края по Большому Кавказскому хребту. До 1920 г. Кубанская область имела войсковое казачье управление. Черноморская губерния от Новороссийска до Гагр никогда не была казачьей и автономной.

Можно выделить несколько факторов образования консервативного "пояса".

Природно-географический фактор голосования - однородность климатических условий к северу от реки Кубань, в равнинно-степной части Краснодарского края. Столь же однородный ареал - предгорное Закубанье, ограниченное на севере р. Кубань, на юго-западе - Большим Кавказским хребтом.

Исторический фактор связан с длительным и сложным включением Кубани в состав Российского государства. Этот процесс шел в период русско-турецких войн с 1774 по 1864 гг. Общий вектор распространения русского влияния - с севера и востока на запад и юг.

Экономический фактор складывания консервативного "пояса" - весомая роль сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности, слабое развитие инновационных постиндустриальных секторов экономики. По данным краевой статистической комиссии, в 2002 г. в сельском хозяйстве занято 23,8 % имеющего работу населения, в промышленности и строительстве - 23,6, в торговле и общественном питании - 13,5 %. В 2000 г. доля высокотехнологичной продукции в экспорте края составляла 2,5 % на 2000 г., уровень валового промышленного производства за 1991-2000 гг. снизился на 32,3 % [11].

Социальный фактор консервативного голосования включает в себя ряд индикаторов. Во-первых, пониженную урбанизированность региона. Доля городского населения составляла в 2002 г. 53 % жителей по краю в целом и 45 % за вычетом населения

Черноморского побережья) [12]. На большей части Степной Кубани от Ростова до Краснодара нет ни одного города с населением свыше 100 тыс. чел., а имеющиеся городские районные центры преобразованы из станиц 40 лет назад. Как показали исследования общероссийского электорального пространства, раскол "город - село" имеет наивысшую корреляцию при голосовании за КПРФ ($r = - 0,65$) и за либеральные партии ($r = + 0,67$) [13]. Во-вторых, 38 % населения Кубани живет за чертой бедности. Безработица, по методике МОТ, в 2000 г. составляла 13 % экономически активного населения. Достаточно высок процент пенсионеров: старше 65 лет - 13,5 % жителей края. Кубань занимает 18-е место в России по индексу развития человеческого потенциала, душевой валовой региональный продукт ниже среднероссийского [14].

Этнический фактор состоит в быстром росте мозаичности, неоднородности населения. Кубань относится к регионам РФ с наивысшим миграционным приростом. За 1988-2000 гг. легальный миграционный прирост составил 695.210 чел. (13,6 % всего постоянного населения Кубани) [16]. В связи с этим Федеральная миграционная служба отнесла Краснодарский край к территориям, где нежелательно принятие на постоянное жительство переселенцев. По статическим и картографическим расчетам В.С.Белозерова [17], в ряде сельских районов Кубани интенсивно меняется этнический состав (предгорные Крымский, Абинский, Апшеронский, Сочинский районы). Этнокультурные различия закрепляются как фактор водораздела "консерватизм-модернизм". Принимающее сообщество, в основе своей русское, воспринимает смену этнического состава как угрозу своему статусу. Часть новоселов слабо интегрируется в принимающие сообщества (турки-месхетинцы, курды и др.). За 1989-2002 гг. удельный вес русских в Краснодарском крае сократился с 86,7 до 85,1 %, как и украинцев (с 3,9 до 3,8%). Доля армян в населении края выросла с 3,7 до 4,9 %; грузин - с 0,26 до 0,36 % и т.д. [15]

Ментальный (социокультурный) фактор консерватизма проявляется в сравнительной провинциальности системы культуры и образования Кубани; в восприятии края как "нового пограничья" на рубеже Запада и Востока, разделяющего "наш" и "чужой" мир; во влияниях традиционной культуры и ее отождествлении с нынешней. Базовые смыслы и модель объяснения мира в региональной культуре Кубани основаны на архетипах традиционной культуры казачества [18]. Наиболее традиционны северо-западные и предгорные районы Кубани, удаленные от ведущих транспортных и информационных потоков.

Своеобразное политическое позиционирование сообщества проявляется в мнениях, ориентациях и действиях граждан. Наиболее операционный индикатор политического позиционирования, на наш взгляд, дают итоги выборов в Государственную Думу РФ. Эти

выборы создают общероссийскую "систему координат", что делает возможным корректные сравнения. На выборах Президента РФ, главы администрации региона и Законодательного собрания края персональные предпочтения становятся более важным мотивом выбора, чем идеологии. Еще более значим персональный фактор на муниципальных выборах. Корректный анализ результатов выборов губернатора и депутатов Законодательного собрания Края затруднен из-за однопартийности краевого уровня власти, т.к. свыше 50 % депутатов ЗСК избраны от левопатриотического блока "Отечество (Кондратенко)". Действующий губернатор А.Н. Ткачев получил доверие в 2000 г. 81,8 % электората, а в 2004 г. - 84 % [19], сменив принадлежность к "Отечеству" на "Единую Россию".

Анализ выборов в Государственную Думу РФ на уровне районов доказывает значительные различия идеологических ориентаций местных сообществ. Индикатором консервативного ареала может быть повышенный уровень голосования за ЛДПР, а в некоторой мере - также за "Родину" и КПРФ. Поддержка "Единой России" как партии власти не может быть истолкована однозначно, в последнем случае нужны более "чуткие" методики анализа.

На выборах 1999 г. география влияния ЛДПР ("Блока Жириновского") охватывала прежде всего густонаселенные урбанизированные местности, где достигли большой зрелости этнические конфликты. При среднекраевой поддержке в 4,8 %, ЛДПР была более популярна в Абинском районе (15%), Восточном (9,3 %) и Приморском (7,5 %) районах Новороссийска, Ейске (6,2 %), Анапе (5,9 %) и Адлерском районе (5,2 %) [20]. Все эти местности расположены на Черноморском или Азовском побережье, или близко к ним. В 2003 г. ЛДПР получила среднекраевой рейтинг 11,4 %, что объясняется прежде всего патриотической риторикой этой партии. Пространство её поддержки расширилось на восточные степные районы (18,1 % в Кропоткине; 17,1 % в Кавказском и 16,0 % в Гулькевичском районах). Сохранился ареал в г. Новороссийске (от 14,8 до 19,3 % по трем районам), в предгорных районах, где существует месхетинская проблема (Крымском, Абинском, Белореченском - от 13 до 15 %).

Несколько иная электоральная ниша у впервые выступившего блока "Родина" (среднекраевой рейтинг - 10,8%). "Полюс" наивысшего доверия - Кавказский район на востоке края (17,1%), г. Ейск (15,4%), г. Краснодар (14,6 %), Центральный район Сочи (13,3 %), ряд степных районов на севере. Бросаются в глаза "точечное", а не сплошное расположение ареала. ЛДПР - партия малых городков, а "Родина" - блок крупных городов. Странники Глазьева и Рогозина сравнительно слабы почти на всём Черноморском побережье и в районах расселения турко-месхетинской диаспоры.

Можно предположить взаимодополняемость ареалов ЛДПР и "Родины", их зависимость от своеобразных качеств электората малых и крупных городов.

Наконец, полезно проследить взаимосвязь между ареалами ЛДПР, "Родины" и КПРФ. Коммунисты с 2002 г. утратили статус региональной "партии власти", что привело к снижению их общекраевого рейтинга до 17,2%. Предел их влияния - 27,9 % в депрессивном и полиэтничном Апшеронском районе. Высока поддержка в Кушевском и Приморско-Ахтарском (по 24,7 %), Славянском (23,1 %) Белоглинском (21,9 %) районах. Наряду с привычной популярностью в окраинных сельских местностях можно отметить новую удивительную тенденцию: в г.Краснодаре КПРФ удержала весомое влияние (16,5 %), как и в Армавире (17,5 %). Чаще всего зоны поддержки КПРФ не совпадают с ЛДПР, но близки к пространству "Родины".

По итогам исследования можно сделать следующие выводы. выводы.

Влияние географических факторов на развитие голосования кубанцев в 1999-2003 гг. высоко. Прежде всего, это - межрайонные различия: в уровне урбанизации, в исторических традициях казачьих северных и неказачьих южных местностей, в степени развития этнических конфликтов. Очевидными исключениями из "правил" кубанской политической географии выглядят города с населением более 200 тыс. чел. (Краснодар, Сочи, Новороссийск) и Черноморское побережье как субрегион.

Избиратели Краснодарского края в сравнении с среднероссийскими проявляют повышенный традиционализм и консерватизм на выборах в Государственную Думу. Но протестное голосование не имеет жесткой идеологической мотивации. Этому свидетельство - "переток" голосов от КПРФ к "Родине" и "Единой России", и распыление консервативного электората. Консерватизм "по-кубански" - скорее антилиберальное настроение, а не конструктивная идеологическая программа.

Ареалы влияния ЛДПР, "Родины" и КПРФ на Кубани не совпадают между собой в большинстве случаев. ЛДПР имеет влияние в малых городах и густонаселенных приморских районах, а также в зонах этнических и миграционных конфликтов. "Родина" опирается на электорат крупных городов. КПРФ влиятельна в депрессивных сельских районах, особенно - в бывших казачьих степных районах. За 1999-2003 гг. ареалы ЛДПР и левых государственников расширились за счет центральных и северных районов, ареал КПРФ распался на разрозненные периферии.

Обрисованные ареалы допустимо рассматривать как рыхлый, но единый в своем антилиберализме консервативный "пояс". Он охватывает всю Кубань, за исключением Черноморского побережья и Краснодарской городской агломерации. Выраженность

"пояса" ослабевает по мере роста процента горожан и миграционного благополучия, увеличения уровня доходов и занятости.

Примечания

1. Храмчихин А.А. Русские регионы Северного Кавказа: политическая ситуация, внутренние проблемы взаимоотношения с федеральным центром // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001.с.120-132; Прилепский В.В. и др. Демократические транзиты и региональный социум (Краснодарский край) // Полития. 2000. № 4(18). Зима.с.99-112; Магомедов А.К. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил // Полис.1999. № 5.с.141-154.
2. Завадская С. Красная Кубань стала бледно-розовой // <http://www.polits.ru/details.htm?id=16&archive=n>; Краснодарская модель выборов и политического развития в сравнительном и общероссийском контексте: Круглый стол 23 октября 2002 г. // Открытый мир. Краснодар, 2002. № 21. с.11-15.
3. См.: Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. М., 1994; Туровский Р.Ф. Политическая география. М.; Смоленск, 1999; Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998; Региональное самосознание как фактор формирования политических культур в России / Под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999; Фадеева Л.А. Политические традиции и региональная политическая культура Прикамья // Политический альманах Прикамья. Пермь, 2001. Вып. 1. с.46-69; Целевая программа развития политической и правовой культуры населения Пермской области на 2002-2006 гг. Пермь, 2002.
- 4 Туровский Р.Ф. Политическая география... с.357-359.
5. Колосов В.А., Криндач А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис. 1994. № 6; Марченко Г.В. Россия между выборами // Там же. 1996. № 2; Туровский Р.Ф. Политическая география. М.; Смоленск, 1999; Петров Н., Титков А., Электоральный ландшафт // России в избирательном цикле 1999-2000 годов. М., 2000.
6. Кириченко М.М. Какого цвета электоральная карта Кубани? // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2000. № 1; Морозова Е.В. Политическая коммуникация и политическая реклама на выборах губернатора Краснодарского края // Региональные выборы и проблемы гражданского общества на Юге России. М., 2002; Баранов А.В. Политические партии и объединения Кубани: география электоральной деятельности // Там же; Кольба А.И., Кольба Н.В. Выборы в Законодательное собрание Краснодарского

края в контексте трансформации региональной политической системы // Человек. Сообщество. Управление. 2002. № 4.

7. Магомедов А.К., Кириченко М.М. От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? М., 2004.с.267-311.

⁸ Rokkan S., Urwin D. Economy, Territory, Identity. Beverly Hills; London, 1983; Lipset S.M. Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments // Party Systems and Voter Alignments / Ed.by S. Lipset and S.Rokkan. N.Y., 1967. P.1-64.

9. Расчеты даны по сайтам Центризбиркома РФ и избирательной комиссии Краснодарского края: <http://www.cikrf.ru> и <http://izbirkom.krasnodar.info>

10. Белокурова Е.В. "Третий сектор" и региональные власти // Политическая социология и современная российская политика. СПб, 2000. с.272-294.

11. См.: Максимов Д.В. Краснодарский край в новых геополитических условиях. Дис. ... канд. географ. наук. Краснодар, 2003.с.87-89.

12. <http://www.gks.perepis.ru>

13. Ваньков В.А. Поселенческая структура в электоральном поведении // Полис, 2003. № 6. с.88-103.

14. Максимов Д.В. Указ. соч. с.87-89; Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России. М., 2003.с.252-253.

15. Терская И.А. и др. География Краснодарского края. Краснодар, 2003. с.73-74.

16. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х - начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003.с.141.

17. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь, 2000.с.143-146, прилож.

18. Подробнее см.: Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998. с.277-346.

19. Политический процесс и Юг России. Армавир, 2002. с.251.

20. Расчеты А.В. Баранова на основе сведений Краснодарской краевой избирательной комиссии. Подробнее см.: Рабочая тетрадь "Политический маркетинг". Краснодар, 2000. Прилож.1-4; <http://izbirkom.krasnodar.info>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ КОМПАКТНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Винокуров (Смоленск)

Миграция в России за последнее десятилетие испытывает глубокие качественные изменения. Если на протяжении почти всей истории страны преобладали центробежные миграционные потоки, связанные со стремлением людей решать свои проблемы путем освоения новых территорий, теперь выявился обратный процесс.

Одним из решающих факторов миграции стал фактор спасения от последствий организованного насилия и нарушение прав русскоязычного населения, проживающих в странах СНГ.

Стремление вынужденных переселенцев осесть на новом месте зачастую сопровождается несовпадением их интересов с интересами коренных жителей. Это проявляется в сложностях с трудоустройством, приобретением жилья, в обострении криминальной ситуации, в распространении массовых заболеваний. В связи с этим, изучение особенностей расселения вынужденных переселенцев на территории России имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно затрагивает важные аспекты разработки эффективной миграционной политики страны, организации социальной защиты населения, поддержки со стороны государственных служб людей, побывавших в условиях бедствия, опасности, насилия над личностью, разрушения привычного уклада жизни, распада общины, семейных связей.

Сложившиеся варианты социально-экономической помощи со стороны государства вынужденным переселенцам не всегда являются эффективными, сложность заключается в том, что вынужденный переезд, адаптация к новым условиям жизни, интеграция в социально-культурную и профессиональную среду влекут за собой изменения психического состояния вынужденных переселенцев. Беженцы и вынужденные переселенцы являются группами повышенного риска в отношении социальной напряженности и психосоматической патологии.

Наши исследования показывают, что разрушение привычного уклада жизни, переживание бедствий, опасностей особенно негативно отражаются на психике и поведении детей вынужденных переселенцев, дальнейшем их развитии. У 94% детей вынужденных мигрантов отмечаются нарушения соматического здоровья; 65% имеют нарушения физического здоровья, 50% психического и 37% репродуктивного здоровья. Не лучшая картина с показателями здоровья у взрослых переселенцев. Отягощенный

акушерский анамнез у женщин-переселенок во время беременности оказался в 7,5 раз чаще, чем у женщин - местных жителей. Значительное ухудшение состояния здоровья вынужденных мигрантов отмечается и у лиц пенсионного возраста по сравнению с местным населением этого же возраста.

Факты свидетельствуют, все возрастные категории вынужденных переселенцев имеют сниженные адаптационные резервы организма, что обуславливает множественных патологии и хронические заболевания, а также зачастую девиантное поведение.

Оказание помощи вынужденным переселенцам в адаптации затруднено из-за отсутствия служб, специально занимающихся социально-психологической, конфликтологической и медицинской помощью семьям мигрантов, социальной работы с переселенцами, и служб социального контроля.

В литературе отсутствуют исследования особенностей адаптации переселенцев, проживающих в компактных поселениях центральных регионов России, как нет и исследований, объясняющих межличностные конфликты вынужденных переселенцев и местных жителей, а также особенности девиантного поведения новоселов.

Необходимость исследования адаптации мигрантов в Смоленской области имеет особую актуальность в связи с созданием здесь системы компактных поселений в сельской местности: в селениях Маньково, Шокино, Вонлярово, Лоино, Михейково, а также в связи с перспективой передачи в аренду земель сельскохозяйственного назначения представителям Китайской Народной Республики. Соответствующий меморандум подписан между Смоленской областью и Представительством Центра развития торговли и Управления инвестициями в Европу КНР.

В Смоленской области планируется провести комплексные социально-психологические исследования для выявления источников социальной напряженности и конфликтности в отношениях между местными жителями и вынужденными переселенцами; сравнить эффективность социальной адаптации новоселов в условиях компактного и дисперсного расселения. На основе полученных результатов будет разработана программа социальной адаптации и психологической помощи вынужденным переселенцам в целях успешной социокультурной интеграции в местную среду. Кроме того, в связи с предстоящей арендой земли представителями Китайской Народной Республикой для предупреждения социальных конфликтов между местными жителями и приезжими будут разработаны рекомендации в адрес администрации Смоленской области.

Решение поставленных задач предполагает проведение социологического опроса местных жителей, моделирование и технологизацию социальных конфликтов в

компактных поселениях на основе конфликтологического мониторинга, позволяющего выявлять "болевые" точки адаптации, уровень социально-психологической напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон.

Общую методологическую основу исследования составит концепция "культурного шока", которая исходит из того, что вхождение индивида в другую культуру зачастую сопровождается глубоким психологическим потрясением. Кроме того, в исследовании предполагается использование субъектно-деятельностного подхода к анализу и урегулированию социальных конфликтов. Основное внимание будет уделяться конкретным субъектам, создающим конфликты своим реальными намерениями и действиями. Анализ особенностей региональной культуры взаимоотношений предполагается провести с учетом ценностных ориентаций и норм, определяющих поведение местных жителей и вынужденных переселенцев в условиях совместного проживания. Для выявления скрытых механизмов социально-психологической напряженности будут использованы психологические тесты, фокус-группы и углубленные интервью.

Результаты, полученные в исследовании, лягут в основу экспертного сценарно-прогностического мониторинга ситуации социального развития региона.

Н.Н. Иващенко

(Нижний Новгород)

Инновационно-преобразовательный потенциал населения как важнейшая характеристика социологического портрета региона

Исследователи различных стран устойчиво рассматривают экономическую активность как основной механизм развития экономики отдельной территории. Размеры и качество инновационно-преобразовательного потенциала населения региона является важнейшей социологической характеристикой, отражающей его возможности к развитию и адекватному реагированию на внешние вызовы.

***Роль активности хозяйственных агентов в развитии
экономических систем***

Важнейшим вопросом теории социальных изменений является вопрос об их движущей силе. Антропосоциетальный подход: «понимание общества и человека как паритетных взаимопроникающих компонентов целостного социума, порождаемого действиями и взаимодействиями людей»¹, позволяет раскрыть роль активности хозяйственных агентов в развитии экономических систем. Социальная активность основывается на удовлетворении потребностей человека. Стремление удовлетворить

потребности, заставляет человека двигаться в социальном пространстве, собственно, оно и является основой этой активности. Причем потребность, то есть представления о должном, о том, что необходимо этому человеку, по сути имеет тоже социальную природу.

В ходе изучения человеческого поведения выделяют различные типы потребностей и, соответственно, различные типы активности, например, политические, экономические, статусные. Политическая активность, удовлетворяющая политические потребности человека, проявляется в стремлении к власти или в принадлежности к власти. Экономические потребности – это потребности, связанные с процессами собирания средств, имущества. Экономические потребности могут быть как текущими, так и отложенными, когда человек, например, стремится стать профессионалом с тем, чтобы в перспективе удовлетворить свои экономические потребности. Под социально-статусными потребностями понимается желание занимать достойное, достаточно высокое место в обществе.

Как *homo socio-economicus*, экономическая активность расположена между двумя крайними полюсами воззрений на эту проблему. На одном полюсе находится представление об экономической активности как всеобщем качестве населения трудоспособного возраста, на другом – этим качеством наделяется только группа предпринимателей. Первый подход зафиксирован в постановлении Госкомстата РФ от 28.05.1999 № 35 «Об утверждении положения о проведении выборочных обследований населения по проблемам занятости»: «Выборочные обследования населения по проблемам занятости проводятся во всех республиках, краях, областях, автономной области и округах Российской Федерации с целью получения данных о численности и составе экономически активного населения, занятых и безработных, уровне экономической активности и безработицы, изменении состояния рынка рабочей силы».

Примером второго подхода может служить сборник научных докладов «Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. На примере мелких предпринимателей и самозанятых»¹. Проблема соотношения экономически активного населения и группы предпринимателей просто не обсуждается. Как первый, так и второй подход не позволяют ответить на вопрос: «Какими качествами должна обладать социальная группа населения, чтобы быть движущей силой трансформационного процесса?».

Деятельностный аспект социальной сферы – это социально-экономическая активность групп населения. Мы разделяем взгляды Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, которые дали следующее определение социально-экономической активности - « это действия, направленные на ликвидацию несоответствия между потребностями и условиями бытия субъекта; представляет собой процесс созидания целеполагающим субъектом (индивидом или социальной группой) новых общественных норм, условий собственного существования».¹

Такое определение экономической активности напоминает по своей структуре определение рационального поведения в экономической науке. Оба определения скорее описывают направления движения исследователя, поскольку содержание как рациональности, так и активности зависит от процессов, в рамках которых они изучаются.

Несоответствие между потребностями и условиями бытия ликвидируются в процессе жизнедеятельности любого человека, но с разной степенью интенсивности. Центральным элементом социально-экономической активности, таким образом, является инновационная составляющая деятельности в социальной сфере – созидание новых общественных норм и условий собственного существования.

Первоначально модель экономического человека появилась в политической экономии в качестве предпринимателя.

Термин «предпринимательство» был введен Р. Кантьею в XVIII веке в рамках анализа источников экономического роста и природы прибыли. Предпринимательство

как функция исследовалось в трудах Ф. Кэне, А. Смита, Ж.Б. Сэя, Дж.С. Милля. Функциональное разграничение между собственником и предпринимателем проводит К. Маркс. Список ученых можно продолжать. Одной из наиболее распространенных и устоявшихся схем анализа является модель, предложенная Й. Шумпетером. Предприниматели в его трактовке не образуют особой профессии или отдельного класса. В его работах речь идет о функции, осуществляемой периодически разными субъектами. В каждой хозяйственной сфере она появляется или затухает, сменяясь более рутинными действиями.

В.В. Радаев дает следующее определение предпринимательства: «Это осуществление организационной инновации в целях извлечения прибыли (другого дополнительного дохода). Предпринимательство, таким образом, конституирует три необходимых элемента: организационное действие; инициирование изменений; денежный доход как цель и критерий успеха».¹

При расширении понятия экономической активности за границы предпринимательства основную роль начинает играть тип организационного действия. Понятие «экономическая активность» шире понятия «предпринимательство». Предприниматели являются экономически активными, но не все экономически активное население является предпринимателями. Основная граница пролегает по степени доступности организационных ресурсов. Если предприниматель, осуществляя организационную инновацию, использует собственные организационные формы, то экономически активное население использует те инструменты хозяйственной деятельности, которые предоставляют ему различные институты. В пространстве финансовых решений предпринимательские ориентации реализуются как повышенное желание вложить средства в собственное дело, использовать собственные организационные ресурсы для приращения дохода. Экономически активное население стремится получить дополнительный доход за счет вложения средств в ценные бумаги, открытия банковских счетов.

Исследователи, соглашаясь с тем, что предпринимательство – это функциональная характеристика, в процессе анализа вынуждены переходить к его структурным характеристикам. В зависимости от целей исследования в качестве предпринимателей могут рассматриваться руководители малых предприятий, предприниматели без образования юридического лица, менеджеры успешных инновационных фирм и т.д.¹ В каждом конкретном случае делается допущение о том, что предпринимательская функция проявляется в определенных структурно-профессиональных характеристиках и предприниматели образуют страты. Может ли такой переход быть осуществлен и при анализе экономической активности? Да, при анализе конкретной хозяйственной сферы с учетом уже проведенных типологических анализов мы можем задать формальные критерии отнесения респондента к экономически активному слою.

Под слоем в данном случае понимается группа людей, имеющая характерные признаки и по этим признакам отличающаяся от других слоев.¹ Их отделяет от других слоев определенная социальная дистанция (рис. 1).

Рис. 1. Стратификационная система типов экономического поведения

На уровне эмпирических исследований экономической активности, так же как и при анализе предпринимательства, возможно совмещение функционального и структурного подходов.

Т а б л и ц а 1

Схема стратификации экономической активности

Слои	Стратификационные критерии		
	Организационные формы приращения дохода	Изменения	Цель и критерий успеха
Предприниматели	Собственные	инициирование	Прибыль
Экономически активное население	Чужие	инициирование	приращение денежного дохода и повышение качества жизни
Экономически пассивное население	чужие	эксплуатация традиционных форм экономического поведения	сохранение денежного дохода и качества жизни

Эмпирически было обнаружено, что экономически активная группа в России стала проявляться в период трансформации социально-экономической системы страны. Возникает вопрос: Экономическая активность связана с трансформационным процессом как таковым или с этапом развития общества? Анализ, проделанный А. Туреном в книге «Возвращение человека действующего. Очерк социологии», показывает, что на этапе развития индустриального общества активность нуждалась в дополнительных общественных формах. В качестве решающего агента истории на этапе индустриального общества выступает социальное движение. И только на этапе развития общества, которое М. Кастельс определяет как информационное,¹ появляются хозяйственные инструменты, дающие возможность отдельным акторам проявлять не предпринимательскую активность. Расширение экономической активности за границы активности предпринимательской происходит на этапе появления новых организационных форм, которые могут быть использованы отдельными социальными слоями без их присвоения, приобретения на них прав собственности. Одной из таких наиболее эффективных организационных форм является Интернет. Всемирная сеть повышает мобильность специалистов, позволяя им предлагать свои услуги на мировом рынке труда без территориального перемещения. Создавая новые информационные продукты, специалисты не привязаны к конкретной фирме и могут легко перемещаться, выполняя наиболее привлекательные для них заказы. Собственностью на Интернет они не обладают. Другой организационной формой, предоставляющей новые возможности в реализации экономических потребностей, являются финансовые технологии, позволяющие планировать и управлять денежными потоками домохозяйств.

Экономически активный слой населения появляется в обществах, имеющих возможность предоставить в распоряжение своих членов организационные формы для реализации активного экономического поведения. В зависимости от хозяйственной отрасли экономическая активность может принимать формы трудовой, финансовой, потребительской.

Проблемы эмпирических исследований экономической активности

Понятие «экономически активная группа» появилось в результате длительной исследовательской практики. Она была сначала обнаружена, и только позднее пришло ее теоретическое осмысление. В Нижнем Новгороде первые эмпирические исследования экономической активности были проведены в ноябре 1992 года.¹ Уже на первых этапах яркого проявления новых экономических реалий – изменения цен, инфляционных процессов, изменения механизмов трудовой мобильности, приватизации – выделялась группа людей, которая пыталась осваивать новые типы экономического поведения.

На первом этапе в 1992 году методами многомерного анализа была выделена группа, которая обладала более высоким уровнем желания освоить новый тип экономического поведения – приобрести акции, обратиться за новыми банковскими услугами в коммерческие банки. Одновременно у этой группы наблюдался более высокий интерес к экономическим процессам в обществе.¹

Так стал выкристаллизовываться первый индикатор экономической активности – желание освоить новые типы экономического поведения, подкрепленное информационным интересом, желание осознанное и отрефлексированное. Этот тип поведения встречался и в дальнейшем в каждом исследовании, затрагивающем проблемы отношения населения к новым экономическим реальностям.

На втором этапе происходило выяснение взаимосвязи между активностью и местом ее носителя в социально-профессиональной и доходной структуре. Оказалось, что непосредственной сильно выраженной связи между покупательной способностью человека и его экономической активностью нет. Экономически активные люди – это отнюдь не только предприниматели, здесь есть и интеллигенция, и рабочие. Среди всех социально-демографических характеристик только образование и возраст имеют взаимосвязь с экономической активностью. Среди экономически активных людей чаще встречаются люди, имеющие высшее образование. И, конечно, с этой характеристикой тесно коррелирует возраст. Среди пенсионеров число экономически активных ниже, чем в других возрастных группах. Сходные результаты получали исследовательские коллективы, изучающие проблемы адаптации.¹ Рассматривая независимое жизнеобеспечение как позитивную форму адаптации, исследователи делают акцент на самореализации индивида, участии в общественном производстве, создании материальных и духовных ценностей.¹ Однако в центре их внимания расположены стратегии выживания.

Третий этап исследований состоял в определении мотиваций и стратегий поведения экономически активного поведения. Было выявлено, что в центре мотиваций активного поведения лежат:

- опора, прежде всего, на собственные силы;

- высокая оценка собственных возможностей влиять на ситуацию;
- определенная гибкость нравственных категорий;
- стремление в каждой конкретной ситуации выбрать наиболее выгодную позицию, избегание шаблонов;
- высокая способность к инновациям;
- способность изменяться;
- постоянное стремление привести свои возможности в соответствие со своими потребностями, повышая первые и не понижая вторые.

Основной перечень этих мотивационных оснований деятельности обнаруживали и исследователи развития процессов предпринимательства в России.¹

На четвертом этапе исследовательский коллектив пытался решить проблему проявления экономической активности в процессах, связанных с функционированием рынка труда. Оказалось, что экономически активной части общества присущи очень высокий уровень *трудовой мобильности, стремление сохранить независимость своего материального положения путем получения финансовых средств из нескольких источников*. Экономически активные люди чаще предпочитают не только работать, но иметь приработок. В случае ухудшения своего материального положения они более склонны искать другую, более высокооплачиваемую работу и приработок. Они практически не склонны к проявлению деструктивных форм социального поведения – забастовкам, митингам, противоправным действиям. Также не хотят они сидеть и ждать, сложа руки, пока ситуация сама собой улучшится.

Экономически активное население, не являясь в основной своей массе богатым, положительно относится к верхним слоям социальной пирамиды, в целом одобряя деятельность предпринимателей. Многие из них имеют опыт предпринимательской деятельности или хотели бы при возможности попробовать свои силы на этом поприще. Среди экономически активных людей высок процент менеджеров. Однако то, что человек является менеджером, не включает его автоматически в группу экономически активных. Экономическая активность – это не функция трудовой деятельности, а определенная жизненная позиция, социально-экономическая установка.

Первоначально было очень странно наблюдать, что стремление к получению экономической информации у специалистов-экономистов или финансистов находится на уровне, не превышающем соответствующий уровень у трудоспособного населения города.¹ Однако, если проанализировать механизм включенности этих специалистов в трудовой процесс, то многое становится ясно. Многие из них являются служащими экономических и финансовых отделов фирм, выполняют определенные ограниченные

функции и практически не принимают самостоятельных решений, требующих умения ориентироваться в конъюнктуре рыночных процессов.

Экономически активный слой выполняет в обществе следующие социальные функции:

- адаптационную, выступая катализатором экономических процессов;
- инновационную, создавая в своей жизненной практике модели поведения, которые затем приобретают массовый характер в связи с большей очевидностью их выгоды;
- создает базу социальной стабильности, лояльности, терпимости к представителям всех социальных слоев;
- способствует развитию рыночных процессов, используя новые типы рыночного поведения;
- помогает преодолевать перекосы в функционировании рынка труда;
- создает среду для поддержки малого и среднего бизнеса;
- вырабатывает новые этические нормы трудовой деятельности.

Создание условий для формирования экономически активного слоя является главной заботой руководства региона. Включение экономической активности как показателя в социокультурный Портрет региона позволяет учитывать ее при разработке социальных технологий управления развитием различных экономических сфер. Основными элементами этих социальных технологий являются как меры, направленные на повышение качества человеческого капитала общества, так и создание организационных форм и социальных институтов для проявления экономической активности.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

В. М. Пивоев (Петрозаводск)

В Петрозаводском государственном университете с 1997 года регулярно (раз в два года) проводится научная конференция на тему «“Свое” и “чужое” в культуре народов Европейского Севера». В числе важнейших проблем, которые обсуждаются на конференциях, находится проблема формирования региональной культурной идентичности на основе диалога культур. При относительно высоком уровне толерантности коренного населения в Карелии существуют некоторые проблемы в связи с

трансформацией социокультурной идентичности вследствие миграционных процессов. Этим обусловлен интерес, который вызвал проект создания социокультурного портрета региона по единой методике, предложенный Н. И. Лапиным.

При осмыслении той методики, которая была предложена для обсуждения на конференции, возникли следующие вопросы и проблемы.

Во-первых, *дифференцированность* регионов. Все регионы обладают различным природным, климатическим, демографическим и этнокультурным потенциалом. Смогут ли единая методика адекватным образом схватить социокультурную идентичность каждого региона? Или повторим тот же вопрос в другой плоскости: эта методика, видимо, покажет сходство регионов или некоторые варианты разнообразия, но уникальность каждого региона сможет ли она выразить?

Во-вторых, нужно иметь в виду, что понятие «региональная идентичность» может быть истолковано по-разному с учетом различного подхода к тому, что есть *регион*. В одних случаях регионом называют субъект Российской Федерации; в других — федеральный округ, образованный для укрепления вертикали власти; в третьих — новые образования, поскольку начался процесс укрупнения региональных общностей за счет слияния двух-трех субъектов федерации в новое региональное образование. Как учитывать эту динамику региональных трансформаций, как сказывается она на изменении традиционной идентичности?

В-третьих, с 1960-х гг. в российской науке начались интенсивные дискуссии по вопросам этно-национальной идентичности. В советской науке главной категорией считалась «нация», но с некоторого времени началась постепенная замена этого термина другим, «этносом». Разные авторы понимают соотношение этих понятий по-разному. Многие считают термины «этнос» и «нация» синонимами, вследствие этого нередки такие странные заявления, что русские — моноэтническая нация. Я исхожу из того, что русские являются нацией, а этнос «русь», давший название нации, исчез в XI—XII веках, то есть этнических русских уже не существует. Соответственно возникает вопрос об этнической идентичности русских. На него ответить очень трудно, поскольку во многих случаях утрачены этнокультурные корни. Более подробно данная точка зрения обоснована мною в монографии «Этнос и нация: Проблемы идентификации», которая выйдет из печати до конца года.

В-четвертых, когда мы пытаемся сегодня определить нашу культурную идентичность, то мы должны признать, что восточные компоненты идентичности в менталитете россиян относятся к западным как 60 к 40%, то есть перевешивают восточные ценности и характерные установки. Недавно на конференции «Православие в

Карелии» я выступил с докладом о роли православной религии в идентичности карельского народа¹. Я показал в нем, что хотя два родственных народа — карелы и финны живут в аналогичных климатических условиях, но финны привержены католическому и лютеранскому вероисповеданиям, а карелы — православной вере. В основе лютеранской религии лежит представление об индивидуальной ответственности, тогда как в православной религии — важнейшим принципом является коллективная ответственность. Что же повлияло на выбор карелов и финнов? Думается, что решающим было то, что карелы оказались в зоне влияния восточного менталитета, где общинное сознание и групповая ответственность, взаимопомощь всегда играли важную роль. При этом нельзя не учитывать некоторое влияние Запада, хотя влияние Востока всегда было сильнее.

Что же касается замысла сравнительного исследования социокультурного потенциала регионов, то оно, как представляется, имеет большое значение для выбора стратегической программы развития как регионов, так и России в целом. В недавно опубликованном в Интернете проекте программы развития Северо-Западного региона (в рамках федерального округа) составители программы отвели Республике Карелия роль сырьевого придатка промышленно развитого Санкт-Петербурга. Такая роль не соответствует интересам и возможностям населения Республики Карелия.

При планировании какой-либо деятельности, связанной с развитием региона, следует выделять следующие компоненты и этапы:

Во-первых, *смысл* деятельности, который заключается в удовлетворении идеальных духовных потребностей и оптимизации функционирования общества, создании оптимальных условий для свободного саморазвития и самореализации каждого человека и каждой группы людей в интересах общего блага. При этом важно определить объект деятельности и предмет (угол зрения на объект). Выбранный смысл является стратегией и содержанием деятельности. В нашем случае смысл определяется потребностями полноценной и всесторонней самореализации и саморазвития региона как составной части России на основе содружества и сотрудничества всех народов.

При этом важно учесть, что определение смысла деятельности опирается на сформированный потенциал идентичности. Идентичность для регионального сообщества — это ответ на три вопроса: кто мы такие и чем отличаемся от других? за что нас могут и должны уважать? как нам сохранить свое достоинство и свое лицо? И тогда смысл развития региона заключается в полноценной самореализации на благо собственного народа и России.

Во-вторых, *цели* деятельности (тактика): поэтапная реализация конкретных задач, направленных на воплощение смысловой, стратегической программы самореализации каждого человека и всех социальных групп на основе изучения ресурсов, образования и развития феноменов и т. п. Они определяются в соответствии с общей стратегией.

В-третьих, *принципы* деятельности: историзм, полицентризм, многомерность, единство традиций и обновления, взаимосвязь интеграции и дифференциации, ценностная толерантность, диалогичность, легитимность, гуманность.

В-четвертых, *направления* деятельности, которые выбираются в зависимости от объекта и предмета деятельности и должны обеспечить всестороннее воздействие на него, или, по крайней мере, должны быть затронуты важнейшие стороны объекта.

В-пятых, *задачи* деятельности, т. е. конкретные проблемы и вопросы, которые нужно решить, чтобы в конце деятельности получить ожидаемые результаты и воплощение стратегического смысла деятельности в соответствующих направлениях, предоставляющих возможность каждому человеку и различным группам для самореализации и самоутверждения в свете их представлений о ценностях.

Таким образом, для наших условий важной задачей можно считать определение идентичности, т. е. потребностей и возможностей для реализации смысла жизни населения России. Предстоящее исследование социокультурного портрета региона призвано обнаружить креативный потенциал региона, чтобы создать условия для его самореализации. Прежде чем вкладывать инвестиции в развитие региона, заинтересованные лица в правительстве России должны ясно себе представлять, что может этот регион, каковы его возможности и ресурсы природные и социально-демографические. Должны быть полная ясность что можно доверить данному региону, что можно от него ждать и чего он может добиться, если оказать ему своевременную и эффективную поддержку.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ В МЕЖПЕРЕПИСНОЙ ПЕРИОД 1989-2002 гг.

А.Г.Плиев (Владикавказ)

Общие сведения. Республика Северная Осетия-Алания (далее – Северная Осетия) – один из субъектов Российской Федерации, входящих в Южный федеральный округ. Территория республики составляет около 8 тыс. кв. км. (0,05% территории РФ), численность населения по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. – 710,3 тыс. чел. (0,5% численности всего населения РФ)*. Северная Осетия является одним из

самых густонаселенных субъектов РФ: плотность населения республики – почти 89 чел. на 1 кв. км. (в целом по РФ - 8,5 чел., по Южному федеральному округу - 39 чел.). Северная Осетия - самая урбанизированная из республик Южного федерального округа – 65,5% ее населения проживают в 6 городах и 7 поселках городского типа, остальные - в сельской местности 8 районов республики и сельских населенных пунктах, находящихся в подчинении администрации местного самоуправления столицы республики г. Владикавказа (в целом по Южному федеральному округу городское население составляет 57%, в РФ - 73%). 47% населения Северной Осетии проживает в г. Владикавказе.

Сложные этнополитические процессы, начавшиеся в республиках СССР и регионах России в конце 80-х-начале 90-х гг. XX в., – “парад суверенитетов”, лозунги об исключительности титульных этносов и приоритетах их интересов, попытки создания моноэтнических республик, вооруженные межэтнические и внутриэтнические конфликты и т.п., – вызвали широкий всплеск миграционной подвижности населения, прежде всего нетитульных этносов, в направлении своей исторической родины. Одним из первых регионов России, принявших значительное число мигрантов и беженцев из “горячих” точек бывшего СССР, явилась Северная Осетия, куда устремились беженцы-осетины из внутренних районов Грузии и Южной Осетии и основная часть реэмигрантов и беженцев-осетин из Казахстана и государств Средней Азии.

Изменение этнополитической ситуации в республике, в том числе и в связи с прибытием в нее значительного числа реэмигрантов и беженцев-осетин, а также причины социально-экономического характера обусловили, в свою очередь, продолжение оттока из Северной Осетии представителей практически всех нетитульных этносов республики, основная часть которых мигрировала в направлении других субъектов РФ. Мигранты, беженцы, а затем и вынужденные переселенцы существенно изменили динамику *составляющих* рост численности населения Северной Осетии и ее этнический состав. *Если в межпереписной период 1979-1988 гг. единственным источником роста численности населения республики был естественный прирост населения (54,5 тыс. чел.) при значительном миграционном оттоке (14,1 тыс. чел.), то в межпереписной период 1989-2002 гг. основным источником роста численности населения Северной Осетии стал миграционный прирост. В последние же 7 лет миграционный прирост является единственным источником роста численности населения республики.* Миграционный прирост населения Северной Осетии в 1989-2002 гг. составил более 65 тыс. чел. (в их числе и имеющие статус вынужденных мигрантов), что составило почти 84% общего прироста населения республики.

В указанный период единственным источником миграционного прироста населения республики был ее миграционный обмен с республиками бывшего СССР, сальдо которого составило около 90 тыс. чел., тогда как в миграционном обмене с субъектами РФ и странами дальнего зарубежья Северная Осетия “потеряла” соответственно около 21 тыс. и 2,5 тыс. чел.

Основным источником роста численности населения республики в 1989-2002 гг. был значительный миграционный прирост осетин и небольшой миграционный прирост армян, тогда как у остальных вместе взятых этносов имел место миграционный отток. Миграционный прирост осетин в Северной Осетии составил в рассматриваемые годы более 91 тыс. чел. (в 1979-1988 гг. всего лишь 4,9 тыс. чел., или 9% общего прироста населения республики). В росте численности осетинского населения республики миграционный прирост в 1989-2002 гг. составил 83%, тогда как в 1979-1988 гг. - всего 10%. В целом численность осетинского населения Северной Осетии (включая беженцев и вынужденных переселенцев) за период 1989-2002 гг. увеличилась более чем на 110 тыс. чел., или на 33%, тогда как за межпереписной период 1979-1988 гг. – только на 35,9 тыс. чел., или на 12% (См. табл. 1-2). Численность всего населения республики (включая беженцев и вынужденных переселенцев) увеличилась в межпереписной период 1989-2002 гг. почти на 78 тыс. чел., или на 12,3%; за межпереписной период 1979-1988 гг. – на 40,4 тыс. чел., или на 6,8% (См. табл. 1-2).

Значительный миграционный приток осетин в Северную Осетию в 1989-2002 гг. был обусловлен сложившейся этнополитической ситуацией в Грузии и Южной Осетии (война 1990-1992 гг. в Южной Осетии), а также сложными этнополитическими процессами в Казахстане и государствах Средней Азии. Сальдо миграции осетин из внутренних районов Грузии и Южной Осетии составило в 1989-2002 гг. более 63 тыс. чел. (70% общей численности миграционного притока осетин), из государств Средней Азии и Казахстана – около 12 тыс. чел. (13% численности мигрантов-осетин). За указанный период в Северную Осетию мигрировал каждый 3-й осетин-житель Грузии (включая Южную Осетию) и каждый 2-й осетин-житель Казахстана и государств Средней Азии. Отметим, что по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года в Грузии (включая Южную Осетию) проживало 164 тыс. осетин, в республиках Средней Азии и Казахстане – 21,1 тыс. осетин (в Таджикистане - 7,9 тыс. чел, в Узбекистане и Казахстане - соответственно 5,8 тыс. и 4,3 тыс. чел.). Ссылаясь на материалы переписей населения Таджикистана (2000 г.) и Казахстана (1999 г.), отметим, что в указанных государствах на момент проведения в них переписей проживало соответственно около 1,0 тыс. и немногим более 2 тыс. осетин.

Если в миграционном обмене с указанными государствами Северная Осетия “приобрела” в межпереписной период 1989-2002 гг. почти 90 тыс. чел. (83 тыс. осетин, 3 тыс. русских и 3 тыс. чел. других национальностей), то во внутрироссийском (межрегиональном) миграционном обмене республика “потеряла” около 24 тыс. чел., в том числе более 18,5 тыс. русских и 8,5 тыс. чел. других национальностей. За этот же период миграционный приток осетин в Северную Осетию из других субъектов РФ составил 3,0 тыс. чел.

Говоря о внутрироссийском миграционном обмене Северной Осетии, необходимо отметить, что основными субъектами РФ, в которые выезжает население республики, являются “русские” субъекты Северного Кавказа - Ставропольский и Краснодарский края и Ростовская область, а также Кабардино-Балкарская Республика. Миграционный отток населения Северной Осетии в “русские” субъекты региона составил за период 1989-2002 гг. почти 15 тыс. чел., или 64% численности всего миграционного оттока населения республики в другие субъекты РФ. На Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область пришлось в последний межпереписной период соответственно 27, 26 и 11% миграционного оттока населения Северной Осетии в другие субъекты РФ, на Кабардино-Балкарию – более 5%.

Следующим по привлекательности регионом для уезжающего из республики населения является Центральный регион РФ, в частности г. Москва и Московская область. Миграционный отток населения республики в указанные субъекты РФ за указанный период составил 9,3 тыс. чел. (40% численности всего миграционного оттока населения республики в другие субъекты РФ). В последние 5 лет (1998-2002 гг.) наблюдается усиление миграционного оттока населения республики в Москву и Московскую область: более 44% межрегионального миграционного оттока населения Северной Осетии в указанные годы пришлось именно на эти субъекты Центрального региона РФ. На долю “русских” субъектов Северного Кавказа пришлось в этот период 49% межрегионального миграционного оттока населения республики.

По сравнению с межпереписным периодом 1979-1988 гг. значительно сократился, но продолжался миграционный отток из Северной Осетии русского населения. Если в межпереписной период 1979-1988 гг. миграционный отток русских из республики составил 19,9 тыс. чел. (в среднем за год 1991 чел.), то в 1989-2002 гг. – 14,5 тыс. чел. (в среднем за год 1050 чел.). Указанный *миграционный отток и естественная убыль* русского населения, составившая в 1989-2002 гг. 12,4 тыс. чел., привели к значительному уменьшению его численности в Северной Осетии – более чем на 24 тыс. чел., или на 13,6% (Отметим, что в ходе Всероссийской переписи населения 2002 года порядка 2,5

тыс. украинцев назвали себя русскими). В межпереписной период 1979-1988 гг., когда имел место естественный прирост русского населения, его численность в республике уменьшилась на 11,5 тыс. чел., или на 5,7%.

Межпереписной период 1989-2002 гг. характеризуется изменившейся динамикой темпов роста численности городского и сельского населения Северной Осетии. Если в межпереписной период 1979-1988 гг. численность городского и сельского населения республики увеличилась соответственно на 8,5 и 3,4%, то в последний межпереписной период - соответственно на 7,2 и 23,5%. Основным источником роста численности и городского, и сельского населения Северной Осетии в 1989-2002 гг. был миграционный прирост. На его долю пришлось соответственно 79 и 87% роста численности сельского и городского населения республики.

Говоря о миграционных процессах в Северной Осетии, необходимо отметить, что почти 62% общего миграционного прироста населения республики в 1989-2002 гг. пришлось на сельскую местность. При этом имели место существенные различия в направленности миграционных потоков отдельных этносов Северной Осетии. 56% миграционного прироста осетинского населения республики пришлось на городские поселения республики (из них порядка 50% - на г. Владикавказ) и 44% - на сельские. Для русского населения Северной Осетии в целом, как уже было сказано выше, рассматриваемый период характеризуется значительным миграционным оттоком. При этом необходимо особо отметить, что отток русских происходил только из городских поселений республики (более 14 тыс. чел.), тогда как в сельской местности, наоборот, наблюдался их миграционный прирост (около 2,5 тыс. чел.). Порядка 80-85% миграционного оттока русских из городских поселений республики пришлось в последний межпереписной период 1989-2002 гг. на г. Владикавказ.

Особенности динамики численности населения Северной Осетии в первой половине 90-х гг. характеризуются не только вышеотмеченными миграционными процессами, но и неблагоприятной демографической ситуацией, в частности, регрессирующим (убывающим) населением (коэффициент смертности выше коэффициента рождаемости). Именно неблагоприятная демографическая ситуация в сочетании с рядом факторов социально-экономического характера обусловили в указанные годы резкое падение уровня рождаемости и рост смертности населения Северной Осетии. С 1989 по 2002 год общий коэффициент рождаемости сократился в республике в целом с 18,0 до 11,6 чел. на 1000 населения, или почти в 1,6 раза (в РФ в целом – с 14,6 до 9,8, или в 1,5 раза). У осетинского населения республики указанный показатель сократился с 18,1 до 9,6 (в 1,9 раза), у русских – с 14,7 до 5,8 (более чем в 2,5 раза). За этот же период коэффициент смертности вырос в Северной Осетии в целом более чем в 1,3 раза – с 9,5 до 12,9 чел. на 1000 населения (в РФ в целом - с 10,7 до 16,3, или более чем в 1,5 раза). У осетинского населения республики указанный показатель вырос с 8,1 до 11,2 (почти в 1,4 раза), у русского – с 12,9 до 15,7 чел. (в 1,2 раза).

В настоящее время в Северной Осетии один из самых высоких среди республик региона уровней смертности (выше только в Адыгее) и один из самых низких уровней рождаемости.

Основным показателем, характеризующим неблагоприятную этнодемографическую ситуацию в Северной Осетии, сложившуюся к моменту проведения Всероссийской переписи 2002 года, является сокращение суммарного коэффициента рождаемости (количества рождений, приходящихся на одну женщину в течение ее жизни. Напомним, что для простого воспроизводства населения этот показатель должен составлять 2,15-2,17 ребенка). Если в 1989 г. этот показатель в республике составлял 2,32, то в 2002 г. он сократился почти в 1,6 раза и составил 1,48. В настоящее время это один из самых низких показателей среди республик Северного Кавказа (ниже только в Республике Адыгея – 1,40; в целом по РФ – 1,32). Динамика указанного показателя обусловлена рядом

факторов поселенческого, этнодемографического и, в определенной мере, экономического характера.

В рассматриваемый межпереписной период 1989-2002 гг. естественный прирост населения не только не обеспечивал простого воспроизводства населения Северной Осетии, но и неуклонно приближался к критическому порогу, за которым начинается депопуляция населения. В 1996 г. республика этот порог перешагнула: с этого года естественный прирост всего населения Северной Осетии имеет минусовой показатель. Еще раньше – с 1991 г. – начался процесс депопуляции русского населения республики. С 1999 г. начался процесс депопуляции и титульного населения республики – осетин. Если в 1989, 1994 и 1998 гг. естественный прирост осетин в Северной Осетии составлял соответственно 3356, 1714 и 546 чел., то в 1999, 2000 и 2001 гг. – соответственно *минус* (-) 73, (-) 265 и (-) 630 чел. Особо отметим, что из титульных этносов республик Северного Кавказа только у осетин и адыгейцев в настоящее время идет процесс депопуляции этноса.

Неблагоприятные этнодемографические процессы обусловили значительный рост в республике в последние годы удельного веса населения старше трудоспособного возраста – с 17,9% в 1989 г. до 22% в 2002 г. (в целом по РФ - с 18,5 до почти 21%). Удельный вес “старого” населения (населения в возрасте 65 лет и старше) вырос в Северной Осетии за указанный период с 9,4 до почти 13% (в РФ в целом – с 9,6 до 13%; по критериям, принятым в демографической науке, население считается *старым*, если последний показатель превышает 7%). Указанные процессы в Северной Осетии, как и в РФ в целом, являются как следствием неблагоприятных общероссийских демографических и социально-экономических факторов последних десятилетий, так и следствием отсутствия демографической политики как у федерального центра, так еще более у республиканской власти.

Еще более неблагоприятной выглядит динамика демографической ситуации в Северной Осетии в сравнении с соседними республиками региона. Так, если за период с 1989 по 2002 год уровень естественного прироста населения в республике сократился с 8,5 до *минус* (-) 1,3 чел. на 1000 населения, то в Кабардино-Балкарии этот показатель сократился с 12,6 до 0,2, в Ингушетии – с 16,2 до 12,1, в Дагестане – с 21,0 до 11,6. Не менее существенны различия и в уровне естественного прироста у осетин, с одной стороны, и титульных этносов соседних республик региона - с другой. Так, если у осетин он в 1989-2002 гг. составил в среднем за год 3,6 чел. на 1000 населения, то у вместе взятых кабардинцев и балкарцев – 9,8, у вместе взятых карачаевцев и черкесов – 9,2, у ингушей – 15,6, у вместе взятых народностей Дагестана - 16,2 чел.

Уровень естественного прироста русского населения Северной Осетии в

1989-2002 гг. составил в среднем за год (-) 5,7 чел. на 1000 населения; у русского населения других республик Северного Кавказа этот показатель варьировал от (-) 5,4 в Адыгее до (-) 4,3 в Карачаево-Черкесии.

Если в межпереписной период 1979-1988 гг. единственным источником роста численности населения Северной Осетии был естественный прирост (54,5 тыс. чел.) при отрицательном сальдо миграции (14,1 тыс. чел.), то в межпереписной период 1989-2002 гг. естественный прирост населения составил только 12,6 тыс. чел., тогда как миграционный прирост – более 65 тыс. чел. В абсолютных показателях среднегодовой естественный прирост населения республики сократился в 1989-2002 гг. по сравнению с 1979-1988 гг. почти в 6 раз – с 5449 до 916 чел.

Миграционный приток и неблагоприятная демографическая ситуация изменили структуру общего прироста как всего населения Северной Осетии, так и его отдельных взятых этносов. Доля естественного прироста в росте численности, в частности, осетин сократилась с 90% в 1979-1988 гг. до 17% в 1989-2002 гг. (среднегодовой естественный прирост в абсолютных показателях уменьшился при этом в 2,3 раза - с 3223 до 1390 чел.). Еще большие изменения произошли в динамике численности русского населения Северной Осетии. Если в 1979-1988 гг. естественный прирост русского населения составил 8,4 тыс. чел. (миграционный отток - 19,9 тыс. чел.), то период 1989-2002 гг. характеризуется не только продолжающимся миграционным оттоком, но и естественной убылью русского населения, составившими соответственно 14,5 тыс. и 12,4 тыс. чел. Среднегодовой естественный прирост русского населения Северной Осетии сократился при этом с 838 чел. в 1979-1988 гг. до (-) 902 чел. в 1989-2002 гг.

Среднегодовой прирост всего населения республики и его отдельных этносов в межпереписные периоды 1979-1988 гг. и в 1989-2002 гг., а также динамика показателей среднегодового прироста их численности за указанный период представлены в табл.1.

Таблица 1

Динамика численности населения Северной Осетии и его среднегодового прироста (1979-1989 гг. и 1989-2002 гг.), *тыс. чел.*

	17.01.1979 г., <i>перепись</i>		12.01.1989 г., <i>перепись</i>		9.10.2002 г., <i>перепись</i>		Среднегодовой прирост населения, чел.	
	числен- ность	%	числен- ность	%	числен- ность	%	1979- 1988	1989- 2002
Все население	592,0	100	632,4	100	710,3	100	4043	5665
осетины	299,0	50,5	334,9	53,0	445,3	62,7	3586	8029
русские	200,7	33,9	189,1	29,9	164,7	23,2	- 1153	- 1775
ингуши	23,7	4,0	32,8	5,2	21,4	3,0	912	- 829

армяне	12,9	2,2	13,6	2,1	17,1	2,4	71	255
грузины	11,3	1,9	12,3	1,9	10,8	1,5	94	- 109
украинцы	10,6	1,8	10,1	1,6	5,2	0,7	-48	- 356
кумыки	7,6	1,3	9,5	1,5	12,7	1,8	187	233
чеченцы	1,8	0,3	2,6	0,4	3,4	0,5	89	58
азербайдж.	1,4	0,2	1,7	0,3	2,4	0,3	40	49
другие нац-ти	23,0	3,9	25,8	4,1	27,3	3,9	265	110

В табл.2 приведены составляющие прироста (снижения) численности населения Северной Осетии и его основных по численности этносов в межпереписной период 1989-2002 гг.

Таблица 2

Динамики численности населения Северной Осетии в 1989-2002 гг., *тыс. чел.*

	1989 г., перепись	Прирост населения за 1989-2002 гг.			2002 г., перепись	2002 г. в % к 1989 г.	Удельный вес в численност и населения, %	
		ПН*	в том числе:				19 89 г.	20 02 г.
			ЕПН*	МП Н *				
Северная Осетия:	632,4	77,9	12,6	65,3	710,3	112,3	100	100
осетины	334,9	110,4	19,1	91,3	445,3	133,0	53,0	62,7
русские	189,1	- 24,4	- 12,4	- 12,0**	164,7	87,1	29,9	23,2
ингуши	32,8	- 11,4	2,2	- 13,6	21,4	65,2	5,2	3,0
армяне	13,6	3,5	- 0,2	3,7	17,1	125,7	2,1	2,4
кумыки	9,5	3,2	2,5	0,7	12,7	133,7	1,5	1,8
грузины	12,3	- 1,5	0,5	- 2,0	10,8	87,8	1,9	1,5
украинцы	10,1	- 4,9	- 1,1	- 3,8***	5,2	51,5	1,6	0,7
чеченцы	2,6	0,8	0,8	0,0	3,4	130,8	0,4	0,5
азербайдж.	1,7	0,7	0,4	0,3	2,4	141,2	0,3	0,3
другие этносы	25,8	1,5	0,8	0,7	27,3	105,8	4,1	3,9

** Миграционный прирост - (-) 14,5 тыс. чел.; ~ 2,5 тыс. украинцев в ходе Переписи 2002 года

“записали” себя русскими.

*** Миграционный прирост - (-) 1,3 тыс. чел.; ~ 2,5 тыс. украинцев в ходе Переписи 2002 года
 “записали” себя русскими.

Приложение к работе, поясняющее итоговую численность всего населения Северной Осетии и его основных по численности этносов

В рассматриваемый межпереписной период 1989-2002 гг. Северная Осетия приняла значительное число беженцев и вынужденных переселенцев. По данным Миграционной службы Северной Осетии, на начало 2002 г. в республике находилось 34,8 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, основную часть которых – 25,8 тыс. чел., или 74% - составляли беженцы из внутренних районов Грузии, 3,5 тыс. чел. (10%) – беженцы из республик Средней Азии и Казахстана, 0,8 тыс. чел. (2,3%) – беженцы из Южной Осетии, 2,6 тыс. чел. (7,5%) – вынужденные переселенцы из Чечни и 1,4 тыс. чел. (4%) - так называемые внутренние переселенцы, то есть население Северной Осетии, покинувшее места своего постоянного жительства в зоне осетино-ингушского вооруженного конфликта осени 1992 г. По соотношению численности беженцев и вынужденных переселенцев к числу постоянного населения республика к началу проведения Всероссийской переписи 2002 года занимала одно из первых мест в РФ – 520 чел. на 10 тыс. населения (в целом по РФ – около 80 чел.)

Основную часть беженцев и вынужденных переселенцев, находившихся в Северной Осетии к началу проведения Всероссийской переписи 2002 года, составляют осетины – 30,4 тыс. чел., или 87,4% и русские – 2,2 тыс. чел. (6,3%); на долю остальных этносов приходится 2,2 тыс. чел. (6,3%). Значительную часть осетин-беженцев и вынужденных переселенцев составляли беженцы из внутренних районов Грузии – 24,7 тыс. чел. (81,3%), Казахстана и государств Средней Азии – 2,9 тыс. чел (9,5%), Южной Осетии – 0,8 тыс. чел. (2,6%) и Чечни – 0,6 тыс. чел. (2%). - См. табл.3.

Таблица 3

Численность беженцев и вынужденных переселенцев в Северной Осетии
 и их этнический состав (на 1 января 2002 г.), тыс. чел.

	Всего	в том числе из:				
		Грузии	в том числе:	Средней Азии и Казахстана	Чечни	других регионов
			Южной Осетии			

Всего,	34,8	26,6	0,8	3,5	2,6	1,3
<i>в том числе:</i>						
осетины	30,4	25,5	0,8	2,9	0,6	0,6
русские	2,2	0,2	-	0,3	1,3	0,4
грузины	0,6	0,5	0,03	0,03	0,02	-
армяне	0,6	0,1	-	0,03	0,3	0,2
другие						
нац-сти	1,0	0,3	-	0,2	0,4	0,1

К началу проведения Всероссийской переписи 2002 года в Северной Осетии имели статус беженцев и вынужденных переселенцев, а также уже легализовалось в качестве граждан России почти 73 тыс. чел., или 37% численности осетинского населения, ранее проживавшего за пределами РФ (по Всесоюзной переписи населения 1989 года – 195,7 тыс. чел.), в том числе почти 61,5 тыс. чел., или более 37% осетинского населения, ранее проживавшего в Грузии (по Всесоюзной переписи населения 1989 года -164,0 тыс. чел., в том числе в Южной Осетии - 65,2 тыс. чел.).

Исходя из этнополитических реалий и экономической ситуации в Грузии, Южной Осетии, Казахстане и государствах Средней Азии, необходимо уже сегодня всех беженцев-осетин из указанных государств считать гражданами России: никаких предпосылок для их возвращения в места своего прежнего проживания на территории указанных государств ни в ближайшем, а тем более в отдаленном будущем не предвидится. Отметим, что с середины 1997 г. (времени начала возвращения беженцев-осетин во внутренние районы Грузии и Южную Осетию) по 1 января 2002 г. усилиями УВКБ ООН и миграционных служб Северной и Южной Осетии в места своего прежнего постоянного проживания в Южной Осетии возвращены всего 1138 чел. (341 семья), во внутренние районы Грузии – 193 чел. (61 семья). Часть этих людей впоследствии опять вернулась в Северную Осетию. В 2002 г. возвращения осетин-беженцев в Южную Осетию и внутренние районы не происходило. Сказанное в полной мере относится ко всем беженцам из Казахстана и государств Средней Азии: часть из них останется в Северной Осетии, основная часть использует республику как транзитный пункт для переезда в “русские регионы” РФ.

С августа 1994 г. – момента начала возвращения ингушских вынужденных переселенцев – по 1 октября 2002 г. в Северную Осетию официально вернулось около 21 тыс. ингушей. Фактически же численность вернувшегося ингушского населения гораздо ниже. По данным Представительства специального представителя Президента РФ по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта, численность ингушского населения, вернувшегося в места своего прежнего постоянного проживания на территории Северной Осетии, насчитывала на 1 октября 2002 г. порядка 12 тыс. чел.

Естественно, что гораздо ниже озвучиваемой властями Северной Осетии и общая численность ингушского населения, проживающего в республике на момент проведения переписи. На начало октября 2002 г. их реальная численность в Северной Осетии составляла, по нашим расчетам, порядка 22-23 тыс. чел. Несколько иной цифры на этот счет придерживалось руководство республики: по его мнению, на начало 2002 г. в Северной Осетии проживало около 30 тыс. ингушей. Одним из итогов прошедшей переписи населения республики стал *недобор* значительного числа ингушей из этих “почти 30 тыс. чел. ингушского населения, проживающего в настоящее время в Северной Осетии”.

Приведенные в тексте и *таблицах* абсолютные и относительные показатели, характеризующие современную демографическую ситуацию в Северной Осетии, а также сравнительные данные по соседним республикам региона, свидетельствуют не только о демографическом кризисе, переживаемом сегодня республикой, но и о тенденциях его дальнейшего углубления. ***Ситуация требует самого незамедлительного принятия ряда мер, направленных на стабилизацию, а затем и улучшение демографической ситуации в республике.*** В противном случае существующие тенденции падения рождаемости и роста смертности неизбежно приведут в ближайшие десятилетия как к прогнозируемым, так и к еще более непредвиденным этнодемографическим изменениям, а через них и к негативным социально-экономическим и этнополитическим процессам в Северной Осетии. И может так случиться, что на разрешение этих проблем уже не хватит самих людей: население республики к этому времени в основной массе своей будет безнадежно *старым*. Напомним, что на начало 2002 г. население старше трудоспособного возраста составляло 22% населения Северной Осетии, а население в возрасте 65 лет и старше – почти 13% (по принятым же в демографической науке критериям, население считается *старым*, если последний показатель превышает 7%).

Прогнозируя развитие демографической ситуации у отдельных этносов Северной Осетии, необходимо отметить, что существующие темпы роста смертности и снижение уровня рождаемости уже в ближайшие годы приведут к дальнейшей депопуляции осетинского населения республики. Единственный источник роста численности населения Северной Осетии в целом и осетин в частности – миграционный прирост имеет тенденцию не только к сокращению, но и к превращению в миграционный отток. Так за последние 5 лет миграционный прирост всего населения республики сократился с 1931 чел. до минус (-)1991 чел., осетин – с 4056 до 36 чел.

Переписи населения и родной язык. Как правило, родной язык членов семьи, а тем более детей (как несовершеннолетних, так и совершеннолетних, записывался и

записывается в ходе переписей населения со слов одного из членов семьи. При этом, несмотря на самый различный уровень владения языком своей национальности, именно он, как правило, указывается родным языком. *Срабатывает стереотип мышления, при котором родной язык отождествляется с этнической принадлежностью.* Особенно характерно это для титульных этносов РФ, проживающих в своих национально-государственных образованиях. Не составляют в этом плане исключение и осетины, проживающие в Северной Осетии. Для них, как и для многих других титульных этносов республик РФ, сегодня характерен значительный рост национального самосознания. В итоге большая часть осетинских детей и молодежи республики, а также определенная часть осетинского населения среднего возраста проживающая, в частности, в г. Владикавказе и практически не владеющая языком своей национальности, окажется в итоге Всероссийской переписи населения-2002 включенной в численность осетинского населения, указавшего родным осетинский язык. Исходя из вышеизложенного, а также из-за отсутствия в переписном листе конкретной графы о родном языке и, что особенно важно, из *качества* проведенной переписи, в частности относительно вопроса о родном языке, итоги прошедшей Всероссийской переписи населения не дадут нам возможности иметь реальную картину с родным языком у многих народов России, в том числе и у осетин. Как, впрочем, не давали такую возможность и прежние Всесоюзные переписи населения.

Зная, в частности, реальную языковую ситуацию в Северной Осетии и динамику ее развития, мы вправе считать, что во всех предыдущих переписях населения данные по родному языку *были явно завышены* в пользу языка своей национальности не только у осетин, но и у представителей ряда других этносов, проживающих в республике. Данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов по родному языку у осетин Северной Осетии свидетельствуют о неизменном характере отождествления родного языка со своей национальной принадлежностью. Родным указали язык своей национальности 98% осетинского населения Северной Осетии в ходе переписи населения 1959 года; в переписях населения 1970, 1979 и 1989 годов этот показатель равнялся соответственно 98,4 98,3 и 98,2%, то есть оставался практически неизменным. Доля осетин, указавших родным языком русский, также оставалась практически неизменной: 2% - в 1959 г., 1,6% - в 1970 г., 1,7% - в 1979 г. и около 1,8% – в 1989 г. Родным назвали язык своей национальности в ходе переписи 1989 года в целом и 88,9% населения других вместе взятых титульных этносов республик и автономных областей Северного Кавказа, русский – 0,9%; у отдельно взятых указанных этносов эти показатели варьировали соответственно от 97,2 до 99% и от 0,2 до 1,7%.

В действительности же этноязыковая ситуация, по крайней мере, в Северной Осетии совершенно иная. Как свидетельствуют многочисленные социологические опросы и исследования состояния осетинского языка, проведенные в республике в последние годы, русский язык давно стал родным или, по крайней мере, является первым родным языком для значительной части осетин [1].

Небезынтересно будет отметить, что у осетинского населения РФ, проживающего за пределами своей республики, в силу ряда причин объективного и субъективного характера отсутствует жесткая связь между национальной принадлежностью и родным языком-языком своей национальности, что дает основания доверять итогам переписей населения, касающихся вопроса о родном языке именно этой категории РФ. Вероятно, что это в значительной мере относится и к другим титульным этносам, проживающих вне пределов своих национально-государственных образований. Данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 годов свидетельствуют, в частности, не только об отсутствии у осетин РФ, проживающих за пределами своей республики, жесткой связи между этнической принадлежностью и родным языком-языком своей национальности, но и об определенной динамике абсолютных и относительных данных, касающихся родного языка.

Так, если по итогам переписи населения 1959 года, родным указали осетинский язык 73% указанной категории осетинского населения РФ, а русский язык немногим более 25%, то по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 года эти показатели составляли уже соответственно 68,4 и 29,6%. Родным назвали язык своей национальности при переписи 1989 года в целом и 88,9% населения других титульных этносов республик и автономных областей Северного Кавказа, проживающих за пределами своих национально-территориальных образований, русский – 9,4%. У отдельно взятых указанных этносов эти показатели варьировали соответственно от 66,3 до 94,5% и от 4,7 до 30,8%.

Проблемы проведения Всероссийской переписи населения 2002 года в Северной Осетии. Проблемы проведения переписи населения в Северной Осетии не имели существенных отличий от общероссийских проблем переписной кампании. Тем не менее, постараемся коротко остановиться на этих проблемах и некоторых вопросах, вызванных ходом переписи населения и некоторыми ее предварительными итогами.

1. Отсутствие принципа обязательного участия в переписи и вытекающая из него активность участия населения в переписи. Согласно данным опроса населения Северной Осетии, проведенного Центром социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления (ЦСГИ ВИУ) 27-29 сентября 2002

г. (опрошено 618 чел.), на вопрос: “Как Вы считаете, участие в переписи должно быть обязательным или добровольным?” 76% опрошенных ответили “*обязательным*”, 17% - “*добровольным*”. 7% опрошенных ответить однозначно на указанный вопрос затруднились. На следующий вопрос анкеты: “Примите ли Вы участие во Всероссийской переписи населения 9-16 октября 2002 года?” 92% опрошенных ответили “*да*”, 5% ответили “*нет*”. 3% опрошенных однозначно ответить на указанный вопрос затруднились. Необходимо отметить, что подавляющее большинство респондентов с большим пониманием отнеслось к необходимости участия в переписи населения, но при этом выразило сомнение в том, что переписчики получают не на все вопросы переписного листа искренние ответы (*Об этом более подробно – ниже*). Результаты указанного опроса практически совпали с результатами общероссийского опроса, проведенного Фондом общественного мнения в августе 2002 г. (опрошено 1600 чел.). В ходе этого опроса “*да*” на указанный вопрос ответили 90% опрошенных, “*нет*” – 6%, затруднились ответить – 4% [2].

Однако, как известно из опыта различных социологических опросов, декларируемая/заявляемая готовность принять участие в той или иной акции всегда бывает, как правило, выше уровня реального участия. Этот факт в очередной раз был подтвержден результатами опроса населения Северной Осетии, проведенного ЦСГИ ВИУ 21-25 октября 2002 г. (опрошено 520 чел.). Результаты опроса показали, что во Всероссийской переписи населения-2002 приняли участие лично или через членов своей семьи 87% опрошенного населения республики, из них были опрошены лично (в том числе по телефону) – 52%, учтены при переписи членов семьи – 35%. 8% опрошенных ответить на поставленный вопрос затруднились: *переписаны лично не были, но и не смогли однозначно ответить были ли они учтены при переписи членов их семей и были ли переписаны члены их семей вообще*; 5% респондентов (все – в г. Владикавказе) ответили однозначно: “*Ни его лично, ни членов его семьи никто не переписывал*”. Отметим, что в числе последних не было ни одного человека, который не был переписан по причине своего нежелания участвовать в переписи населения (напомним, что согласно опроса, проведенного ЦСГИ ВИУ 27-29 сентября 2002 г., 5% опрошенного населения высказали намерение не участвовать в переписи).

Результаты опроса, проведенного ЦСГИ ВИУ 21-25 октября 2002 г., несколько не совпали с официальной информацией о том, что, в частности, в г. Владикавказе “в переписи приняло участие 100% горожан” [3], что “переписаны практически все 100% населения республики” [4].

По результатам аналогичного опроса, проведенного Фондом общественного мнения в конце октября 2002 г. (опрошено 1500 чел.), в целом по РФ в переписи населения приняли участие лично или через членов своей семьи 92% опрошенного населения, в том числе были опрошены лично - 66%, через членов семьи – 26%. 7% респондентов ответили, что не участвовали в переписи, а 1% опрошенных ответить на поставленный вопрос затруднились [5]. Только в Москве, “по официальным данным, “вписать себя в историю” отказались около 600 тыс. чел. – 7% населения столицы” [6]. Тем не менее, в своем интервью журналу “Итоги” заместитель председателя Госкомстата России С. Колесников сказал: “Можно сказать, что перепись охватила практически все население страны... Да, мы пересчитали тех, кого увидели (!? – А.Д.)” [7].

2. Проблема выхода на расчетную численность и достоверности итогов переписи населения. Стремление выхода при переписи населения на расчетную численность, определенную Госкомстатом России для всех регионов РФ, и пути решения этой проблемы ставят под сомнение достоверность итогов переписи. В Северной Осетии расчетная численность, исходя из интервью с председателем Госкомитета Северной Осетии по статистике З. Кононовой, должна была быть, вероятно, порядка 680-700 тыс. чел. Отсутствие принципа обязательного участия населения в переписи и, что весьма существенно, *ее анонимность*, с одной стороны, и проблема выхода на расчетную численность - с другой, стремление некоторых руководителей районного, городского, муниципального и областного/краевого/республиканского уровней выйти на “*нужную/желательную*” численность “своего” населения – с третьей, и т. д. вызывает опасения, что в ряде регионов РФ вместо сплошной переписи населения могли быть использованы другие методики и способы “*выхода*” на нужную численность. Еще в подготовительный к переписи период на возможность этого указывал один из активных участников переписной кампании, директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков. “Если город, район или регион желают преодолеть некий численный барьер или получить определенный национальный состав своего населения, - писал В. Тишков в “Независимой газете”, - сделать это при анонимном вопроснике будет нетрудно, а проверить - невозможно. В России клиентов для подобных манипуляций более чем достаточно” [8]. На возможность “*подведения*” итогов переписи под “*желательные результаты*” в отдельных регионах РФ указывал, в частности, “Еженедельный журнал” [9]. Свидетельством этого могут быть уже опубликованные в региональных СМИ предварительные данные о численности населения в ряде субъектов РФ, которые значительно превышают официальные данные Госкомстата России на начало 2002 г. и “зашкаливают” за все расчетно допустимые показатели. Так, например, численность

населения Чечни, по данным Госкомстата России, насчитывала на начало 2002 г. около 625 тыс. чел. [10], по другим источникам - от 600 тыс. до 900 тыс. чел. [11]. “По оптимистическим прогнозам, звучавшим накануне переписи, - писала “Независимая газета”, - число жителей республики не должно было превысить 900 тыс. чел.” [12]. По расчетам автора данной статьи численность населения Чечни составляла на начало октября 2002 г. порядка 900-920 тыс. чел. Согласно же предварительным данным переписи 2002 года в республике на период проведения переписи проживало 1 млн. 88,8 тыс. чел. [13]. Численность населения Дагестана по предварительным данным переписи оказалась *более чем на 300 тыс. чел. больше* официальных данных численность населения республики на начало 2002 г. – соответственно более чем 2,5 млн. чел. и 2,18 млн. чел. [14]. *Почти на 130 тыс. чел. больше*, чем считалось, оказалось по предварительным данным переписи населения в Ингушетии – соответственно 476,9 тыс. и 350 тыс. чел. [15]. *Если же эти предварительные итоги переписи населения верны, то они являются свидетельством более чем плохой работы в последние 13 лет региональных комитетов Госкомстата России и правоохранительных органов этих регионов по учету естественного и механического движения населения.*

Уже опубликованная информация о некоторых предварительных итогах численности населения как в РФ в целом, так еще более в ее отдельных субъектах вызывает, мягко сказать, удивление и тем самым подтверждает высказанные выше опасения. Так, в частности, оценочная численность населения РФ, сделанная Госкомстатом России, составляла на 1 сентября 2002 г. 143,4 млн. чел. [16]. В переписи населения, по приведенным выше данным Фонда общественного мнения, не приняли участия 7% населения (не считая 1% “затруднившихся” однозначно ответить – были или не были они переписаны в ходе переписи населения. Вероятнее всего, что – нет). 7% - это порядка 10 млн. чел. По данным министра по делам национальностей РФ В. Зорина, озвучившего предварительные итоги переписи населения, общая численность населения России составила 145,1 млн. чел. [17]. *Кем и каким образом были учтены уже не 10 млн., а почти 12 млн. чел.? Откуда взялись эти еще почти 2 млн. чел.?*

Вероятнее всего, что подобная ситуация наблюдается практически во всех субъектах РФ. Так, в частности, в Северной Осетии численность постоянного населения на начало 2002 г. насчитывала немногим более 678 тыс. чел. В переписи не приняли участие 5% населения республики (около 34 тыс. чел.). Численность же *переписанного* населения Северной Осетии “составила” более 710 тыс. чел. Возникает тот же вопрос: *”Кем и каким образом были учтены эти более чем 65 тыс. чел.?”*

Необходимо отметить, что экспертные оценки давали практически эту же цифру численности населения республики – 700-705 тыс. чел. Вероятнее всего, что именно экспертная оценка и была озвучена председателем Госкомстата Северной Осетии.

Возвращаясь к расчетным данным и желанию руководителей отдельных административных единиц (населенных пунктов, районов и субъектов) иметь *нужную* численность населения, отметим, что не исключено, что эти *нужные* данные или их различные корректировки могут быть *“найжены”/осуществлены* и в процессе подготовки материалов переписи к машинной обработке.

3. Проблема достоверности итогов переписи населения Северной Осетии в частности и РФ в целом. В ходе указанного опроса, проведенного ЦСГИ ВИУ 21-25 октября 2002 г., респондентам задавался вопрос: “Достоверными ли, на Ваш взгляд, будут итоги переписи населения Северной Осетии?”. 61% опрошенных ответили “да”, в том числе 43% - “однозначно да”, 18% - “скорее да, чем нет”, 28% респондентов посчитали, что “нет”, в том числе 16% - “скорее нет, чем да”, 12% - “однозначно нет”. 11% опрошенных дать какой-либо ответ на указанный вопрос затруднились. По данным, приведенным журналом “Коммерсантъ-ВЛАСТЬ”, достоверность итогов Всероссийской переписи населения оценивается экспертами на 75% [18].

Приложение: Дополнительный (справочный) материал к тексту:

Таблица 1

Динамика численности городского населения Северной Осетии (1979-1989-2002 гг.), *тыс. чел.*

	17.01.1979 г., <i>перепись</i>		12.01.1989 г., <i>перепись</i>		1989 г. в % к 1979 г.	9.10.2002 г., <i>перепись</i>		2002 г. в % к 1989 г.
	численность	%	численность	%		численность	%	
Все население	399,7	100	433,7	100	108,5	464,9	100	107,2
осетины	177,7	44,4	213,8	49,3	120,3	280,1	60,2	131,0
русские	162,1	40,5	151,9	35,0	93,7	127,3	27,4	83,8
ингуши	8,2	2,1	12,2	2,8	148,2	2,9	0,6	23,8
армяне	12,5	3,1	13,1	3,0	105,0	15,9	3,4	121,4
грузины	9,2	2,3	10,2	2,4	110,1	8,2	1,8	80,4
Украинц	9,4	2,4	8,8	2,0	93,2	4,3	0,9	48,9

ы								
кумыки	1,0	0,3	1,4	0,3	140,4	2,3	0,5	164,3
чеченцы	1,2	0,3	2,0	0,5	159,1	2,3	0,5	115,0
другие этносы	18,4	4,6	21,0	4,7	114,1	21,6	4,7	102,9

Таблица 2

Динамика численности сельского населения Северной Осетии (1979-1989-2002 гг.), *тыс. чел.*

	17.01.1979 г., <i>перепись</i>		12.01.1989 г., <i>перепись</i>		1989 г. в % к 1979 г.	9.10.2002 г., <i>перепись</i>		2002 г. в % к 1989 г.
	численность	%	численность	%		численность	%	
Все население	192,2	100	198,7	100	103,4	245,4	100	123,5
осетины	121,3	63,1	121,1	60,9	99,8	165,2	67,3	136,4
русские	38,6	20,1	37,2	18,7	96,5	37,4	15,2	100,5
ингуши	15,4	8,0	20,6	10,4	133,4	18,5	7,5	89,8
армяне	0,5	0,2	0,6	0,5	100,0	1,2	0,5	240,0
грузины	2,1	1,1	2,1	1,0	100,3	2,6	1,1	123,8
украинцы	1,2	0,6	1,3	0,7	113,1	0,9	0,4	69,2
кумыки	6,6	3,4	8,1	4,1	122,1	10,4	4,2	128,4
чеченцы	0,5	0,3	0,6	0,3	120,0	1,1	0,5	183,3
другие этносы	6,0	3,2	7,2	3,6	120,0	8,1	3,3	112,5

Таблица 3

Удельный вес городского и сельского населения Северной Осетии (всего и основных этносов). 1979-1989-2002 гг. %

	Все население			Осетины			Русские		
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Городское население	67,5	68,6	65,5	59,4	63,8	62,9	80,8	80,3	77,3
Сельское									

население	32,5	31,4	34,5	40,6	36,2	37,1	19,2	19,7	22,7
-----------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

Примечания:

1. См., в частности: *Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б.* Язык и этнокультурные реалии Северной Осетии // Северный Кавказ: этнополитические и культурные процессы в 20 в. - М., 1995; *Дзуцев Х.В.* Характеристика языковой ситуации в Северной Осетии (по материалам социологических исследований) // Северная Осетия: этнополитические процессы 1990-1994 гг. Т.1. - М., 1995; *Сидакова Д.Р.* Современные социальные функции осетинского языка // Работы Центра социологических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. – Владикавказ, 1999; *Цуцев А.А.* Некоторые аспекты языковой ситуации и языковой политики в Северной Осетии // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований и Владикавказского центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН. – Владикавказ, 2000. №1(5) и №2 (6); *Камболов Т.Т.* Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. – Владикавказ, 2002.

2. Журнал “*Коммерсантъ-ВЛАСТЬ*”. - 2002. 16-22 сентября. С.8.

3. Газета “*Владикавказ*”. 2002. 19 октября.

4. Газета “*Северная Осетия*”. - 2002. 11 ноября.

5. *Коммерсантъ-ВЛАСТЬ*. - 2002. 28 октября-3 ноября. С.10.

6. *Камакин А.* Вписались в историю (Интервью с заместителем председателя Госкомстата России С. Колесниковым // Журнал “*Итоги*”. - 2002. 22 октября. С.14.

7. *Там же*. С.15.

8. *Тишков В.* Перепись населения: опросный лист и логика жизни // *Независимая газета*. - 2002. 7 июня.

9. См.: *Жуков Б.* Ничейный счет // *Еженедельный журнал*. - 2002. 15 октября (№40). С.24.

10. *Численность и миграция населения РФ в 2001 году*. - М.: Госкомстат России, 2002. С.9.

11. См., например: Газета “*Время*”. - 2002. 18 октября; *Независимая газета*. - 2002. 10, 17 и 22 октября; газета “*Северный Кавказ*”. - 2002. №42 (октябрь).

12. *Независимая газета*. - 2002. 17 октября.

13. См., в частности: Газета “*Труд*”. - 2002. 16 октября; *Независимая газета*. - 2002. 17 октября; *Северный Кавказ*. - 2002. №41 (октябрь).

14. См.: *Северный Кавказ*. - 2002. №43 (октябрь); *Численность и миграция населения РФ в 2001 году*. - М., 2002. С.9.

15. См.: *Северный Кавказ*. - 2002. № 43 (октябрь).
 16. См.: *Итоги*. - 2002. 22 октября. С.16.
 17. См.: *Независимая газета*. - 2002. 27 ноября.
 18. См.: *Коммерсантъ-ВЛАСТЬ*. - 2002. 28 октября-3 ноября. С.23.
-

ⁱⁱ В анкете в одну группу были объединены ИТР и средний управленческий персонал.

ⁱⁱ См. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России//Социологические исследования. 2004. № 10 С. 31-42.

ⁱⁱⁱ См., например: *Аитов Н.А.* Социология развития регионов. М., 1985; *Кахаров А.Г.* Социология регионов. М., 1996; *Рязанцев И.П.* Социально-экономические отношения «регион – центр»: теория, методология, анализ. М., 1998.

^{iv} *Староверов В.И.* Социология регионов // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1998. С. 440.

^v См. об этом: *Дыльнова З.М.* Социологическая интерпретация понятия «регион» // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М.: Альфа-М, 2003. Т. 2. С. 693-694.

^{vi} См., например: *Щедровицкий Г.П.* Два понятия системы // Труды XIII Межд. конгресса по истории науки и техники. Т. 1а. М., 1974.

^{vii} См. об этом: *Бычкова Е.В., Терешин В.П.* Социальная напряженность: методика

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ТИПОВОЙ МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА

Плотникова Е.Б., Несевря Н.А. (Пермь)

Формирование социокультурного атласа России, осуществляемое через построение социологических портретов регионов, требует не только выработки адекватной унифицированной методологии описания отдельно взятых субъектов Федерации, но и определения специфических методов сбора информации о социальных, культурных, политических и прочих явлениях, четкого планирования процесса сбора данных, а также выбора способов их анализа.

Для составления наиболее полного Портрета каждого региона, демонстрирующего его социокультурные особенности, оптимальным представляется использование как специальных социологических методов (массовые опросы, экспертные интервью, фокус-группы), так и обращение к статистическим данным, характеризующим регион в объективных показателях. Необходимость сочетания информации, полученной из разных источников и разными способами, обусловлена тем, что ряд сфер жизни региона можно охарактеризовать только путем специально организованного социологического исследования, другие же, напротив, только на основании статистических показателей и индексов, третьи и вовсе для наиболее полного освещения требуют соединения самых разнородных сведений, выявленных как в ходе, например, массового опроса, так и полученных из статистических сборников.

Наименее трудоемким может показаться описание тех сфер жизнедеятельности региона, которые могут быть репрезентированы исключительно через статистические данные. К подобным сферам мы можем отнести экономический аспект жизни региона или существующую в регионе инфраструктуру. Такие показатели как средняя заработная плата, величина прожиточного минимума, структура потребительских расходов, число больниц, школ, музеев и спортивных сооружений и прочее довольно полно характеризуют указанные подсистемы региона. Источниками подобной информации могут быть различные статистические сборники, например справочники «Регионы России: социально-экономические показатели», «Социально-экономическое положение и уровень жизни населения России», сборники Всероссийской переписи населения 2002 г. и другие. Обращение к материалам статистики позволит исследовать

динамику тех или иных региональных показателей, а также сравнить состояние изучаемых подсистем в различных регионах. Основной трудностью на пути описания региона через статистические показатели можно считать потенциальную недоступность статистических сборников за некоторые годы. Так, в Пермской области представляется достаточно затруднительным найти в публичных библиотеках справочники, содержащие результаты последней всероссийской переписи населения, тогда как информация, имеющаяся в данном издании, для составления социологического портрета является крайне важной; кроме того, сборник «Регионы России» за несколько лет (преимущественно начала 1990-х гг.) в Пермском регионе также отсутствует в свободном доступе. Выходом из подобной ситуации может стать обращение к прочим статистическим сборникам («Социально-экономическое положение России», «Статистический ежегодник Пермской области», «Пермская область в цифрах»), однако здесь мы сталкиваемся с иной проблемой. Ряд статистических показателей, требуемых для составления социологического портрета, имеют различные варианты исчисления. Так, уровень безработицы может демонстрироваться количеством человек, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, долей безработных в общей совокупности населения трудоспособного возраста или количеством человек, обозначивших себя безработными в ходе обследований населения по проблемам занятости. Указанные различия требуют четкого определения конкретных индикаторов подсистем региона и способов их изменения, а в дальнейшем проводить сравнительный анализ субъектов Федерации по идентичным параметрам.

Культурная подсистема региона весьма условно может быть описана в объективных социологических показателях. Для ее характеристики более уместным представляется обращение к результатам проведенных ранее социологических исследований, а также специальная организация массового опроса и фокус-групп. Так, определение преобладающих в сознании населения ценностей (существующего ценностного ядра, доминирующих образцов, стандартов поведения), выявление особенностей социального самочувствия, специфики формирующегося общественного мнения, образа жизни возможно только на основании результатов опроса жителей. В то же время характеристика контекста формирования социокультурных особенностей региона, использования в регионе культурного потенциала возможна, скорее, на основании экспертных оценок ученых, деятелей культуры и искусств, журналистов, представителей власти. Целесообразность проведения специального социологического

исследования для изучения сфер, не описываемых через статистические показатели, объясняется необходимостью дальнейшего сравнения данных, полученных исследователями в разных регионах. Осуществленный по единой методике с использованием унифицированного инструментария массовый опрос сделает информацию о социокультурных особенностях каждого региона сопоставимой.

Специфика, и даже уникальность всех субъектов Российской Федерации требует выяснения суждений населения по проблемам, актуальным только для данной территории. Например, для Пермской области этнические проблемы не являются крайне значимыми, тогда как для многонациональных регионов (например, Татарстана или республик Кавказа) подобные вопросы важны. Специфичность российских регионов обязательно должна отражаться в их социологических портретах, что требует включения в исследование, проводимое по единой методике, задач, нацеленных на определение особенностей каждого субъекта Федерации. Оптимальным вариантом представляется сочетание при разработке инструментария массового опроса, как общих для жителей всех регионов вопросов, так и вопросов, характеризующих уникальные проблемы каждой республики, края, области.

Наибольшую сложность при составлении социологического портрета любого субъекта РФ составляет описание подсистем, требующих обращения как к статистическим данным, так и к результатам социологических исследований. К таким подсистемам можно отнести, например, социальную стратификацию и социальную мобильность, трудовую занятость и экономическую активность населения, местное самоуправление и ряд других. Главная трудность здесь заключается в том, что статистические данные не всегда представляют реальную ситуацию в регионе (это касается, например, доходов населения или количества мигрантов), однако, эти данные являются отправной точкой для получения объективной информации. В свою очередь социологические методы могут быть скорректированы эти данные и поэтому они не могут быть исключены из поля зрения составителей Портрета региона.

Социокультурный Портрет региона имеет весьма сложный характер и по своему содержанию, и по структуре. Это требует тщательного планирования процесса организации работы по сбору информации для его составления. Осуществление данного этапа исследования может строиться следующим образом. Определив основные подсистемы региона и специфику их взаимозависимости, следует выявить и наиболее полно описать конкретные характеристики каждой подсистемы. Затем – определить источники информации о данных характеристиках. Здесь важно найти ответы на такие

вопросы: существует ли вообще такая информация и в каком виде? Как ее можно получить? Как ее следует представить? Значимым является то, чтобы каждая выделенная характеристика региона потенциально могла быть описана с помощью тех или иных методов.

Составление социологического портрета региона должно предваряться разработкой программы проведения исследования, в которой будут отражены подсистемы региона, группы показателей, характеризующих все подсистемы, индексы, соответствующие каждому показателю и варианты их исчисления. Только в случае наличия качественно разработанной программы мониторинга региона будет обеспечен единый подход к описанию его социологического портрета.

Для осуществления возможности сравнения результатов исследований, проведенных в отдельных субъектах РФ, следует четко определить те подсистемы региона, которые являются принципиально важными для его социокультурной характеристики. Поэтому первый блок программы должен содержать показатели, необходимые для анализа в каждом регионе, второй же блок может включать показатели, характеризующие лишь некоторые субъекты Федерации, целесообразность рассмотрения которых справедлива не для всех регионов. Данный блок также должен оперировать четко определенными показателями, поскольку это обеспечит возможности использования разработанной методики для исследования регионов в мониторинговом режиме в дальнейшем.

Анализ подсистем регионов в рамках программы исследования может быть представлен в виде таблицы, содержащей показатели и индикаторы, характеризующие каждую подсистему региона. Таблица 1 является подобным примером анализа подсистемы, условно названной «социальная стратификация».

Таблица 1

Подсистема	Характеристики	Показатели	Измерение	Источники информации
------------	----------------	------------	-----------	----------------------

Социальная стратификация	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие больших групп людей, отличающихся уровнем дохода и отношением к собственности. 2. Наличие большим групп людей, отличающихся по своим принципам потребления благ. ... 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Структура населения региона по доходам 2. Индексы концентрации доходов 3. Объем расходов на питание в общей структуре расходов 4. Возможность удовлетворения базовых потребностей 5. Принадлежность к социальному слою на основании самоидентификации населения ... 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Распределение общего объема денежных доходов по 20-% группам 2. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума 3. Распределение населения по группам расходов на питание ... 	<p>Результаты проведенных ранее социологических исследований, Статсборник «Регионы России», Облстат</p> <p>Результаты массового опроса</p>
--------------------------	---	---	--	--

После разработки программы исследования, предполагающей составления подобной таблицы, включающей все подсистемы региона, можно приступать к сбору информации – поиску необходимых статистических данных, проведению массового опроса, экспертных интервью и пр.

Способы получения информации, требуемой для составления портрета, определяют состав и обязанности участников процесса работы над социокультурным Портретом региона. Условно их можно поделить на две группы: ядро проекта (сотрудники, координирующие работу над проектом, определяющие содержание и объем требуемой информации, анализирующие полученные данные); исследовательские группы (они могут состоять из студентов, работающих под руководством членов ядерной группы. В задачи членов таких групп входит сбор статистической информации, участие в проведении социологического опроса, помощь в обработке первичной информации. Условия их участия в проекте могут быть разными).

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТЕ РЕГИОНА

В.И.Ульяновский (Архангельск)

Социологический портрет региона будет более полным при включении в его состав качественных характеристик, представленных социальным потенциалом и социальным капиталом региональной общности. Предложенные категории получили широкое

распространение, о чем свидетельствует анализ современной социологической литературы.

Потенциал - понятие многозначное. Одно из его значений - совокупность имеющихся ресурсов, средств, возможностей для достижения какой-либо цели. Другое значение – это скрытая сила, могущая проявиться при известных условиях. Многозначность термина делает необходимым определиться с содержанием, которое каждый исследователь придает используемой дефиниции.

Под социальным потенциалом мы понимаем совокупность качеств и свойств населения, определяющих возможность развития или деградации социума. При изучении социального потенциала, на наш взгляд, важно различать, во-первых, потенциал как качественную определенность объекта (личности, общности, региона), обладание некоторыми свойствами, средствами, предназначенными для достижения предполагаемой или заданной цели. С другой стороны, социальный потенциал – это условия, при которых данный объект становится действительностью, превращается в субъект деятельности, вовлекается в эту деятельность как активная сила. Таким образом, когда речь идет о человеке, социальной общности, то их потенциалы могут рассматриваться и как субъект, и как объект социального действия. Социальный потенциал можно определить через систему социальных показателей: демографических, профессиональных, жизненного уровня и состояния духовной культуры.

Традиционно внимание региональных органов власти концентрируется на проблемах развития экономики, мониторинге экономического потенциала территории. Разрабатываемые программы пространственного развития региона нуждаются в действенном механизме контроля. Приемлемой для управления социальными процессами в регионе, формой их представления, на наш взгляд, может служить модель регионального социума, основанная на идеально-нормативном и реальном его состоянии, зафиксированная в объективных и субъективных показателях. Вполне очевидно, что нормативный профиль социума и фактический, зафиксированный в объективных и субъективных показателях, не совпадают. Устранение существующего лага между нормативной моделью с одной стороны и реальной, зафиксированной в системе объективных и субъективных показателей, с другой – является объектом социальной политики региона. По характеристике социального потенциала возможно проведение сравнительного анализа развития регионов. Не только отдельные индивиды, но и регионы имеют разные адаптационные возможности, обусловленные как субъективными, так и объективными факторами. Парадоксом развития российской

экономики является факт, что абсолютное большинство регионов России являются убыточными и вынуждены решать социальные проблемы региона за счет дотаций, субвенций, трансфертов и других видов помощи из федерального центра. Размер этой помощи определяется не на нормативно-индикативной основе, а в значительной степени исходит из принципов политической целесообразности и мастерства лоббирования региональных интересов.

Если социальный потенциал присущ индивидуумам, или социальной общности, то социальный капитал характеризует качество социальных отношений. Именно в этом и состоит эвристическое значение категории «социальный капитал».

Категория «капитал» предстает как базовая экономическая категория в фундаментальном труде К.Маркса «Капитал». Марксизм рассматривает категорию «капитал» как производственное отношение.

В социологии категория «капитал» получила широкое распространение со времени выхода в свет в 1964 году работы Г. Беккера «Человеческий капитал». Эвристическое значение категории «человеческий капитал» для социологии, экономики, политики было несомненным. За разработку концепции человеческого капитала Т.Шульцу в 1979 году и Г.Беккеру в 1992 году были присуждены Нобелевские премии. Г.Беккер определяет человеческий капитал как совокупность навыков, знаний, умений, человека, расходы, которые могут приносить со временем ощутимую прибыль, как самому работнику, так и работодателю.

Идея «социального капитала» впервые была обоснована Дж. Коуэлменом, который рассматривал социальный капитал как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы (1). Он считал, что «социальный капитал представляет собой институты, отношения и нормы, определяющие качество и количество социальных взаимодействий в обществе». Развивая эти идеи, он подчеркивает, что в отличие от физического и человеческого капиталов, капитал социальный существует только во взаимоотношениях индивидов. Он понимает социальный капитал как идентификацию аспектов социальной структуры с их функциями, иначе говоря, выявляет ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсов в достижении своих целей (2).

Пьер Бурдьё позицию агента в социальном пространстве представляет через обладание различными видами капитала. Он раскрывает структуру капитала, дает характеристику основных его видов: экономического, культурного, социального и

символического. Отдельные виды капитала, по его мнению, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле. В своей статье «Формы капитала» П.Бурдье рассматривает культурный капитал (и, в частности, три его основных состояния: инкорпорированный, объективированный и институционализированный) и социальный капитал. П.Бурдье утверждает, что экономический капитал образует основу всех других типов капитала (3). Социальный капитал П.Бурдье определяет как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства» (4).

Идею множественности видов капитала: физического, финансового, человеческого и социального, используемого населением для выживания в непростых социально-экономических условиях, решения повседневных проблем рассматривает С. Бюссе. Он рассматривает общие закономерности трансформации форм капитала, а также значимость социального капитала для развития неформальной экономики (5).

Н.Е.Тихонова термин «социальный капитал» понимает как включенность в систему отношений, способствующую наращиванию совокупного капитала и, как следствие – углублению неравенства в обществе (6). В.В.Радаев с позиций экономико-социологической интерпретации капитала дает классификацию основных форм капитала и проблемы их взаимной конвертации. Он предлагает аналитическую схему в виде свода операциональных понятий, которые могут непосредственно использоваться в эмпирических исследованиях (7). Они могут использоваться и при составлении социокультурного Портрета региона.

Л.В.Стрельникова с позиций социо-антропологического, социологического, экономико-институционального и политологического подходов проводит анализ социального капитала.(8)

Таким образом, понятие «социальный капитал» активно разрабатывается в зарубежной и отечественной социологии, но однозначного его определения пока не существует. По-нашему мнению, под социальным капиталом следует понимать социальный институт, отношения, нормы, ценности которые формируют количество и качество социальных взаимодействий в обществе.

Нельзя обойти вниманием проблемы функционирования социального капитала. С.А.Стивенсон, анализируя результаты социологического опроса 123 уличных безнадзорных детей, приходит к выводу, что при вытеснении из «большого общества» социальный капитал не только теряется, но и накапливается в теневых сообществах. Дети активно пытаются найти надежные и эффективные социальные связи, которые помогли

бы им аккумулировать социальный капитал, обеспечить существование в параллельной экономике и обществе (9).

Как отмечает Г.В.Градосельская, в переходных социальных структурах, где институциональные формы обмена и доверия разрушены либо не сформировались, обращение социального капитала осуществляется «неформально», в обход официальной системы норм, а иногда вопреки ей. Социальные сети компенсируют нормативный вакуум и порождают «теневые» формы солидарности по формуле: сегодня я помогу тебе – завтра ты поможешь мне (10).

Для построения социокультурного Портрета региона может быть использована сетевая теория общества. Роберт Путнем считал, что « социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации как социальные сети, социальные нормы, и доверие (networks, norms and trust), создающих условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды».

У.Пауэлл и Л.Смит-Дор представили для публичного обсуждения четыре основных направления сетевых исследований. *Первое направление*- роль социальных связей при поиске работы, мобилизации коллективного действия и передачи информации. *Второе*, наиболее разработанное в современной литературе направление, посвящено сетям и власти. *Третье направление* анализирует обратную эволюцию [de- evolution] крупной централизованной вертикально интегрированной фирмы и ее распадение на сложные сети соглашений. *Четвертое направление* исследуют сети производства, в которых все возрастающую роль играет пространственно децентрализация в развитии новых производственных процессов и коммерциализации новых продуктов. (11).

Предпринимая исследование социального капитала в рамках составления Портрета региона, следует иметь в виду сложности его измерения. Так, например, Р.Путнем при анализе различий в социальном капитале в разных штатах опирался на показатели интенсивности вовлеченности в жизнь сообщества или организации; общественной активности; благотворительной деятельности; неформальной социализированности; уровня межличностного доверия (12). Эксперты Всемирного Банка оценку социального капитала строят на основе выявления параметров деятельности индивидов в ассоциации и степень доверия к различным институтам и другим людям (13).

Таким образом, важнейшим атрибутом социального капитала является доверие. Различают три типа доверия: межличностное доверие между знакомыми, межличностное доверие между незнакомыми людьми, доверие к общественным и частным институтам. В

соответствии с такой градацией может быть осуществлена разработка социологической анкеты.

Социологические исследования в регионах свидетельствуют, что государственные структуры власти и управления катастрофически теряют доверие народа. Причем в наименьшей степени народ оказывает доверие местным органам власти, ответственным за повседневные проблемы народа. При каких условиях возможно восстановление доверие населения? Очевидно, что нужна большая информированность, в том числе о конкретных результатах деятельности государственной деятельности. Свою роль в процессе информированности населения может сыграть составление социокультурного Портрета региона.

Литература

1. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital//American Journal of Sociology, 1988. Vol. 94 Supplement, pp. 95-120.
2. Коулмэн Д. Капитал социальный и человеческий// Общественные науки и современность.2001.№3.С. 121-139.
3. Бурдьё, Пьер Формы капитала//Экономическая социология.2002.Т.3.№5.С.60-74
4. Bourdieu, P. The forms of capital// Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986, p. 21.
5. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России// Мир России.2002.№2.С.93-104.
6. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства //Общественные науки и современность.2004.№4.С.24-25.
7. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация//Общественные науки и современность.2003.№2. С.5-16.
8. Стрельникова Л.В. Социальный капитал//Общественные науки и современность.2003.№2. С. 33-41.
9. Стивенсон С.А. Уличные дети и социальный капитал городских теневых сообществ//Социологический журнал.2000.№3/4. С.87-97.
10. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами //Социологический журнал.1999.№1/2. С.156-163.
11. У.Пауэлл, Л.Смит-Дор. Сети и хозяйственная жизнь //Экономическая социология.2003.Т.;№3.С.61-107.
12. Putnam,R.(2000), Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community,Simon Schuster, New York.
13. Narayan,D. And Prichett,L. (1998), Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Rural Tanzania, Economic Development and Cultural Change World Bank, Washington.

Резолюция конференции

28-30 июня 2005 г. в Институте философии РАН (г. Москва) состоялась конференция «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Она организована Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФРАН) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). В конференции приняли участие специалисты из 19 субъектов Российской Федерации: республик Башкортостан, Ингушская республика, Карелия, Северная Осетия, Чувашская республика, Саха (Якутия); Краснодарского, Ставропольского краев; Архангельской, Белгородской, Курской, Московской, Нижегородской, Пермской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Тюменской областей; г. Москвы.

Участники конференции активно поддержали инициативу ЦИСИ ИФРАН по подготовке Типовой методики «Социокультурный (социологический) портрет региона». Проведение исследований с целью создания таких портретов для максимального числа регионов России (субъектов Российской Федерации) является одним из приоритетных направлений отечественной социологии на современном этапе ее развития. Решение этой задачи позволит создать «Социокультурный атлас России», поможет получить дифференцированную картину социокультурной эволюции российского общества, глубже осмыслить проблемы этой эволюции и способы их решения. Социокультурные портреты регионов и Атлас России будут востребованы политическими, деловыми, административными структурами регионов и всей страны, средствами массовой информации, учреждениями высшего и среднего образования, широкими кругами российских граждан.

Участники конференции единодушно **постановили:**

1. Одобрить в основном проект типовой методики «Социокультурный (социологический) портрет региона».

2. Рекомендовать ЦИСИ ИФРАН доработать этот проект с учетом высказанных предложений и замечаний; доработанный текст направить для информации и возможных уточнений руководителям исследований, нацеленных на подготовку социокультурных (социологических) портретов регионов.

3. Считать целесообразным опубликовать сборник материалов настоящей конференции, включая Типовую методику. Просить выступивших направить в ЦИСИ ИФРАН до 15 сентября с.г. доработанные тексты своих выступлений для их публикации.

Участники конференции благодарят РГНФ за финансовую поддержку данной конференции и проектов по подготовке социокультурных портретов регионов, а также выражают пожелание повысить финансирование этих проектов.

Список участников конференции

- Алексеева Ирина Юрьевна — доктор философских наук, начальник отдела философии, социологии, правоведения, политологии и науковедения Российского гуманитарного научного фонда, г. Москва.
- Ахvatкина Ирина Евгеньевна — младший научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, г. Москва.
- Бабочкина Светлана Петровна — младший научный сотрудник Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
- Баранов Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского госуниверситета, г. Краснодар.
- Беликова Светлана Валентиновна – кандидат юридических наук, консультант организационного управления Московской областной Думы, г. Москва.
- Беляева Людмила Александровна — доктор социологических наук, заместитель руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, г. Москва.
- Бирин Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, начальник отдела национальной политики Государственного комитета по делам национальной политики Республики Карелия, г. Петрозаводск.
- Винокуров Александр Иванович — заместитель директора Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы, г. Смоленск.
- Высоцкая Татьяна Николаевна — младший научный сотрудник сектора философии религии Института философии РАН, г. Москва.
- Гилязитдинов Джаудат Махмудович — доктор философских наук, заведующий кафедрой прикладной и отраслевой социологии Башкирского государственного университета, г. Уфа.
- Горяинов Владимир Петрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института системного анализа РАН, г. Москва.
- Давыденко Владимир Александрович — доктор социологических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой экономической социологии государственного университета, г. Тюмень.
- Дряхлов Николай Иванович – доктор философских наук, профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
- Ивашиненко Нина Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
- Ионов Александр Анатольевич — кандидат социологических наук, заведующий отделом Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
- Иудин Александр Анатольевич — доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
- Когай Евгения Анатольевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета, г. Курск.
- Котельников Геннадий Алексеевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, г. Белгород.

-
- Лапин Николай Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, г. Москва.
- Левичева Вера Сергеевна — директор общественной организации Социологический Центр, г. Самара.
- Местникова Агата Борисовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований академии наук Саха-Якутия, г. Якутск.
- Наумова Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии религии Института философии РАН, г. Москва.
- Несевря Наталья Александровна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета, г. Пермь.
- Пивоев Василий Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Петрозаводский гос. университет», г. Петрозаводск.
- Плиев Алан Григорьевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.А. Абаева г. Владикавказ.
- Плотникова Елена Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета, г. Пермь.
- Сампиев Ибрагим Магомедович — кандидат философских наук, заведующий кафедрой социологии и политологии Ингушский государственный университет, г. Назрань.
- Саунин Иван Васильевич — ученый секретарь научного центра, г. Саратов
- Туманов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, директор Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.
- Шохин Владимир Кириллович — доктор философских наук, заведующий сектором философии религии Института философии РАН, г. Москва.
- Ульяновский Виктор Иванович — доктор социологических наук, профессор Поморского государственного университета, г. Архангельск.
- Файзуллин Фаниль Саитович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа.
- Хитров Виктор Александрович — заведующий информационно-аналитическим сектором Государственной Думы Ставропольского края, г. Ставрополь.
- Шабунин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук Чувашского государственного института гуманитарных наук, г. Чебоксары.
- Шмаков Владимир Иванович — кандидат философских наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.